

Г. П. Матвиевская

ОРЕНБУРГСКИЙ НЕПЛЮЕВСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС. ОЧЕРК ИСТОРИИ

монография

Российская Академия Естественных Наук
Издательский дом Академии Естественных Наук

Г. П. Матвиевская

**ОРЕНБУРГСКИЙ НЕПЛЮЕВСКИЙ
КАДЕТСКИЙ КОРПУС. ОЧЕРК ИСТОРИИ**

Монография

Москва
2016

УДК 371(09)
ББК оп74.03
МЗЗ

Матвиевская Г. П.

МЗЗ Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории: монография. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. – 174 с.

ISBN 978-5-91327-397-0

DOI 10.17513/np.175

В книге прослеживается история становления Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса (до 1844 г. – Оренбургского Неплюевского военного училища) как учебного заведения, отвечавшего запросам Оренбургского края в первой половине XIX в. Очерк составлен на основе материалов Государственного архива Оренбургской области.

ISBN 978-5-91327-397-0

© Матвиевская Г. П., 2016.
© ИД «Академия Естествознания»
© МОО «Академия Естествознания»

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ПРЕДЫСТОРИЯ	7
2. УЧРЕЖДЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОГО НЕПЛЮЕВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА. П. К. ЭССЕН	11
2.1. «Постановление о Неплюевском военном училище».....	11
2.2. Подготовка к открытию Неплюевского военного училища. Первый директор Г. Ф. Генс	13
2.3. Открытие Неплюевского военного училища.....	17
2.4. Начало учебной работы и первые результаты.....	18
3. 1830–1833 ГОДЫ. П. П. СУХТЕЛЕН	22
3.1. Первые распоряжения П. П. Сухтелена	22
3.2. Новый директор Неплюевского военного училища К. Д. Артюхов	25
3.3. Проект реформы Неплюевского военного училища.....	27
3.4. Музей и библиотека.....	30
4. 1833–1842 ГОДЫ. В. А. ПЕРОВСКИЙ.....	34
4.1. В. А. Перовский и повседневная жизнь Неплюевского военного училища.....	34
4.2. Отчет о деятельности училища в 1833 г.	39
4.3. Учебная работа в 1834–1836 гг. Преподаватели	42
4.4. Директор училища И. М. Марков и новые преподаватели	45
4.5. Новое «Положение о Неплюевском военном училище»	46
4.6. Библиотека и музеи	55
5. 1842–1851 ГОДЫ. В. А. ОБРУЧЕВ	59
5.1. Преобразование Неплюевского военного училища в кадетский корпус	59
5.2. Эпидемия холеры 1848 г. Директор М. С. Шилов и обновление педагогического состава	65

5.3. Метеорологические наблюдения в Неплюевском кадетском корпусе: М. С. Аничков.....	68
5.4. Неплюевский кадетский корпус в 1849 г.: Отчет В. А. Обручева.....	69
5.5. Из «Записок» Н. Г. Залесова.....	75
6. 1851–1857 ГОДЫ. В. А. ПЕРОВСКИЙ: ВТОРОЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКИМ КРАЕМ.....	79
6.1. Первые распоряжения В. А. Перовского.....	79
6.2. Поправки к «Положению о Неплюевском кадетском корпусе».....	80
6.3. Проект постройки нового здания.....	83
6.4. Повседневная жизнь корпуса.....	85
6.5. Преподаватели.....	88
7. 1857–1860 ГОДЫ. А. А. КАТЕНИН.....	92
7.1. Новые поправки к «Положению о Неплюевском кадетском корпусе».....	92
8. 1860–1864 ГОДЫ. А. П. БЕЗАК.....	96
9. 1864–1881 ГОДЫ. Н. А. КРЫЖАНОВСКИЙ.....	101
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	111
Григорий Федорович Генс.....	111
Константин Демьянович Артюхов.....	123
Пётр Иванович Демезон.....	131
Александр Никифорович Дьяконов.....	139
Мартиниан Иванович Иванов.....	148
АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.....	155
ЛИТЕРАТУРА.....	165

В культурной жизни Оренбургского края XIX – начала XX вв. важную роль играло Оренбургское Неплюевское военное училище, открытое в 1825 г., а в 1844 г. преобразованное в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Это учебное заведение вплоть до 60-х гг. XIX в. отличалось от подобных ему учреждений России значительным своеобразием.

Неплюевский кадетский корпус упоминается во всех дореволюционных сочинениях об Оренбурге (К. А. Белавин [4], Ф. И. Лобысевич [32], П. Д. Райский [66], П. Н. Столпянский [76], В. И. Черемшанский [99] и др.). Различные моменты его истории были отражены в работах А. В. Васильева [8], П. В. Митурича [52, 53], С. Н. Севастьянова [70, 72], П. Л. Юдина [101].

В настоящее время Неплюевский кадетский корпус привлекает внимание исследователей, изучающих историю народного образования в Оренбургском крае (А. А. Аносов [2], В. С. Болодурин [5], С. Г. Мирсаитова [51], Н. Д. Шилов [100] и др.). Отмечается также его роль в развитии отечественного востоковедения [29, 30]. Кроме того, имеются многочисленные газетные и журнальные публикации оренбургских краеведов (Е. Г. Вертоусова [91], В. Г. Семенов [73, 74], Т. В. Судоргина [78–96]), в которых приведены различные интересные факты, связанные с Неплюевским кадетским корпусом.

Таким образом, литература об этом учебном заведении достаточно обширна. Однако многие вопросы, касающиеся его истории, организации учебного процесса, преподавательского состава, жизни воспитанников и деятельности выпускников и т.д., остаются неосвещёнными.

Нет и общего обзора истории Неплюевского кадетского корпуса. В опубликованном в 1913 г. кратком очерке [31] говорилось, что обстоятельный труд на эту тему будет написан к столетнему юбилею корпуса, который готовились отмечать в 1925 г., но в 1918 г. корпус прекратил своё существование.

Историю Неплюевского кадетского корпуса можно восстановить, опираясь на документы, хранящиеся в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО). Хотя фонд Неплюевского корпуса, содержащий 200 единиц хранения, в своё время был передан в Центральный Государственный военно-исторический архив СССР (теперь Российский государственный военно-патриотический архив), в ГАОО имеется достаточно материалов, которые позволяют дать полное представление о деятельности этого учебного заведения в период с 1825 по 1866 г., наиболее интересный в его истории. В дальнейшем в результате общероссийской реформы военно-учебных заведений оно утратило свой особый краевой характер.

Следует заметить, что по первоначальному уставу Неплюевского кадетского училища, а затем Неплюевского кадетского корпуса это учебное заведение находилось в ведении оренбургского военного губернатора, позднее генерал-губернатора. Поэтому его история чётко подразделяется на периоды, связанные с временем правления П. К. Эссена, П. П. Сухтелена, В. А. Перовского, А. А. Катенина, А. П. Безака. Это учитывалось при написании настоящего очерка.

1. ПРЕДЫСТОРИЯ

Официальное открытие Неплюевского военного училища состоялось 2 января 1825 г., но это событие имело долгую и непростую предысторию. Ещё в 1801 г. император Александр I в рескрипте к оренбургскому военному губернатору Н. Н. Бахметеву объявил: «Я положил в некоторых губерниях и, между прочим, в Оренбургской губернии, в городе Оренбурге учредить дворянское военное училище» [28]. Предполагалось, что воспитанники таких училищ пройдут в них обучение «в первых началах наук» и будут подготовлены к поступлению в кадетские корпуса и университеты «для дальнейшего и окончательного приуготовления одних к военной, а других к гражданской службе». Император призвал оренбургских дворян к пожертвованию средств на училище, и вскоре было собрано более 10 тысяч рублей.

Однако путь к открытию военного училища в Оренбурге оказался долгим и сложным. Его внимательно проследил в 1897 г. С. Н. Севастьянов [70], который показал, что главную роль в первоначальной истории Оренбургского Неплюевского военного училища сыграл оренбургский губернатор Григорий Семенович Волконский (1742–1824), правивший краем с 1803 по 1817 г.

Этот вывод основан на изучении хранившегося в архиве канцелярии оренбургского генерал-губернатора дела «О построении в Оренбурге училища под названием Неплюевского». В настоящее время это дело частично включено в фонд ГАОО¹.

С. Н. Севастьянов показал, что Г. С. Волконский, вступив в должность оренбургского военного губернатора, сразу увидел необходимость борьбы с «умственным невежеством, в какое было погружено народонаселение вверенного ему обширного края» [70, с. 2]. С этой целью он решил учредить в Оренбурге учебное заведение для казаков и представителей национальных меньшинств («инородцев»), присвоив ему имя Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773) – первого оренбургского губернатора, «устроителя» Оренбургского края.

Рис. 1. Григорий Семёнович Волконский

Но в 1805 г. правительство сократило список губерний, где по царскому рескрипту 1801 г. предполагалось открыть дворянские военные училища, и Оренбургская губерния в него не попала. Поэтому Волконскому пришлось затратить немало усилий, доказывая, что Оренбург остро нуждается в «учебном заведении, приспособленном к нуждам края».

Прежде всего, он нашел единомышленников, которые оказали материальную поддержку его начинанию, собрав более 20 тысяч рублей. Из них 10 тысяч пожертвовал внук И. И. Неплюева действительный тайный советник И. Н. Неплюев.

В октябре 1806 г. Г. С. Волконский направил императору рапорт, в котором говорилось: «Трехгодичное пребывание моё в Оренбургской губернии и наблюдение над народами, обитающими во Всевысочайше вверенном управлению моему крае, подало мне довольно

способов к узнанию их душевных способностей и нравов. Казаки оренбургского войска, башкиры, тептяри и мещеряки и все азиатцы имеют природные дарования душевные, неустрашимы, но нравы грубые. При каждом удобном случае обнаруживается в сих людях склонность к переимчивости, но и доселе способности их покрываются, так сказать, мраком заблуждения, и луч наук не проникал в жилища сих необразованных народов, между тем как по всей России свет просвещения разливается с полною быстротою. Сострадаю о таком положении сих народов, ... я осмелился ... предположить средства к образованию сих умов заведением в Оренбурге училища под названием Неплюевского и в сем намерении сообщил предприятие мое некоторым особам, которые уже пожертвовали на сие заведение с лишком на 20 тысяч рублей»².

К рапорту прилагался подробный план устройства училища³, который по приказу императора был передан для рассмотрения в Совет о военных училищах.

Г. С. Волконский считал, что для открытия Неплюевского училища требуется 60 тысяч рублей и просил у Совета исходатайствовать для этой цели из казны недостающих 40 тысяч. В марте 1807 г. на эту просьбу последовал решительный отказ. Сама идея о Неплюевском училище признавалась излишней, так как, согласно принятому в 1804 г. уставу учебных заведений «в Оренбурге положено быть гимназии и уездному училищу»⁴.

Однако Г. С. Волконский от своего плана не отказался. В 1808 г. встал вопрос, где следует открыть гимназию – в Уфе, которая с 1802 г. являлась административным центром Оренбургской губернии, или в Оренбурге, где находился «главный начальник края» оренбургский военный губернатор. В Оренбурге в это время действовало главное народное училище. Г. С. Волконский в письме к министру народного образования П. В. Завадовскому предложил перевести это училище в Уфу и на его основе создать там гимназию. В Оренбурге же, по его словам, «за выводом отсюда народного училища необходимо учредить училище для азиат и всех вообще иррегулярных войск». «Поэтому, – писал он, – я возобновляю мое предположение об учреждении Неплюевского училища» [70, с. 36–37].

Чтобы облегчить положение, Г. С. Волконский решил не просить о предоставлении из казны денег, недостающих для учреждения училища. Он изыскал для этого местные средства, используя прежде всего «мечетную сумму» – остаток от денег, которые выделялись на содержание мечетей, построенных в Оренбургском крае. Кроме того, продолжали поступать пожертвования на Неплюевское училище, а собранная сумма значительно увеличилась за счет выдачи ссуд частным лицам под 6% годовых. Об этом свидетельствуют хранящиеся в ГАОО «Документы о приходе и расходе суммы, собранной на заведение в Оренбурге военного Неплюевского училища с 1806 г. по 1821 год»⁵.

Вплоть до своего отъезда из Оренбурга в 1817 г. Г. С. Волконский настойчиво добивался решения вопроса о Неплюевском училище, затянувшегося в связи с Отечественной войной 1812 г. и европейскими походами. Его хлопоты продолжил новый оренбургский военный губернатор П. К. Эссен.

2. УЧРЕЖДЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОГО НЕПЛЮЕВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА. П. К. ЭССЕН

2.1. «Постановление о Неплюевском военном училище»

Петр Кириллович Эссен (1742–1844), правивший в Оренбургском крае с 1817 по 1830 г., вскоре после своего приезда в Оренбург направил военному министру донесение о необходимости скорейшего открытия Неплюевского училища, причем представил финансовые расчеты и план деятельности учебного заведения [70, с. 43–47].

Рис. 2. Пётр Кириллович Эссен

В 1824 г. дело, наконец, сдвинулось с места. Ходатайство П. К. Эссена рассматривалось Советом о военных училищах, а затем в Сенате, где после долгого обсуждения было подготовлено «Постановление об Оренбургском Неплюевском военном училище», определившее его статус, цели, задачи, штат и т.д. [59]. Этим документом утверждалось, что Неплюевское военное училище состоит под началом оренбургского военного губернатора и находится

в ведении Совета о военных училищах, куда следует обращаться только в особо важных случаях. Таким образом, оренбургский военный губернатор становился главным лицом, определяющим всю деятельность Неплюевского училища.

В штат училища вошли: директор, инспектор классов, эконоом (он же полицмейстер по дому), казначей, «учителя наук и языков», офицер для обучения основам военного дела и гувернер для надзора за поведением воспитанников. Руководство учебным заведением осуществляет директор и Комитет училища, состоящий из директора, инспектора классов, гувернера и эконома.

«Постановление» гласило, что «училище учреждается:

- 1) для детей, коих отцы служат или служили в иррегулярных войсках Отдельного Оренбургского корпуса;
- 2) для детей азиатцев, не состоящих в прочном подданстве;
- 3) для детей всякого свободного состояния людей». Училище рассчитывалось на 80 воспитанников

Главная задача Неплюевского военного училища состояла в подготовке гражданских и военных чиновников для службы в многонациональном Оренбургском крае и переводчиков с восточных языков, потребность в которых в пограничном с Азией регионе была очень велика. Дети оренбургских и уральских казаков, командного состава башкиро-мещеряцкого войска после окончания училища зачислялись на военную службу урядниками. Оказавшие отличные успехи в восточной словесности определялись в «переводчики, конфиденты и толмачи по пограничному управлению в Оренбурге».

Неплюевское училище должно было содержаться на местные средства. Основными их источниками были проценты с накопленного к этому времени основного капитала училища и так называемый билетный сбор с киргиз, как тогда называли казахов, который с 1817 г. взимался за право найма их прилинейными жителями на работу. Сбор поступал в Оренбургскую Пограничную комиссию и перечислялся в Неплюевское училище. Кроме того, предполагалось, что будут продолжаться частные пожертвования в его пользу.

Неплюевское училище рассчитывалось на 80 воспитанников, причем предполагалось, что 40 из них будут содержаться за счет средств, принадлежащих училищу, а 40 – за счет родителей или родственников.

Среди учебных предметов значились прежде всего основы религии, христианской или мусульманской – в зависимости от вероисповедания воспитанника. Особое внимание уделялось языкам. Наряду с русским, французским и немецким, в программу были включены татарский, арабский и персидский языки. Таким образом, Оренбургское Неплюевское военное училище явилось первым военно-учебным заведением, где в обязательном порядке изучались восточные языки.

В учебную программу входили также история (всемирная и российская), география (математическая, всеобщая и российская), основы естественной истории (т.е. ботаники, зоологии и минералогии) с приложением этих предметов к условиям Оренбургского края. Далее следовали арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия (плоская и сферическая). Список учебных предметов завершали военные дисциплины – полевая фортификация, начальные основания артиллерии, рисование и черчение планов, военная экзерциция.

Срок обучения был определен в шесть лет – по два года в каждом из трёх классов: нижнем, среднем и верхнем. Занятия должны были длиться по шесть часов в день. Учителям и инспектору классов вменялось в обязанность отмечать успехи воспитанников и ежемесячно сообщать о них директору, который должен был давать подробный отчет военному губернатору за каждую треть года.

В конце учебного года во всех классах предписывалось проводить испытания, сначала частные, а затем публичные – в присутствии военного губернатора и «посторонних лиц». После двух лет обучения воспитанникам предстоял перевод в следующий класс, причем неуспевающих предлагалось оставлять на второй год, а нерадивых и не подающих надежды исключать.

2.2. Подготовка к открытию Неплюевского военного училища.

Первый директор Г. Ф. Генс

Александр I утвердил «Постановление» 9 февраля 1824 г., а 6 апреля П. К. Эссен получил предписание «употребить деятельные меры к ускорению открытия сего училища и к приведению его в цветущее состояние»⁶.

С предстоящим событием связывались большие надежды. Их отразил посетивший Оренбург как раз в это время известный петербургский литератор, издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньин. Описывая свою поездку в статье «Картина Оренбурга» [68], он упомянул об ожидавшемся открытии училища названного по имени «покойного Ивана Ивановича Неплюева, основателя Оренбурга, который и по смерти своей не перестает благодетельствовать любезной ему стране». П. П. Свиньин писал: «Главная цель сего заведения есть воспитание детей иноверцев, населяющих Оренбургский пограничный край. Здесь дети киргизских султанов и башкирских чиновников, сверх Корана и арабского языка, обучаются языкам европейским, математике, физике, географии и истории. Отсюда, может быть, выйдут люди, которые на берегах Сыр-Дарьи или Эмбы, под войлочными палатками, будут читать Ломоносова и Расина и описывать своим соотечественникам строение мира. Отсюда – еще вероятнее – свет наук, может, прольется в Башкирию, и сыны лесов с благодарностью узнают доселе чуждые им приятности просвещенного общежития!» [68, с. 26–27].

Началась напряженная работа по комплектованию училища и организации первого набора воспитанников.

Прежде всего, предстояло подобрать кандидатуру на должность директора училища. Выбор П. К. Эссена пал на уважаемого в городе подполковника Г. Ф. Генса, начальника инженеров Отдельного Оренбургского корпуса.

Григорий Федорович Генс (1787–1845) [45, 47, 60, 72, 101], происходивший из небогатой дворянской немецкой семьи, окончил в 1807 г. петербургский Инженерный корпус и сразу был отправлен в Оренбург, где прослужил 38 лет до конца жизни. Ему довелось занимать различные ответственные должности, на которых проявился его талант администратора и дипломата. Превосходный военный инженер, Г. Ф. Генс обладал обширными познаниями в разных областях науки. Оставшиеся после него рукописи, содержавшие важные сведения о Средней Азии, вызвали большой интерес ученых и впоследствии многие из них были опубликованы [103].

В рапорте Совету о военных училищах от 14 мая 1824 г. П. К. Эссен сообщал: «Приступив к устройению здесь Неплюевского военного училища, я нашел необходимым ... ныне же назначить директора и в звание сие избрать начальника инженеров Отдельного Оренбургского Корпуса инженер-подполковника Генса»⁷. Свой выбор он обосновал тем, что «в сем достойном штаб-офицере примерная нравственность соединяется с отличными сведениями в науках и в правилах образования юношества». Кандидатура была одобрена, и 4 августа 1824 г. Г. Ф. Генс был утвержден директором Неплюевского училища «с оставлением в прежней должности начальника инженеров Отдельного Оренбургского корпуса»⁸.

При подготовке к открытию училища возник вопрос о размещении воспитанников. В «Постановлении» значилось, что для него отводится «дом, принадлежащий Оренбургской Пограничной комиссии, с местом и казенным строением, при нем имеющемся», а также «незастроенное место, в смежности с оным находящееся, для училищного сада»⁹. Однако, как вскоре выяснил Г. Ф. Генс, «дом, назначенный для училища, находится в таком состоянии, что может быть употреблен по сему назначению не более трех лет и не иначе, как с нуждою и по исправлению в нем важнейших ветхостей»¹⁰. Возникла необходимость в новом помещении училища, но средств на строительство не было.

Выход нашелся благодаря тому, что в сентябре 1824 г. Оренбург посетил сам император Александр I, совершавший поездку по восточным губерниям европейской России. Обратившись к нему лично, П. К. Эссен доложил, что Неплюевское военное училище будет открыто в начале следующего года, но отведенный под него деревянный дом не только пришел в ветхость, но и слишком мал. Он просил разрешить постройку нового каменного здания и выделить для этой цели из казны 50 тысяч рублей – заимообразно сроком на 10 лет¹¹. На эту просьбу последовало высочайшее соизволение.

В то же самое время комплектовался штат служащих и преподавателей училища. На должность эконома Г. Ф. Генс предложил назначить чиновника Оренбургской пограничной таможни Семена Ивановича Владимирова, заслуженного ветерана наполеоновских войн 1807–1812 гг.¹²

Должность гувернера по рекомендации Г. Ф. Генса занял Карл Карлович Комиати – «иностронец венгерской нации, уволенный от службы подпоручик»¹³. Он представил свидетельство от Оренбургского главного народного училища в том, что «достаточно сведущ» в латинском, немецком и французском языках, способен их преподавать и «по-русски изъясняться может».

Инспектором классов был определен имевший университетский диплом Александр Николаевич Попов, который одновременно должен был преподавать историю и географию¹⁴.

Учителем русского языка стал окончивший духовную семинарию Николай Ильич Ильин¹⁵, а православным законоучителем – священник полковой Петропавловской церкви Стефан Михайлович Согдацкий (1783–1863), который оставался в училище до 1846 г.

Учителем татарского языка был назначен сотник 9-го Башкирского кантона Хусейн Абдусаламов. Как сообщил Г. Ф. Генс в рапорте военному губернатору, на предварительном испытании он «оказал порядочные познания и способен к сей должности, в которой находился и прежде» [29, с. 179]. Абдусаламов преподавал в училище до своей смерти в 1828 г.

Преподавать арабский и персидский языки вызвался «находящийся при мечети Менowego двора» имам Абд-ул-Гасан Сардаков. Для проверки его знаний, по решению Эссена, ему было предложено сделать перевод на арабский и персидский языки первого параграфа «Положения о Неплюевском военном училище». Этот перевод отправили на отзыв в Казанский университет ординарному профессору восточной словесности Ф. Эрдману, который, хотя и обнаружил некоторые ошибки, нашел познания переводчика достаточными. Было решено утвердить Сардакова в должности учителя арабского и персидского языков, тем более что других кандидатур не было [там же].

Чтобы открыть Неплюевское училище, как предполагалось, в начале 1825 г., необходимо было срочно произвести набор воспитанников. С такой целью 27 октября 1824 г. П. К. Эссен предписал Оренбургскому губернскому правлению немедленно объявить об этом в уездах, башкирских кантонах, Оренбургском, Уральском казачьих и мещеряцком войсках¹⁶. Предлагалось «тем, кто пожелает своих детей или родственников не моложе восьми и не старше двенадцати

лет отдать в сие Училище для образования в науках и нравственности» сообщить об этом военному губернатору не позднее 20 ноября.

В объявлении разъяснялись условия приема и права воспитанников. Дети дворян, чиновников, купцов и «других людей свободного состояния», окончившие училище, будут определены на военную службу с преимуществами перед остальными и с повышением в чинах и званиях «по мере заслуги и способности каждого». Дети казаков, башкир и мещеряков возвращаются «в их жительство» с чином урядника. Особо отмечалось, что «оказавшие отличные успехи в восточной словесности» будут определены в «переводчики, конфиденты и толмачи» для оренбургских пограничных учреждений.

Объявлялось также, что 40 воспитанников («преимущественно бедного состояния») будут содержаться за счет училища и 40 пансионеров – за счет родителей или родственников («по 300 руб. в год, и сумма сия взимается или сполна в начале каждого года, или, смотря по достатку платящего, за полгода вперед по 150 руб.»). Кроме того, могли приниматься и «полупансионеры» с платой по 150 руб. в год.

Обращает на себя внимание следующий пункт объявления: «Казаки, башкирцы, мещеряки, разного звания татарин и азиатец, представивший в Училище сына с обязательством не брать одного до окончания курса наук, продолжающегося не менее шести лет, получат похвальный лист от Оренбургского военного губернатора».

Хотя в большинстве поступивших ответов сообщалось, что желающих отдать детей в обучение не оказалось¹⁷, в ноябре в списке воспитанников, принятых на казенное содержание, насчитывалось 14 человек¹⁸.

2.3. Открытие Неплюевского военного училища

Официальное открытие Неплюевского военного училища состоялось 2 января 1825 г. и было отмечено как важное для Оренбурга событие. На торжественном акте, описание которого дал Г. Ф. Генс¹⁹, присутствовали военный и гражданский губернаторы, представители православного и мусульманского духовенства, чиновники, «почетнейшие жители города и значительнейшие из пребывающих здесь азиатцев». Среди гостей особо отмечен «высокостепенный хан Меньшой Киргизской Орды Ширгази Айчуваков».

Торжество началось молебном, после которого учитель русского языка Ильин «говорил о важности сего заведения и пользе, ожидаемой от оногo для здешнего края», а священник Содальский произнес краткое поучение. В другом помещении было проведено «богослужение магометанское», после чего учитель татарского языка Абсалямов «читал речь на сем языке», указав на пользу, которую получают от училища народы, обитающие в Оренбургском крае.

Посетители встретились с воспитанниками, «одетыми в синее казачье платье, составляющее мундир училища», осмотрели «спальни и остальные покои, которые на первый случай сказались удобными и по возможности хорошо устроенными». В общем, «многочисленность собрания, важность предмета и общее удовольствие отличали торжество сие, которое окончилось приличною музыкою».

В заключении Г. Ф. Генс пишет: «Таким образом, положено начало заведению, обещающему важнейшие пользы здешнему краю и увековечивающему память первого начальника оногo – действительного тайного советника Ивана Ивановича Неплюева. Училище сие есть первое в своем роде. Преподавание восточных языков составляет один из главных предметов учения; образование переводчиков, офицеров иррегулярных войск здешнего корпуса и распространение просвещения между Азиатцами есть цель сего заведения».

2.4. Начало учебной работы и первые результаты

С началом занятий выяснилось, что строго следовать утвержденной программе обучения не представляется возможным из-за слабой подготовки учащихся. Некоторые из них не владели русским языком. Из отчетов о деятельности училища за 1825 г. видно, что «воспитанники более всего были заняты русским языком, дабы впоследствии времени они могли легко понимать преподавание наук на этом языке»²⁰. Прежде чем начать изучение арабского и персидского языков, нужно было выучить арабский алфавит и научиться читать и писать по-татарски. Освоение сразу многих предметов было непосильно для начинающих, особенно для воспитанников «не имеющих до сего времени никакого понятия об образовании». Поэтому не было начато преподавание немецкого языка, а в отведенное для него время

«воспитанники занимались французским языком и чистописанием оного». Математическую географию и всемирную историю также не начинали, «потому что оные должны в преподавании последовать уже за хорошим чтением и разумением русского языка». Назначенное для них время «было употреблено на чистописание русского языка и на большее занятие арифметикой».

Но уже в отчете за сентябрьскую треть 1826 г. сообщалось, что за предыдущий год в русском языке «воспитанники довольно уже оказали значительные успехи» и поэтому в этом году стали изучаться история, география, арифметика и немецкий язык²¹. В более поздних отчетах утверждалось, что обучение идет успешно и в соответствии с программой.

В 1827 и 1829 г. вновь производился набор учащихся, так что в 1830 г. в Неплюевском училище были укомплектованы все три класса: в старшем классе насчитывалось 9 воспитанников, в среднем – 17, в нижнем – 22. Как видно, например, из «Ведомости о состоянии Оренбургского Неплюевского училища за генварскую треть 1830 года»²², в нижнем классе занимались чтением молитв и изучением основ религии, чистописанием на разных языках, а также знакомилась с арифметикой и началами всеобщей истории и географии. В среднем классе, помимо основ религии, проходили грамматику русского и других языков, продолжали изучать арифметику, историю, географию и занимались рисованием.

В программе верхнего класса значилось: по татарскому языку – «перевод с российского и письмо с диктовкой», по персидскому – «перевод и разговор», по арабскому – грамматика, по французскому – «перевод и письмо с диктовкой». По русской словесности в верхнем классе осваивали начала риторики. Кроме того, изучались арифметика, алгебра и геометрия, а также российская история и математическая география.

К этому времени директору училища Г. Ф. Генсу стало ясно, что программа обучения воспитанников сильно перегружена. Об этом и других недочетах в организации учебного процесса шла речь в его донесении П. К. Эссену от 5 марта 1830 г. Он писал: «Опыты пяти лет, истекших после открытия Неплюевского военного училища,

открыли некоторые недостатки и неудобства, препятствующие училищу принести отечеству вообще и здешнему краю в особенности желаемую пользу»²³. Г. Ф. Генс настаивал на том, что необходимо усовершенствовать систему преподавания, а для этого требовалось внести в устав училища некоторые изменения.

Трудности преподавания по столь сложной программе приходилось преодолевать преподавателям Неплюевского училища. Только в 1830 г. вышло постановление, которым они уравнивались в правах с преподавателями гимназий. При этом старшие учителя, получившие согласно табели о рангах чиновников чин 9 класса, должны были иметь университетское образование. От младших учителей, имевших чин 10 класса, требовалось свидетельство университета о том, что на испытании они показали необходимые для преподавателя познания²⁴.

Из работавших в то время учителей к старшим были причислены инспектор классов А. Н. Попов, преподававший историю и географию, и преподаватель русской словесности Н. И. Ильин. Старшим учителем стал и преподаватель математики Дмитрий Иванович Сапожников, который в 1829 г. окончил Казанский университет с званием «действительный студент» и с 21 марта 1830 г. работал в Неплюевском училище²⁵.

В 1829 г. в штат преподавателей был принят Дезире Федорович Дандевиль (1770–1843) – французский военнопленный, навсегда оставшийся в России. Он получил университетское свидетельство о познаниях, достаточных для преподавания французского языка, и получил должность младшего учителя²⁶. С Неплюевском училищем связана вся его дальнейшая деятельность. В отличие от него только три года проработал в училище другой «иностранец – отставной прусский поручик» С. И. де ла Серре, который с 1828 г. преподавал немецкий язык, арифметику и алгебру²⁷.

В этот период Г. Ф. Генс, которому по должности директора приходилось вникать во все подробности учебного процесса и хозяйственной жизни училища, решал и другую важную задачу. Когда в 1826 г. было официально подтверждено высочайшее соизволение на постройку нового здания, он лично разработал его проект и взял на

себя руководство строительством. Нужно было действовать быстро, так как в старом здании, стремительно ветшавшем, с трудом могли разместиться учащиеся наборов 1827 и 1829 г. Поэтому срочно подвозились строительные материалы. Г. Ф. Генс доносил военному губернатору: «Если не заготовятся оные и не будут сделаны цоколь и фундамент, то едва ли здание может быть закончено в 1829 году»²⁸. В действительности строительство нового дома (сейчас улица Ленинская, 25) завершилось в 1830 г.²⁹

Рис. 3. Здание Оренбургского военного училища

В начале 1829 г. Г. Ф. Генс попросил начальство уволить его с должности директора Неплюевского училища, мотивируя это тем, что в 1825 г. он был назначен председателем Оренбургской Пограничной комиссии и продолжал заведовать инженерной частью Отдельного Оренбургского корпуса. Как сообщал П. К. Эссен в Петербург, «при всем усердии его он не может успевать в надзоре над училищем»³⁰. Кандидатура претендовавшего на это место подполковника П. Е. Евдокимова была отвергнута в Совете по военно-учебным заведениям, так что вопрос остался ждать своего решения.

3. 1830–1833 ГОДЫ. П. П. СУХТЕЛЕН

3.1. Первые распоряжения П. П. Сухтелена

Для оренбургского края 1829–1830 гг. были отмечены небывалым бедствием – эпидемией холеры, которая пришла из Средней Азии, а затем распространилась по России и далее в Европу [61]. Борьбе с холерой была подчинена деятельность оренбургского военного губернатора П. К. Эссена и сменившего его в этой должности П. П. Сухтелена, который прибыл в Оренбург 5 июня 1830 г.

Рис. 4. Павел Петрович Сухтелен

Герой наполеоновских войн и русско-турецкой войны 1828–1829 гг., генерал-лейтенант Павел Петрович Сухтелен (1788–1833), человек образованный и отличавшийся многими личными достоинствами, оставил яркий след в истории Оренбургского края [75]. В Неплюевском военном училище при его недолгом правлении (1830–1833 гг.) произошли важные преобразования.

Одно из первых распоряжений нового военного губернатора по училищу касалось организации лазарета для воспитанников на верхнем этаже только что построенного училищного дома. К лазарету были прикомандированы штаб-лекарь И. А. Соколов (1796–1845) с помощником А. Берсенывым³¹. Эта мера оказалась очень своевременной, так как весной 1831 г. появилась корь, а летом при новой вспышке холеры «из восьми воспитанников, пораженных сею гибельной эпидемией, один умер»³². Медики приложили много усилий для борьбы с болезнями³³.

Несмотря на эпидемию, жизнь в Неплюевском военном училище шла своим чередом. В январе 1831 г. состоялся первый выпуск: девять воспитанников были определены на военную и гражданскую службу – офицерами иррегулярных войск и переводчиками. Для среднего и нижнего классов были проведены испытания, но только частные, а от публичных пришлось отказаться «по причине расстройств от существовавшей в том году холеры»³⁴. Затем воспитанники получили отпуск (вакации), продолжавшийся с 1 июля по 1 августа³⁵.

Среди выпускников нужно отметить Мартина Ивана и Салихзяна Кукляшева, которые через некоторое время стали преподавателями восточных языков в Неплюевском военном училище, а также Льва Плотникова, впоследствии успешного оренбургского чиновника.

Между тем П. П. Сухтелен, ознакомившись с положением дел в Неплюевском училище, обратил внимание на качество преподавания восточных языков и позаботился о подыскании учителей высокой квалификации. Особую тревогу вызывало изучение арабского и персидского языков. Поэтому уже 25 августа 1830 г. П. П. Сухтелен направил письмо попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину, в котором сообщил о своем желании «приобрести для Оренбургского края отличного ориенталиста». Он просил помочь перевести на службу в Оренбург преподававшего в университете «кандидата восточной словесности Де Мезона, обучавшегося оной с отличным успехом»³⁶.

Речь шла о Петре Ивановиче Демезоне (1807–1873), впоследствии крупном отечественном востоковеде. Уроженец г. Шамбери в Пьемонте, он в молодости переехал в Россию, был принят на казенный счет студентом Казанского университета, но обучение проходил

в Петербурге. В 1829 г. он вернулся в Казань, где должен был прослужить шесть лет. Приглашение П. П. Сухтелена Демезон принял с готовностью. Ему была предложена, помимо должности старшего преподавателя в Неплюевском военном училище, также должность «драгомана», т.е. переводчика при канцелярии оренбургского военного губернатора. После длительной ведомственной переписки³⁷ П. И. Демезон получил новое назначение и в конце 1831 г. прибыл в Оренбург. Здесь он прослужил пять лет, в 1833–1834 гг. совершил важную дипломатическую поездку в Бухару, а в 1836 г. был переведен в министерство иностранных дел в Петербурге [43].

Таким образом, вопрос о преподавании арабского и персидского языков в Неплюевском училище получил наилучшее решение. Учитель А. Сардаков в апреле 1831 г. подал прошение об увольнении с должности³⁸, а его место занял П. И. Демезон.

В это время возникли сложности и с преподаванием татарского языка, так как после смерти преподавателя Абдусаламова (10 декабря 1828 г.) занятия проводил А. Сардаков³⁹. В связи с этим комитет училища рекомендовал назначить на должность учителя татарского языка выпускника 1831 г. Мартиниана Иванова, который в годы учебы значился во всех ведомостях как лучший ученик⁴⁰. В июне 1831 г. он был отправлен в Казань⁴¹, где после испытания в университете получил свидетельство о хороших познаниях в татарском языке и был признан способным занять учительскую должность⁴². В дальнейшем М. И. Иванов, успешно сочетавший преподавательскую деятельность с работой переводчика при канцелярии военного губернатора, стал известным востоковедом, автором учебника татарского языка и татарской хрестоматии [42].

В 1831 г. из училища уволился С. И. де ла Серре, и преподавание немецкого языка было возложено на гувернера К. К. Комиати⁴³.

Тогда же встал вопрос о замене инспектора классов Неплюевского военного училища А. Н. Попова, который, по-видимому, не удовлетворял требованиям Г. Ф. Генса. Комитет училища 26 ноября 1831 г. просил отправлявшегося в Петербург П. П. Сухтелена «пригласить кого-либо из желающих вступить в сию должность»⁴⁴. Подходящей кандидатурой оказался преподаватель Вольского уездного училища Александр Никифорович Дьяконов.

Как следует из его формулярного списка⁴⁵, он родился в 1797 г. в купеческой семье и, получив хорошее образование, начал в 1820 г. службу канцеляристом в Илецком соляном правлении, но в 1825 г. уволился. В 1828 г. – «по учиненном испытании» – Московская губернская гимназия выдала ему свидетельство о достаточных познаниях в русской словесности, истории, географии, французском языке, и в январе 1829 г. он был определен старшим преподавателем в подведомственное Казанскому учебному округу Вольское уездное училище.

В поданном П. П. Сухтелену прошении⁴⁶ А. Н. Дьяконов, ссылаясь на «чрезвычайно недостаточное жалование» на прежнем месте службы, выразил желание перейти в Неплюевское военное училище на должность инспектора классов. В его прошении сказано, что он «знает в совершенстве русский язык, историю и географию, как русскую, так и всеобщую, древнюю и новую, арифметику, алгебру, геометрию, французский язык и много других предметов»; кроме того, он занимается литературным творчеством и печатает статьи и переводы «в лучших русских журналах».

На перевод А. Н. Дьяконова в Оренбург военный губернатор получил согласие министерства народного просвещения⁴⁷, и после увольнения А. Н. Попова⁴⁸ новый инспектор классов 4 июня 1832 г. приступил к исполнению своих обязанностей.

Появление этого образованного преподавателя не только имело большое значение для Неплюевского военного училища, но и оказало влияние на всю культурную жизнь города. Позднее он тесно сотрудничал с приехавшим в Оренбург в 1833 г. В. И. Далем и оказал ему «умное и дельное содействие» в работе над «Толковым словарем живого великого русского языка» [39].

3.2. Новый директор Неплюевского военного училища

К. Д. Артюхов

Одновременно с устройством преподавателей П. П. Сухтелен должен был решить вопрос о директоре училища. Правда, Г. Ф. Генс, ранее просивший уволить его от этой должности, сообщил в рапорте от 21 августа 1830 г., что, поскольку его освободили от обязанностей начальника инженеров, он «находит возможным остаться при должности

директора сего заведения до окончания начатых построек и до получения оным в отношении учебном и политическом надлежащего устройства и направления». Однако с 1825 г. Г. Ф. Генс был также председателем Оренбургской Пограничной комиссии, так что совмещать две ответственные должности ему было трудно.

Перед П. П. Сухтеленом стояла нелегкая задача. В ноябре 1831 г. в рапорте военному министру⁴⁹ он доносил, что подобрать кандидатуру на должность директора трудно, ибо она требует не только «умения обращаться с азиатцами, из коих составляется большая часть учеников и учителей сего заведения», но также «одаренности познанием и нравственными качествами, столь нужными для воспитания юношества».

Отметив «отличную службу» председателя Оренбургской Пограничной комиссии полковника Генса, П. П. Сухтелен решил «присвоить ему попечительство над Неплюевским училищем» с сохранением прежнего жалованья. Директором же училища в помощь Генсу он предложил назначить состоящего при отдельном Оренбургском корпусе инженер-капитана К. Д. Артюхова, заметив: «По убеждению моему, трудно будет приискать директора для Неплюевского училища, более сего офицера достойного».

Константин Демьянович Артюхов (1796–1842), как следует из его формулярного списка⁵⁰, происходил из дворян Пензенской губернии. В 1813 г. он закончил 2-й кадетский корпус в Петербурге и был назначен на службу в Оренбургскую инженерную команду. В 1816 г. его отправили в столицу для продолжения образования в Главном инженерном училище, окончив которое в 1820 г., он вернулся в Оренбург. В 1821–1822 гг. вместе с военным инженером К. М. Тафаевым он совершил трудную экспедицию для картографирования Зауральской степи между Орской и Троицкой крепостями⁵¹, в 1823 г. участвовал в походе под началом Ф. Ф. Берга, во время которого производил топографическую съемку между реками Уралом, Орью и Эмбой⁵². В Оренбурге К. Д. Артюхов пользовался большим уважением и оставил след в его культурной истории. Его упоминали А. С. Пушкин, встречавшийся с ним в Оренбурге в 1833 г., и В. И. Даль, который был его близким другом [44, с. 87–89].

В своем рапорте П. П. Сухтелен просил министра исходатайствовать позволение – до вступления К. Д. Артюхова в должность – предоставить ему «кратковременную поездку в Москву, дабы он мог ближе ознакомиться с порядком и устройством существующих в сей столице учебных заведений, а в особенности кадетского корпуса»⁵³. Эта командировка была ему предоставлена.

Впоследствии К. Д. Артюхов писал: «Прежде вступления моего в должность директора ... я был командирован в Москву для узнания порядка и методы преподавания наук в военно-учебных заведениях. По прибытии в столицу я имел счастье лично представиться его императорскому высочеству [Михаилу Павловичу] и получить от него дозволение обозреть вместе с директором Московского кадетского корпуса все части управления оного с тем, что Неплюевское военное училище по мере возможности и при умножении средств довести до подобного благоустройства»⁵⁴.

В Москве К. Д. Артюхов пробыл с 10 августа до 19 октября 1832 г.⁵⁵, а затем приступил к исполнению обязанностей директора Неплюевского корпуса.

3.3. Проект реформы Неплюевского военного училища

Вскоре после прибытия в Оренбург, 10 июня 1830 г. П. П. Сухтелен обратился к Г. Ф. Генсу с просьбой представить «соображения относительно нынешнего состояния и будущего усовершенствования Неплюевского училища»⁵⁶. В ответном рапорте⁵⁷ от 21 августа Г. Ф. Генс четко сформулировал свои предложения по реформированию учебного заведения.

Напомнив, что училище предназначалось «для обучения азиатцев и для того, чтобы оно служило рассадником для переводчиков и офицеров иррегулярных войск данного края», он утверждал, что обучать воспитанников следует по-разному, в зависимости от их будущей службы. «Предметы учебные слишком многочисленны, – писал Г. Ф. Генс, – так что они слишком обременяют память воспитанников и, кажется, несогласны с будущим назначением их. Азиатцу и офицеру башкирскому и даже казачьему едва ли нужны занятия немецкого и французского языка и высшей математики, а воспитаннику,

приготавливающемуся быть офицером в регулярных войсках армии, не нужны языки восточные».

Сам Г. Ф. Генс – как председатель Оренбургской Пограничной комиссии – выражал особую заинтересованность в подготовке переводчиков с восточных языков. «Пограничная комиссия, – продолжал он, – имея их весьма ограниченное число, должна употреблять в сей должности людей разного сословия, недостаточного образования, и, кроме всего, за редким исключением, магометан, на которых не всегда можно положиться, особенно в делах тайных». В этом выразились пожелания оренбургской администрации, вынужденной повседневно общаться с киргизами (т.е. казахами), а также с купцами и посланниками из Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств.

Кроме того, Г. Ф. Генс считал, что теперь училище «получило цель более обширную» по сравнению с поставленной первоначально, и предлагал «точнее назначить» ее.

Эти идеи легли в основу принятых П. П. Сухтеленом решений об усовершенствовании программы обучения в Неплюевском училище и об изменении его структуры. Свои предложения он направил 29 декабря 1831 г. в Совет о военно-учебных заведениях⁵⁸, причем подчеркнул, что в нем учтены мнения комитета училища и лично Г. Ф. Генса.

Прежде всего, предлагалось видеть цель училища в том, «чтобы в сем дальнем крае добавить малоимущим дворянам и служащим чиновникам способ к воспитанию своих детей», чтобы распространить образование «на юношество, происходящее из почтеннейших азиатцев», и чтобы «приобретать для будущего употребления на службу переводчиков и надежных чиновников из русских, в каковых для частых сношений с иноверцами с давнего времени недостаток был ощутителен».

Для устранения «неудобств в предметах и правилах образования воспитанников» П. П. Сухтелен считал необходимым «разделить преподавание в Неплюевском училище на два отделения, то есть на отделение восточное и на отделение европейских наук». В первом должны находиться «дети азиатцев и иноверцев», а также «те из русских, которые желают обучаться восточным языкам – либо по особенной склонности, либо чтобы со временем служить по пограничной части». В европейском отделении должны

обучаться «те из детей внутренних жителей, которые посвящают себя военной и гражданской службе».

В соответствии с этим предполагалось изменить программу обучения: в европейском отделении прекратить преподавание восточных языков, а в азиатском, где на них обращалось основное внимание, из программы удалить военные науки, а в математике ограничиться арифметикой. В восточном отделении, кроме татарского, персидского и арабского языков предлагалось изучать основы христианской и мусульманской религий, русский язык, арифметику, математическую географию, всемирную историю, основы естественной истории, рисование. В предлагаемой программе европейского отделения восточные языки отсутствовали, но список предметов был более длинным: закон Божий, языки русский и иностранный (французский или немецкий), история, география, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, начальные понятия естественной истории, а также полевая фортификация, начальные основания артиллерии, рисование и черчение.

П. П. Сухтелен предложил ввести в обоих отделениях «предмет гимнастических упражнений», «служащий к развитию телесных сил и ловкости». Он подчеркнул, что «азиатец и даже русский чиновник Оренбургского края удивляется и почитает несовершенным воспитание молодых людей, не обучавшихся оным, особенно верховой езде, для всех необходимой»⁵⁹.

Эту идею военный губернатор уже осуществлял на практике. В июне 1831 г. он распорядился устроить при Неплюевском училище гимнастический класс, передал директору учебник, по которому обучали гимнастике в петербургском кадетском корпусе, и внимательно следил за тем, как его распоряжение выполняется⁶⁰. Оказалось, однако, что найти преподавателя гимнастики нелегко. Наконец, в июле 1832 г. Комитет училища сообщил П. П. Сухтелену, что занять должность желает «учитель фехтования иностранец Матони, который имеет для обучения сему искусству достаточные сведения»⁶¹. Квалификацию И. А. Матони подтверждало свидетельство Казанского университета. Он и был допущен «к преподаванию уроков гимнастических упражнений, к которым принадлежит и фехтование»⁶².

Свои предложения П. П. Сухтелен положил в основу «Проекта нового положения Оренбургского Неплюевского военного училища», которое он представил в военное министерство летом 1832 г.⁶³ В октябре, узнав, что оно получило предварительное одобрение, он распорядился составить «для опыта» два отделения из шести учеников каждое и начать преподавание по новой программе. Результаты оказались «весьма успешными», в чем П. П. Сухтелен убедился лично в феврале 1833 г. После этого он отдал приказ «сделать всем воспитанникам размещение, по их желанию»⁶⁴.

Что касается нового «Положения», то оно после детального обсуждения, внесения некоторых поправок и дополнений было официально утверждено только в 1840 г.⁶⁵

3.4. Музей и библиотека

Внимание, которое П. П. Сухтелен оказывал Неплюевскому училищу, проявилось при организации первого в Оренбурге музея. В ноябре 1830 г. он сообщил училищному комитету о намерении «при сем училище устроить Музеум для сосредоточения всяких предметов, служить могущих к вящему развитию понятий юношества и к общей пользе распространения наук, особенно в Оренбургской губернии»⁶⁶. Он решил «принять на себя особое попечительство об оном» и, выражая уверенность, что «каждый из членов комитета охотно способствовать будет в успешном довершении сего предприятия», просил отвести под Музеум «одну из зал Неплюевского училища».

Обязанности «смотрителя и устроителя Музеума» П. П. Сухтелен первоначально возложил на приехавшего с ним молодого чиновника Н. Д. Шангион-Гартинга, но вскоре отправил его в Харьков, Одессу, а затем в Константинополь с особым заданием – закупить для Неплюевского училища и Музеума редкие восточные рукописи и книги. Вместо него на эту должность был назначен политический ссыльный, магистр философии Виленского университета Фома Карлович Зан (1796–1855) [54].

Музей, созданный при Неплюевском военном училище, сыграл важную роль в истории культуры Оренбургского края [35].

П. П. Сухтелен проявил большую заботу и о библиотеке Неплюевского военного училища, которая в это время уже была хорошо обеспечена учебной литературой. Должность библиотекаря занимал старший учитель русского языка Н. И. Ильин, исполнявший также обязанности правителя дел училища⁶⁷.

Архивные документы свидетельствуют, что библиотека пополнялась за счет пожертвований и из других случайных источников. Очень показателен в этом отношении рапорт военному губернатору, представленный еще в августе 1828 г. Г. Ф. Генсом, который тогда одновременно был директором Неплюевского училища и председателем Оренбургской Пограничной комиссии. Он писал: «В архиве сей комиссии хранятся 1-й и 2-й томы Лексикона турецкого, арабского и персидского языков с переводом на латинский язык и с помещением употребительных немецких, французских, итальянских и польских выражений ..., которые книги лежат без всякого употребления, ибо переводчики сей Комиссии сих языков не знают и потому оными книгами не могут пользоваться»⁶⁸. Поскольку «известно, что персидскому и арабскому языкам обучаются в здешнем военном училище», Г. Ф. Генс просил у П. К. Эссена разрешения «означенные книги, как ненужные для Комиссии, передать в Неплюевское училище, где воспитанники могут ими воспользоваться». Разрешение было получено.

В 1829 г. хан Внутренней Орды Джангер Букеев пожертвовал в библиотеку училища полученные им из Константинополя два словаря восточных языков⁶⁹. В том же году П. К. Эссен в ответ на просьбу Г. Ф. Генса разрешил покупку десяти экземпляров «Атласа Российского государства»⁷⁰, а готовясь к отъезду из Оренбурга, передал библиотеке – с целью «приумножения полезных книг для Неплюевского училища» – атлас Франции, планы нескольких немецких крепостей и 11 книг, в том числе сочинение Э. А. Эверсмана «Путешествие из Оренбурга в Бухару»⁷¹.

П. П. Сухтелену библиотека Неплюевского училища была обязана новыми приобретениями. В 1831 г. по его инициативе был куплен «Атлас всех пяти частей света на 32 листах»⁷², а в 1832 г. – шесть экземпляров словаря восточных языков В. Летелье⁷³. Тогда

же он передал училищному комитету – «для чтения воспитанников и затем для помещения в библиотеку училища» – присланную ему из Петербурга книгу А. И. Левшина «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей»⁷⁴. Но особенно обогатилась библиотека благодаря получению книг на восточных языках, приобретенных по его заданию Н. Д. Шангион-Гартингом во время командировки в Одессу и Константинополь⁷⁵.

В отчете о состоянии Неплюевского училища за 1832 г. приводится длинный список книг, которые «употреблялись» для преподавания учебных предметов⁷⁶. Примечательно, что пособием по математике служили «Алгебра и Геометрия по запискам публичного ординарного профессора чистой математики при Императорском Казанском университете». По всей вероятности, эти записки представил учитель Д. И. Сапожников, выпускник Казанского университета, слушавший там лекции выдающегося математика Н. И. Лобачевского.

Следует отметить, что специально для воспитанников Неплюевского военного училища по поручению П. П. Сухтелена и под его непосредственным руководством чиновник его канцелярии И. В. Жуковский написал книгу «Краткое обозрение событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год» [21], опубликованную в 1832 г. в Петербурге. По ней, как сказано в предисловии, «юные питомцы ... запечатлевать будут в своей памяти события родного им края, случившиеся в продолжение важнейших эпох отечественной истории». Кроме исторического очерка, книга содержит первое полное географическое и статистическое описание Оренбургского края. Десять экземпляров этой книги П. П. Сухтелен передал в дар библиотеке Неплюевского училища с предложением перевести ее на татарский язык⁷⁷. Он писал директору: «Я прошу Вас употребить старание, чтобы сочинение сие ... переведено было исподволь на татарский язык теми из учеников, кои знают его хорошо, и переписано чистым письмом в формате препровождаемой книжки, дабы она могла быть отпечатана и распродана между Азиатцами с употреблением вырученных денег на полезное и благотворения».

Как видно из документов архивного дела, перевод был выполнен воспитанниками азиатского отделения под руководством учителя М. И. Иванова и завершен в 1835 г.⁷⁸

Говоря о роли П. П. Сухтелена в истории Неплюевского военного училища, необходимо упомянуть, что его стараниями в 1832 г. при училище было учреждено «особенное отделение для воспитания детей женского пола» получившее название Оренбургского женского училища. Этим было положено начало женскому образованию в Оренбурге.

Плодотворная деятельность П. П. Сухтелена в Оренбургском крае была прервана внезапно: 20 марта 1833 г. он скоропостижно скончался. Начатые при нем преобразования в Неплюевском военном училище были продолжены в последующие годы при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском, правившем краем два раза: 1833 по 1842 гг. и с 1851 по 1857 гг.

4. 1833—1842 ГОДЫ. В. А. ПЕРОВСКИЙ

4.1. В. А. Перовский и повседневная жизнь Неплюевского военного училища

К моменту своего назначения в Оренбург приближенный ко двору тридцативосьмилетний генерал-адъютант Василий Алексеевич Перовский (1795–1857) имел богатую событиями биографию [57]. Внебрачный сын знатного вельможи А. К. Разумовского, он получил прекрасное образование, окончил Московский университет, затем училище колонновожатых и вступил в военную службу накануне Отечественной войны 1812 г. Он участвовал во многих боях, отличился в Бородинском сражении, но, оказавшись в занятой французами Москве, попал в плен и был отправлен во Францию. Испытав немало лишений, совершил побег из плена и присоединился к наступавшим союзным войскам. После освобождения В. А. Перовский продолжал военную службу. В 1818 г. он был назначен адъютантом к великому князю Николаю Павловичу, будущему императору Николаю I, с которым у него сложились достаточно близкие отношения. В 1823–1824 гг. он побывал в Италии и впечатления от путешествия он описал в позднее опубликованных письмах к своему ближайшему другу В. А. Жуковскому. В 1827–1828 гг. В. А. Перовский участвовал в русско-турецкой войне. Он отличился в бою за взятие Анапы, получил тяжелое ранение под Варной, был удостоен воинских наград.

В. А. Перовский принадлежал к числу наиболее просвещенных людей своего времени, был близок к писательскому кругу и находился в приятельских отношениях с А. С. Пушкиным.

Неожиданное назначение в Оренбург В. А. Перовский принял с готовностью: его огромная энергия требовала выхода в деятельности, не скованной условностями столичной службы. Должность военного губернатора и командира Отдельного Оренбургского корпуса давала ему не только свободу, но и возможность проявить себя в государственной деятельности. К новому месту службы В. А. Перовский

отправился в сопровождении подобранных в столице сотрудииков. К ним принадлежал В. И. Даль, который, отказавшись от военно-медицинской службы, перешел на гражданскую и занял должность чиновника особых поручений при оренбургском военном губернаторе.

Рис. 5. Василий Алексеевич Перовский

В Оренбурге, куда В. А. Перовский прибыл 8 июня 1833 г., его ждало множество обязанностей, в том числе непосредственные занятия делами Неплюевского военного училища. Как раз в это время военное министерство вернуло представленный П. П. Сухтеленем проект нового «Положения» об училище с многочисленными замечаниями. Предлагалось рассмотреть их «сообразно со всеми местными обстоятельствами и средствами», дополнить проект и представить его вновь в ведомство военно-учебных заведений.

Поэтому 25 июня 1833 г. В. А. Перовский обратился за помощью к попечителю Неплюевского училища Г. Ф. Генсу как к человеку, который долгое время непосредственно управлял учебным заведением и был поэтому «совершенно знаком с потребностями оногo».

«Покорнейше прошу – писал военный губернатор, – предложить директору училища, дабы он, сообразив проект нового «Положения» с замечаниями, на оный сделанными, представил Вам по предмету сему заключение, которое не оставите доставить мне с изложением Вашего заключения»⁷⁹.

Г. Ф. Генс ревностно занялся выполнением этого близкого ему задания, но работа над текстом «Положения» затруднялась постоянно возникавшими у столичного начальства вопросами и растянулась на несколько лет.

Еще одно дело, касающееся Неплюевского училища, с которым сразу пришлось столкнуться В. А. Перовскому, было связано с профилактикой заражения воспитанников «египетской» глазной болезнью. Это эпидемическое заболевание появилось в Европе после Египетской экспедиции Наполеона и распространилось в западных областях России во время европейских походов 1813–1815 гг. В июне 1833 г. военное министерство распорядилось, чтобы в военно-учебных заведениях были приняты меры, «противоборствующие сей болезни».

Направив это распоряжение в Неплюевское училище, В. А. Перовский получил от директора К. Д. Артюхова и заведующего лазаретом врача И. А. Соколова исчерпывающий отчет о санитарно-гигиеническом состоянии училища⁸⁰.

Директор сообщал: «В доме, занимаемом сим училищем, построенном для свободного помещения 80 воспитанников, по штату положенных, живут только 57; сырости в нем никакой нет и воздух чист; в благоприятное время воспитанники пользуются прогулками и свободным движением на чистом воздухе; пища всегда свежая, хорошая; для учебных фронтальных занятий отведено особенное место, и тем самым спальные комнаты сохраняются от пыли; при училище имеется баня, в которую воспитанники постоянно ходят один раз в неделю».

Лекарь И. А. Соколов, подтверждая, что «просмотр помещения, строго соблюдаемая чистота и опрятность в содержании воспитанников, частое употребление бань (нередко два раза в неделю по требованию врача), постоянно здоровая пища с успехом противодействуют заражению и развитию болезней». Он сообщал также, что «египетская» болезнь в Оренбургский край «еще не проникла».

Летом 1833 г., по окончании учебного года в Неплюевском училище проводились испытания сначала частные, а затем публичные⁸¹. В экзаменационную комиссию под председательством директора входили инспектор классов А. Н. Дьяконов и учителя – русского языка Н. И. Ильин, математики Д. И. Сапожников, восточных языков П. И. Демезон.

Частные испытания прошли с 16 июня по 1 июля и закончились успешно: знания воспитанников по основам религии, языкам (русскому, французскому, немецкому, татарскому, персидскому, арабскому), наукам (истории, географии, арифметике, алгебре, геометрии, физике, фортификации, артиллерии) и искусствам (рисованию, фехтованию) были оценены отметками: «отлично хорошо», «очень хорошо» и «хорошо». Искусство верховой езды не оценивалось, так как занятиям по этому предмету было только «сделано начало».

Публичные испытания проводились 12, 13 и 17 августа в присутствии В. А. Перовского. Как сказано в отчете, «испытаемы были воспитанники посредством билетов, изготовленных по программам преподаваемых предметов».

Затем состоялся перевод воспитанников из класса в класс. Из нижнего в средний класс европейского отделения было переведено 6 человек, в азиатском – 4. В верхние классы не был переведен никто – «по недавности нахождения воспитанников в среднем». Из европейского отделения в азиатское «по желанию» было переведено 4 человека. Из отчета видно, что в этом году «выпуска из верхних классов не сделано по той причине, что весьма недавно введены военные науки, для слушания коих Комитет определил еще оставить на один год».

Новый учебный год начался 1 сентября. А в октябре В. А. Перовский нарушил привычный ход жизни в Неплюевском училище, так как отправил преподавателя восточных языков П. И. Демезона в важную дипломатическую поездку в далекую Бухару.

Ознакомившись с состоянием отношений со среднеазиатскими ханствами, В. А. Перовский счел необходимым оживить торговые связи с Бухарой, заметно ослабевшие за время холерной эпидемии. Это было тем более важно, что в это время в Средней Азии усилилась недружественная активность Англии, стремившейся вытеснить

Россию с восточных рынков. Было решено отправить в Бухару посланца, который должен был выяснить положение дел.

Наиболее подходящей кандидатурой оказался П. И. Демезон, который был не только преподавателем Неплюевского училища, но и переводчиком при канцелярии военного губернатора. Обращаясь к нему с разъяснением поставленной перед ним нелегкой и опасной задачи, В. А. Перовский писал: «Благоразумие Ваше должно послужить руководством в тех случаях, которые не могут быть предусмотрены, и, помня при том всегда долг службы и присяги, Вы, без сомнения, не уклонитесь никогда от обязанности Вашей»⁸². В своих надеждах военный губернатор не обманулся.

Из Оренбурга П. И. Демезон 29 октября 1833 г. выехал в Орск, а оттуда 11 ноября под именем татарского муллы Мирзы Джафара отправился с бухарским караваном в путь. Через сорок пять дней он добрался до Бухары, оставался там до 25 мая следующего года и возвратился в Орск 8 июня 1834 г. Путешествие в Бухару, тогда запретную для европейцев, было сопряжено с немалыми опасностями. Оно потребовало от П. И. Демезона безупречного владения восточными языками, знания местных обычаев и большого личного мужества. Но все дипломатические поручения он выполнил [43].

В Неплюевском училище отъезд на значительное время преподавателя восточных языков вызвал большие затруднения. Пришлось искать ему замену. Комитет училища 10 ноября 1833 г. направил В. А. Перовскому просьбу: «дабы за отсутствием его не оставались занимаемые им классы праздными, прикомандировать к сему училищу муллу Нижних Чебеньков здешнего уезда Абдуллу Давлетшина, отрекомендованного директору с весьма хорошей стороны»⁸³. Военному губернатору пришлось обратиться по этому поводу к Оренбургскому Духовному магометанского закона Собранию, которое повелело Абдулле Давлетшину сдать дела и «немедленно явиться для вышеизъясненной надобности в Неплюевское училище»⁸⁴.

Давлетшин приступил к работе и успешно с ней справлялся. Но, как видно из донесения Г. Ф. Генса от 28 мая 1834 г., он выполнял эти обязанности «без всякого награждения за труды его». Попечитель сообщал, что новый преподаватель «будучи бедного состояния, терпит

с семейством своим крайнюю нужду» и просил исходатайствовать ему жалование и выдать 600 рублей без промедления. Просьба была удовлетворена. В это же время А. Давлетшин стал давать уроки татарского языка В. И. Далю, который, хорошо освоив этот язык, в дальнейшем всегда называл «муллу Абдуллу» своим учителем и другом.

Занимаясь делами Неплюевского училища, В. А. Перовский должен был обратить внимание на оплату труда преподавателей. К этому времени в связи с появлением в училище двух отделений увеличилось число классов. Количество воспитанников также увеличилось и почти достигло предусмотренных уставом 80 человек. Между тем число преподавателей оставалось прежним. Как сообщал в конце 1833 г. в докладной записке военному губернатору К. Д. Артюхов, «учитель, преподававший прежде в неделю 10 часов, преподает теперь 20 и 30 при том же небольшом окладе жалованья»⁸⁵. «Покойный граф Сухтелен, – писал далее директор училища, – имея в виду увеличение трудов господ учителей, предварительно истребовал от них согласия на удвоившийся труд, без возмездия оно, в той уверенности, что в скором времени получит для училища новый устав, в коем жалование учителям увеличится соразмерно прибавке часов преподавания». Заметив, что с тех пор прошло уже больше года и «училище терпит недостаток как в учителях, так и в надзирателях», он просил В. А. Перовского ходатайствовать о скорейшем утверждении нового «Положения» дополнения к которому уже разработал Г. Ф. Генс. Из документов архивного дела видно, что военный губернатор распорядился выдать преподавателям денежное поощрение.

4.2. Отчет о деятельности училища в 1833 г.

Полное описание состояния дел в Неплюевском военном училище в 1833 г. мы находим в отчете за этот год⁸⁶, где после сведений о числе воспитанников к 1 января 1834 г. приводятся данные об их физическом и нравственном воспитании, умственном образовании, а также об управлении хозяйством училища.

В отчете утверждается, что в отношении физического воспитания, направленного на «сбережение здоровья воспитанников, развитие и усовершенствование телесных их сил и способностей», были

соблюдены все предусмотренные уставом правила. То же касается опрятности одежды, помещения и образа жизни воспитанников. Некоторые отступления в качестве постельного белья объясняются «ограниченным положением суммы», выделяемой на эти цели.

Отмечено, что хотя число учащихся в течение года увеличилось, в помещении училища «тесноты никакой не было, ибо дом строился для 80 воспитывающихся, а живущих было только 63 человека».

Много внимания уделено гимнастическим упражнениям. Сообщается, что воспитанники занимаются «военной экзерцизией», фехтованием и верховой ездой, но программа этих занятий окончательно еще не определена. Так как манежа при училище нет, «оренбургским военным губернатором дозволено обучаться верховой езде в экзерциз-гаузе, устроенном для войск Отдельного Оренбургского корпуса».

Относительно лазарета в отчете сказано, что он «заведен, но еще не снабжен всеми потребностями», а «со стороны врача, прикомандированного к сему училищу, прилагаемо было всевозможное попечение о больных, предписанное уставом». Все воспитанники, заболевшие скарлатиной и коклюшем, случаи которых наблюдались в Оренбурге в 1833 г., «излечены были без дальнейших следствий», а из двух умерших один сделался жертвой осложненного воспаления легких, а другой – «тифозной горячки».

В разделе о нравственном воспитании, который начинается утверждением, что «все правила, предписанные уставом, соблюдены были в самой точности», перечислены меры поощрения и наказания, применявшиеся к воспитанникам училища. В качестве поощрения «главнейшим было одобрение воспитателя и директора», но, кроме того, отличившиеся хорошим поведением и успешной учебной работой были «награждены нашивкою серебряных позументов на воротнике в виде петличек, согласно предписанию бывшего военного губернатора графа Сухтелена от 7 ноября 1832 г.».

Приводится также внушительный список мер, служивших «к исправлению и наказанию воспитанников». В нем значится: «Замечание, выговор, стояние на коленях, недопущение к играм

и прогулкам, лишение одного или двух блюд, неопуск в праздничные дни к родственникам, содержание на хлебе и воде, посажение в карцер, наказание розгами и, наконец, исключение из училища». При этом особо подчеркивается, что, «кроме сих наказаний, других употребляемо не было».

В разделе об умственном образовании речь прежде всего идет о пользе введения в училище двух отделений: «Обучение вдруг шести языкам весьма препятствовало успехам воспитанников и даже стесняло их способности, а по разделении курса они явно ощутили облегчение в учении». Подчеркивается, что «от сего благодетельного разделения курса во всех без различия воспитанниках родился новый дух к учению». Кроме того, у офицеров Отдельного Оренбургского корпуса, предназначавших сыновей к военной службе, появилось желание отдавать их в Неплюевское училище.

Относительно результатов обучения в 1833 г., говорится, что некоторые предметы, предусмотренные программой, оказались «вполне не пройденными». Причиной послужило то, что до 1833 г. «все воспитанники без различия способностей, веры и нации проходили учебные предметы в совокупности и сии обстоятельства не могли не препятствовать ходу учения».

Затем в отчете приводятся подробные данные о воспитанниках, их успехах в изучении различных предметов и результаты проведенных летом 1833 г. частных и публичных испытаний. Кроме того, перечисляются книги и учебные пособия, предназначенные «для преподавания учения в Неплюевском училище», как имеющиеся в наличии, так и те, которые еще следует приобрести.

Раздел «Об управлении хозяйством» начинается финансовым отчетом, т.е. «отчетом о денежных суммах, поступающих в приход и расход». Затем сообщается, что в течение минувшего года училище приобрело находящуюся с ним по соседству усадьбу, которая состоит из деревянного отштукатуренного дома, флигеля и служебного помещения. Был отремонтирован флигель, в котором жили инспектор классов и эконома и помещались кухня и пекарня. Кроме того, был отделен черный двор от чистого и огорожен сад.

4.3. Учебная работа в 1834–1836 гг. Преподаватели

В 1834 г., как свидетельствуют архивные документы, в Неплюевском училище никаких чрезвычайных происшествий не происходило. Военному губернатору систематически подавались многочисленные ведомости, отражающие жизнь училища: «Понедельные перечневые ведомости», в которых указывалось число воспитанников, имеющих налицо в европейском и азиатском отделениях, «Ведомости, что именно пройдено в каком классе из учебных предметов», «Расписание блюд для обеда и ужина на неделю» и т.д.

В конце учебного года с 20 июня по 1 июля 1834 г. в Неплюевском училище состоялись частные испытания⁸⁷, а 6–8 сентября – публичные, на которых присутствовали военный губернатор и посетители, в том числе родственники воспитанников. О том, как они проходили, в донесении К. Д. Аргюхова В. А. Перовскому сказано: «Испытания сии делаемы были в каждом классе посредством билетов, приготовленных по программам всех преподаваемых предметов. Билеты вынимали без разбора сами воспитанники и, по сделании на них ответов, показывали экзаменаторам. После этого, как посетителями, так чиновниками и учителями предлагаемы были учащимся особо различные вопросы для точного определения знаний воспитанников... Испытание воспитанников в пройденных ими предметах было произведено со всею строгою внимательностью, причем оказалось, что успехи питомцев в сем году далеко превзошли прошлогодние, и осмелюсь полагать мнением своим, что если чрез ходатайство Вашего превосходительства представленный по начальству проект нового устава Неплюевского военного училища будет одобрен, то с введением оного раскрылись бы все средства к улучшению как по части учебной, так и вообще по всем частям управления».

В ходе испытаний выяснилось, что шесть воспитанников, учащихся в верхнем классе и закончивших положенный курс «оказались готовы к выпуску» и были назначены на военную и гражданскую службу.

Среди этих выпускников 1834 г. выделялся пансионер Александр Аничков – лучший «по поведению и успехам в науках». Он получил назначение в конную казачью артиллерию при Отдельном Оренбургском корпусе, но не был зачислен, так как принадлежал

не к казачьему, а к дворянскому сословию⁸⁸. Начав службу прапорщиком в Оренбургском линейном батальоне, в 1841 г. А. Аничков вернулся в Неплюевское военное училище как прикомандированный к нему эскадронный офицер и оставался при училище до своей отставки в 1866 г.⁸⁹ Все эти годы он исполнял обязанности библиотекаря и смотрителя музея, в 1855 г. был помощником инспектора классов и постоянно проводил метеорологические наблюдения.

В составе комитета Неплюевского военного училища и среди преподавателей в 1834 г. произошли изменения. Оказалась вакантной должность эконома, так как С. И. Владимиров 20 июня 1834 г. скончался⁹⁰. Военным смотрителем училища после долгой переписки со столичным начальством был назначен штабс-капитан С. А. Курбатов, ранее служивший в должности адъютанта начальника Оренбургской гарнизонной артиллерийской бригады⁹¹.

Гувернер и одновременно учитель немецкого языка К. К. Комиати в декабре 1833 г. вышел в отставку, а на его место был определен Н. В. Зибенгор, бывший преподаватель Вятской гимназии⁹². Учителя Д. И. Сапожников, Н. И. Ильин, М. И. Иванов и Д. Ф. Дандевиль, выслужившие положенный четырех летний срок, были представлены к следующему чину⁹³.

Однако в ноябре 1834 г. старший учитель математики Д. И. Сапожников, преподававший также военные науки, подал рапорт об увольнении. Просьба была удовлетворена, а вместо него вести занятия по математическим наукам изъявил желание бухгалтер Оренбургской пограничной комиссии, политический ссыльный поляк Сузин, а по военным – С. А. Курбатов⁹⁴.

Следующий 1834–1835 учебный год завершился частичными испытаниями, проведенными с 18 июня по 4 июля 1835 г. Публичные испытания прошли 31 августа и 1 сентября, как обычно, в присутствии военного губернатора и «посетителей». В годовом отчете К. Д. Артюхова говорится, что, кроме вопросов из экзаменационных билетов «предлагаемы были учащимся как посетителями, так и учителями различные вопросы для точного определения их знания»⁹⁵. К отчету прилагаются таблицы, в которых отражена «степень знания каждого воспитанника порознь». Из них следует, что «успехи

воспитанников нижних классов по общей сложности оказались довольно ограниченными». Это объясняется, в частности, «разновременностью поступления в училище питомцев», так как «начинающие учение в половине, а нередко и в конце академического года» не успевают освоить все предметы, предусмотренные программой.

В конце 1835–1836 учебного года после частных и публичных испытаний⁹⁶ состоялся очередной, третий выпуск воспитанников Неплюевского военного училища. Из семи воспитанников два – Василий Костромитинов и Искандер Батыршин вскоре вернулись в училище в качестве преподавателей восточных языков.

В 1836 г. в связи с переводом П. И. Демезона на службу в Петербург вновь возник вопрос о преподавателе персидского и арабского языков. Решение вскоре было найдено, так как в это время у выпускника Неплюевского училища 1831 г. Салихяна Кукляшева появились все основания занять освободившуюся должность старшего преподавателя восточных языков. Получив назначение в Оренбургскую Пограничную комиссию, он был в 1832 г. включен в группу воспитанников училища, принадлежащих к башкиро-мещеряцкому войску, которые были отправлены в Казанский университет для обучения медицине⁹⁷. Вначале они прошли подготовку в Первой казанской гимназии, где изучали латынь, а затем были зачислены на медицинский факультет университета. Однако С. Кукляшев в 1834 г. добился – при поддержке ректора Н. И. Лобачевского – перевода на восточное отделение словесного факультета и окончил его в 1836 г. со степенью кандидата [51, с. 22–23].

В это же время в Неплюевском военном училище появилась должность учителя танцев. В рапорте комитета училища военному губернатору от 10 ноября 1836 г. говорилось: «Казанский мещанин Михайла Осипов сын Дотти вошел в Комитет с просьбой о принятии его в Неплюевское военное училище учителем танцевания без жалования, причем, представляя выданный из Казанского уездного казначейства паспорт, просит ходатайства и об увольнении из мещанского сословия»⁹⁸. По решению В. А. Перовского М. Дотти был зачислен на должность младшего учителя Неплюевского военного училища.

4.4. Директор училища И. М. Марков и новые преподаватели

В начале 1837 г. в жизни Неплюевского военного училища произошло немаловажное событие: его директор К. Д. Артюхов ушел в отставку. В. А. Перовский, находившийся в это время в столице, сообщил 8 февраля в Оренбург, что «по случаю увольнения в отпуск и подачи прошения об увольнении от службы инженер-полковника Артюхова» он назначает исправляющим должность директора Оренбургского Неплюевского военного училища своего адъютанта гвардии капитана Н. М. Калустова⁹⁹.

Вскоре В. А. Перовский подыскал подходящую кандидатуру на вакантное место. Это был подполковник Генерального штаба Илларион Михайлович Марков, состоявший при Штабе военно-учебных заведений. Ходатайство о его назначении не встретило возражений в начальственных кругах, и 2 мая 1837 г. военному губернатору сообщили о высочайшем повелении командировать И. М. Маркова «ныне же в Оренбург для исправления должности директора тамошнего Неплюевского военного училища»¹⁰⁰. Уже 27 июня В. А. Перовский уведомил Г. Ф. Генса: «Ныне по случаю прибытия подполковника Маркова в Оренбург я предписал ему вступить на законном основании в должность, с тем, чтобы он принял от училищного Комитета дела и принадлежащие училищу суммы».

В послужном списке И. М. Маркова¹⁰¹ указано, что в военную службу он вступил в 1810 г., в офицерском чине находится с 1816 г., в чине подполковника – с 1834, а также, что он «весьма усерден по службе» и имеет «весьма хорошее состояние ума». В графе «Каков в нравственности» значится «Очень хорош», а в графе «Каков в хозяйстве» – «Хороший хозяин». Кроме того, отмечается, что он «имеет знание» в математике и артиллерии и владеет немецким и французским языками. Впоследствии один из выпускников-неплюевцев генерал Н. Г. Залесов в своих воспоминаниях назвал И. М. Маркова «одним из образованнейших людей в России» [22, с. 48].

Новый директор Неплюевского училища столкнулся с тем, что многие штатные должности преподавателей оказались вакантными. Заменять некоторые из них пришлось ему самому. Так, в финансовой

ведомости 1838 г. значится: «Чистая математика и военные науки преподаются директором бесплатно»¹⁰².

В 1838 г. в Неплюевское военное училище приказом по военным учебным заведениям был командирован поручик Петр Логинович Энгельке, состоявший ранее при Павловском кадетском корпусе. Как писал И. М. Марков, он был прислан «для вспомоществования в введении в сем заведении домашнего порядка и частных постановлений сообразно введенным в прочих кадетских корпусах»¹⁰³. Ему было поручено обучение воспитанников фронтовой службе и выправке. Кроме того, он начал преподавать военные науки – артиллерию, фортификацию и полевую службу. П. Л. Энгельке оказался превосходным воспитателем и приобрел всеобщее уважение. Так, в 1844 г., когда он уже имел чин штабс-капитана, директор отмечал, что он «успешным преподаванием военных наук как учитель и бдительным постоянным надзором за поведением, сохранением здоровья и фронтовым обучением воспитанников как ротный командир заслуживал внимания начальства»¹⁰⁴. И в дальнейшем П. Л. Энгельке играл руководящую роль в учебном заведении, с которым был связан долгие годы, до выхода в отставку в 1882 г.

В 1838 г. состоялся четвертый выпуск Неплюевского военного училища. На военную и гражданскую службу получили назначение 15 воспитанников. Из них трое – Мир-Салих Бекчурин, Антон Владимиров и Абдул-Кадыр Субханкулов, окончившие азиатское отделение, были зачислены переводчиками в штат Оренбургской Пограничной комиссии¹⁰⁵.

4.5. Новое «Положение о Неплюевском военном училище»

В конце 1840 г., наконец, было утверждено новое «Положение об Оренбургском Неплюевском военном училище», которое узаконивало изменения, происшедшие в 1832 г., когда по распоряжению П. П. Сухтелена училище было разделено на европейское и азиатское отделения.

Этого документа ожидали с нетерпением, так как в нем определялось штатное расписание, соответствующее новой структуре учебного заведения, и были введены новые преподавательские должности.

Проект нового «Положения», представленный еще П. П. Сухтеленном, дорабатывался так долго потому, что Г. Ф. Генсу пришлось учитывать замечания высшего начальства и отвечать на многочисленные вопросы, возникавшие по ходу обсуждения¹⁰⁶. Так, в 1838 г. в военном министерстве забеспокоились, не станет ли новая структура училища «препятствием к сближению народа русского с азиатским посредством совместного воспитания и образования»¹⁰⁷. В. А. Перовский, основываясь на донесении Г. Ф. Генса, писал в своем рапорте военному министру от 26 мая 1838 г.: «Все вообще ученики Неплюевского военного училища, как Европейского, так и Азиатского отделения воспитываются вместе, а разделение на два отделения относится не столько к происхождению учеников, а к будущему их назначению, то есть собственно к преподающимся предметам». Он объяснял, что «в Европейском отделении есть азиатцы, или мусульмане, например, сын Хана Джангера, в азиатском же, которое состоит из 30 человек, мусульман всего только 8, а остальные 22 – русские». В азиатское отделение, где изучаются татарский, арабский и персидский языки, определены «ученики, которые готовятся, по собственному желанию, согласно своим способностям или желанию родителей, на пограничную службу внутри края, или дети мусульман, для коих восточные языки оставляют предмет большой важности». Воспитанники европейского отделения, «напротив того, занимаются подробнее и основательнее математикой, русской историей и военными науками, которые, кажется, и не должны быть преподаваемы, например, детям киргиз-кайсаков, возвращающимся по окончании наук в родные степи»¹⁰⁸.

В «Положении» 1840 г. были четко установлены права выпускников Неплюевского военного училища¹⁰⁹. При этом соблюдался сословный принцип и учитывались успехи в учебе. Дети дворян, окончившие европейское отделение, «особо отличившиеся в науках и поведении» и поступившие в военную службу, определялись офицерами в самые престижные части – казачью конную артиллерию, артиллерийскую пехоту и армейскую кавалерию. Те из выпускников этой категории, которые шли на гражданскую службу в Оренбургскую губернию, получали привилегии – им присваивался чин

губернского секретаря, а тем, кто должен был служить «вне оной» – только чин коллежского регистратора.

Дети дворян, «окончившие курс учения с надлежащими успехами», выпускались в 1-й Оренбургский казачий полк, линейные батальоны и казачьи войска офицерами, а в кавалерию – юнкерами с правом производства в офицеры через 6 месяцев. Такие же назначения получали дворяне, отлично окончившие азиатское отделение, а учившиеся менее успешно выпускались в унтер-офицеры.

Остальные выпускники, представители неподатных сословий, становились офицерами оренбургских линейных батальонов или казачьих войск, направлялись юнкерами и унтер-офицерами в артиллерию и кавалерию с правом производства в офицеры через определенный срок. Выпускники азиатского отделения чаще всего назначались в Оренбургскую пограничную комиссию.

Новое «Положение» было утверждено 6 декабря 1840 г., и В. А. Перовский, находившийся тогда в столице, отправил в Оренбург предписание ввести его в действие уже с 1 января наступающего 1841 г. Поэтому директор училища И. М. Маркову пришлось решать множество нелегких вопросов, касавшихся учебной работы, персонала и хозяйства училища.

В донесении от 6 января 1841 г.¹¹⁰ он сообщал военному губернатору о сделанных им распоряжениях. Особую важность имели меры по привлечению преподавателей на вновь открывшиеся вакантные должности. И. М. Марков писал, что «о потребных для училища учителях сделано сношение с Казанским и Московским университетами и опубликовано в Санкт-Петербургских и Московских ведомостях». Но вместе с тем он обратил внимание на то, что новые преподаватели должны были бы начать работу с середины учебного года, а это создало бы серьезные трудности для воспитанников, особенно для готовившихся к выпуску летом. Поэтому от их имени была высказана просьба оставить прежних учителей до августа, когда, согласно новым правилам, намечался очередной выпуск из училища.

Поддерживая эту просьбу, Марков писал: «Полугодовой курс до каникул составляет продолжение предыдущего. Каждый учитель имеет свой метод и разделение преподавания. Новому было

бы тяжело, если не совсем невозможно, в краткое полугодие время начать и окончить свой предмет и с полным успехом продолжать преподавание, начатое другим... Посему я полагаю до августа месяца преподавание предметов в верхних и важнейших в средних классах оставить за теми учителями, которые их начали. Через сие выиграет и время для приискания всех по штату положенных учителей, которые и начнут преподавание с нового курса»¹¹¹.

И. М. Марков перечисляет учителей, которые продолжают вести занятия по разным предметам до августа. Он называет протоиерея Содолянского и ахуна Абдусалимова, обучающихся, соответственно, закону Божиему и «магометанскому закону». Инспектор классов Дьяконов будет, как и раньше, преподавать во всех классах историю и географию, а кроме того, в нижних классах – вновь введенную зоологию. Другие новые предметы – ботанику и минералогию – берется вести сам директор училища подполковник Марков. На него же по-прежнему возлагаются наиболее сложные разделы математики, которые проходят в верхнем классе: плоская и сферическая тригонометрия, аналитическая геометрия и основы геодезии. Алгебра, геометрия и физика в среднем классе в европейском отделении поручаются инженер-подпоручику Эрдбергу, а арифметика в обоих отделениях – хорунжему Кочерину. Как и прежде, русский язык будет преподавать Грязнов, военные науки в верхних классах – поручик Энгельке, рисование в верхних классах – Матони, а «танцевание» – Дотти.

В. А. Перовский согласился оставить до августа прежних преподавателей, но с условием немедленно заняться «приисканием недостающих».

Важной новостью явилось то, что теперь преподавателям языков полагались в помощники младшие учителя. В должности старших учителей И. М. Марков предлагал оставить преподавателя русского языка Н. Грязнова, выпускника Казанского университета, работавшего в училище с 1836 г., французского – Д. Ф. Дандевиля, татарского – М. И. Иванова, арабского и персидского – С. Кукляшева. Недавно вступившего в должность преподавателя немецкого языка И. Фенкаля, по его мнению, нельзя было назначить старшим учителем, так как у него «по недавнему его вступлению в училище успехи очень незначительны».

Много внимания И. М. Марков уделил вопросу о назначении младших учителей восточных языков, «которых обязанность состоит в преподавании чтения, письма и начальных правил языка». Он считал, что они «могут быть взяты из бывших воспитанников училища и теперь же приступить к исправлению своих обязанностей». Он приводит имена лиц, которые, «по засвидетельствованию инспектора классов и наличных учителей восточных языков», могут быть равно хорошими учителями сих языков», а именно Костромитинова, Явишева, Батыршина, Субханкулова и Владимирова.

Из них Василий Костромитинов, служащий толмачом в Оренбургской Пограничной комиссии, «выдержал экзамен по восточным языкам в Санкт-Петербургском университете и получил из оного аттестат о способности к их Преподаванию... Может быть назначен равно младшим учителем персидского или татарского языков». Отмечается, что в настоящее время он замещает находящегося в командировке М. И. Иванова.

Толмачами в Пограничной комиссии служат также Батыршин, Субханкулов и Владимиров, а Явишев – переводчиком в канцелярии командующего Башкирским и Мещеряцким войском.

Из них на должность младшего учителя русского языка директор рекомендовал Владимирова. «Русского языка младший учитель, – объяснял он, – должен знать и татарский язык. Без сего первый год курса в азиатском классе потерян для русского языка, а по сему и для всех предметов, ибо большая часть класса не понимает учителя».

В. А. Перовский, ознакомившись с донесением И. М. Маркова, распорядился «назначить ныне же младшими учителями – татарского языка – коллежского регистратора Батыршина, арабского и персидского языка – коллежского регистратора Костромитинова, русского языка – коллежского регистратора Владимирова»¹¹².

Большую озабоченность у И. М. Маркова вызвала должность инспектора классов, т.е. помощника директора военного училища. Согласно новому «Положению», им должен был быть штаб-офицер, а инспектор классов А. Н. Дьяконов являлся лицом гражданским. Считая его незаменимым для училища, И. М. Марков писал: «Допустив сего хорошего во всех отношениях чиновника совместно

с другими с основания училища до сего времени при самом малом содержании к перенесению всех тягостей звания, ныне, когда новое Положение училища вознаграждает их за понесенные труды и недостатки, исключить было бы явною несправедливостью. Посему г. Дьяконов справедливо может ожидать перевода в военную службу в штаб-офицерское звание или остаться на гражданской службе с производством соответственно званию инспектора».

Хотя, по его мнению, «переименование Дьяконова в военный чин вряд ли возможно», Марков просит военного губернатора ходатайствовать о его оставлении в прежней должности¹¹³.

По этому поводу В. А. Перовский обратился 2 февраля 1841 г. к начальнику штаба Управления военно-учебными заведениями Я. И. Ростовцеву. Он писал: «Принимая во внимание, что г. Дьяконов исполнял сказанную обязанность в продолжение восьми лет при весьма ничтожном содержании с отличным усердием и удовлетворительностью и что по существу занятий инспектора нет необходимости возлагать эту должность на военного офицера, я считал бы безвыгодным для училища и несправедливым относительно сказанного чиновника лишить его занимаемого ныне места; почему имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, исходатайствовать утверждение г. Дьяконова инспектором классов Неплюевского военного училища»¹¹⁴. В результате утверждение было получено 26 июня 1841 г., и А. Н. Дьяконов оставался инспектором классов до ухода в отставку в 1854 г.

Обращаясь к вопросу о преподавателях, которые должны быть приглашены в Неплюевское училище, И. М. Марков в своем доносении утверждает, что «если учителям языков положены весьма справедливо помощники, то еще более необходим помощник учителю математики, он же геодезии». Действительно, «преподавать столь обширную и многораздельную науку, как математика, начиная от нумерации и кончая аналитической геометрией, т.е. арифметику, алгебру, геометрию, обе тригонометрии, аналитическую геометрию и геодезию в разных степенях в шести классах невозможно и времени недостает, ибо только-только по две лекции в каждом классе он будет иметь 36 часов, т.е. всю неделю без отдыха». Поэтому он просил

В. А. Перовского «исходатайствовать назначение младшего учителя математики, без чего сей важный предмет не может иметь полного успеха»¹¹⁵. Кроме того, И. М. Марков предложил, «чтоб директор не преподавал никаких уроков».

Согласившись с ним, В. А. Перовский обратился к Я. И. Ростовцеву с предложением «поставить правилом, чтобы директор не преподавал уроков в училище, вследствие чего определить особых учителей естественных наук и математики. Первый должен быть вместе с тем смотрителем музеума, за что получать добавочное жалование из оклада, положенного смотрителю и библиотекарю... По значительности обязанностей учителя математики часть занятий его должна быть возложена на преподавателя военных наук с назначением ему добавочного жалованья из вышесказанного оклада смотрителя музеума. Кроме того, учителю математики должен быть приискан еще сверхштатный помощник, который вместе с тем будет исполнять должность библиотекаря»¹¹⁶.

Наиболее важным для Неплюевского военного училища в это время оставался вопрос о новых преподавателях, которые смогли бы занять должности учителей математики, истории, географии и немецкого языка. И. М. Марков докладывал В. А. Перовскому: «Немедленно по получении нового Положения училища, полагая важнейшим предметом приискание надежных учителей, я просил опубликовать в публичных ведомостях и сделал сношение со всеми военными учебными заведениями и частными лицами, которые полагал могущими принять на себя звание учителей Неплюевского военного училища или имеющими о таковых сведения»¹¹⁷.

Срок подачи заявлений был ограничен 1 мая 1841 г., но уже к 22 апреля от «желающих принять на себя преподавание различных предметов в Неплюевском военном училище» поступило двадцать шесть прошений. Их список И. М. Марков представил В. А. Перовскому со своими замечаниями¹¹⁸.

Преподавать математику предложили свои услуги семь человек: выпускники Московского университета Николай Федоров и Иван Бенедиктов, окончивший Киевский университет, «отличнейший

из студентов» Иван Кучинский, преподаватель 2-й Киевской гимназии Михайло Менжурнеги, профессор Харьковского колледжа Иван Снегирев, служивший в Калуге капитан топографов Иван Васильев и оренбургский инженер-поручик Эрдберг, которому в это время было поручено преподавать математику в верхнем классе училища¹¹⁹.

В. А. Перовский, считая, вероятно, что в военном училище предпочтительнее видеть преподавателем человека военного, остановил свой выбор на капитане Васильеве, который, как заметил И. М. Марков, «по роду службы должен знать математические науки». Однако 4 июня 1841 г. капитан Васильев сообщил, что до получения известия о назначении его учителем Неплюевского училища он вступил на службу в министерство уделов с гораздо большим жалованием¹²⁰. Он соглашался занять должность учителя математики при определенных условиях, которые были сочтены неприемлемыми.

Вместо него военный губернатор решил определить на эту должность Николая Федорова, которому дал рекомендацию попечитель Московского университета С. Г. Строганов. Он писал В. А. Перовскому 24 марта 1841 г., что «желая доставить Неплюевскому училищу хорошего преподавателя», посылает ему прошение Николая Федорова, окончившего курс по физико-математическому отделению (в то время 2-го отделения философского факультета) и удостоенного степени кандидата¹²¹.

Преподавателем истории и географии был избран губернский секретарь Михаил Иванович Дмитревский, окончивший нравственно-политическое отделение Московского университета со званием действительного студента. По мнению И. М. Маркова, он «заслуживал преимущества» перед другими кандидатами¹²².

На должность старшего учителя немецкого языка В. А. Перовский решил назначить преподавателя Дерптского пансиона Иоганна Блюменберга, по мнению И. М. Маркова, «надежнейшего» из всех желающих занять эту должность. Директор сообщал, что слышал о нем похвальные отзывы от некоторых знающих его лиц¹²³. Имелся в виду служивший в Оренбурге доктор К. О. Розенбергер, друг В. И. Даля по Дерптскому университету.

После переписки с новыми преподавателями и выплаты им прогонных денег Федоров, Дмитриевский и Блюменберг в сентябре 1841 г. прибыли в Оренбург и вступили в должность¹²⁴.

В конце 1841 г. произошли также изменения в составе офицеров, входивших в штат Неплюевского училища. Были «отосланы в войско» хорунжие Кочурин, исполнявший обязанности казначея, и Петров, заведовавший библиотекой. Вместо них по представлению И. М. Маркова к училищу были прикомандированы на должность дежурных офицеров и помощников ротного командира служившие в 6-м и 2-м Оренбургских линейных батальонов подпоручики Бибиков и Аничков¹²⁵. Первый из них должен был одновременно стать казначеем училища. На подпоручика А. Аничкова, выпускника 1834 г., предполагалось возложить обязанности библиотекаря и смотрителя музея.

Таким образом, 1841–1842 учебный год в Неплюевском военном училище проходил уже в соответствии со штатами, утвержденными новым «Положением». Некоторые затруднения встретились только в преподавании восточных языков. Это было связано с последствиями зимнего Хивинского похода 1839–1849 гг., цель которого состояла в освобождении из хивинского рабства русских пленников.

Неудача похода заставила В. А. Перовского начать весной 1840 г. подготовку новой военной экспедиции в Хиву, но хивинский хан, опасаясь этого, вернул всех пленников. Международные отношения России с ханствами Средней Азии возобновились, и в 1840–1842 г. через Оренбург проследовали в столицу посольства Бухары и Хивы. В Оренбурге для них назначался сопровождающий отряд с переводчиком. Так как лучшие переводчики в это время были зачислены преподавателями восточных языков в Неплюевское училище, их приходилось отрывать от занятий.

Особенно востребованным оказался старший учитель татарского языка М. И. Иванов: с 21 сентября 1840 по 23 апреля 1841 г. он «находился в качестве пристава при провоздении свиты Бухарского посла к Высочайшему двору»¹²⁶, а затем ему было поручено сопровождать хивинские посольство, вернувшееся из столицы в Оренбург только летом 1842 г.¹²⁷

Во время отсутствия М. И. Иванова преподавание татарского языка в Неплюевском училище было поручено Василию Костромитинову¹²⁸. Но в мае 1841 г. он тоже был определен в отправляющуюся в Бухару миссию К. Ф. Бутенева, и вернулся лишь в июне 1842 г. Вместо него должность младшего учителя арабского и персидского языков занимал бывший воспитанник Неплюевского училища, толмач Пограничной комиссии Мирсалим Бекчурин¹²⁹.

Когда в июле 1842 г. М. И. Иванов подал прошение об отставке, В. Костромитинов был утвержден в должности старшего учителя татарского языка¹³⁰, а М. Бекчурин занял его место.

4.6. Библиотека и музей

В. А. Перовский непосредственно участвовал не только в назначении преподавателей и отборе кандидатов на поступление в Неплюевское военное училище, но и в решении всех вопросов, касавшихся деятельности учебного заведения. В частности, его заботила библиотека, комплектование которой зависело от весьма скромных финансовых возможностей училища. Это видно из его переписки с директором Морского корпуса, знаменитым мореплавателем вице-адмиралом И. Ф. Крузенштерном¹³¹, приславшим в 1836 г. книги в дар библиотеке Неплюевского училища [80, 85, 92].

И. Ф. Крузенштерн, как следует из его письма В. А. Перовскому¹³², узнал от Г. Ф. Генса, посетившего Петербург в начале 1836 г., что «библиотека Неплюевского училища недостаточно богата книгами», и поэтому решил предложить ей «все книги, напечатанные в Морском кадетском корпусе в течение последних лет». В их списке значатся учебники по математике, физике, математической и физической географии, истории и русской грамматике. Он намеревался прислать также описание своего путешествия вокруг света, хотя опасался, что «содержание оно не может быть интересно для жителей Вашего города». Предлагал он и некоторые дубликаты из библиотеки Морского корпуса.

В ответном письме¹³³ В. А. Перовский, выражая искреннюю благодарность за подарок, говорит о финансовых затруднениях, не позволяющих Неплюевскому училищу «издерживать значительные суммы на приобретение полной библиотеки». Именно этим он

объясняет отсутствие в ней описания кругосветного путешествия И. Ф. Крузенштерна – «книги, долженствующей находиться во всяком учебном заведении». Что касается «прочих математических и физических сочинений», он пишет, что они будут полезны не только ученикам, но и преподавателям. В заключение В. А. Перовский благодарит и за предложение прислать еще несколько дубликатов из библиотеки Морского корпуса, которые будут приняты с готовностью, так как «в книгохранилище заведения столь отдаленного края, каков Оренбургский, никакая книга не может назваться излишнею».

Эти дубликаты вскоре были получены и переданы в библиотеку. В сопроводительном письме И. Ф. Крузенштерн выражал сожаление, что «число их так незначительно». «Книги, коими ежегодно обогащается наша библиотека, – писал он, – как на русском, так и на французском и английском языках, почти исключительно относятся до морского искусства и потому не могут быть ни значительны, ни полезны для Неплюевского училища».

Много внимания В. А. Перовский уделил и созданному П. П. Сухтеленом Музеуму при Неплюевском военном училище. Как и его предшественник, он видел в музее прежде всего средство для распространения просвещения, которое должно быть общедоступным, и поэтому считал, что «Музеум не составляет принадлежность Неплюевского училища, а есть собственность здешнего края»¹³⁴. Тем не менее, оставив музей при училище, В. А. Перовский оказывал внимание его смотрителю Ф. К. Зану и намеревался построить новое музейное помещение.

Но в 1836 г. к военному губернатору поступил правительственный запрос: «Когда именно и на каком основании учрежден в Оренбурге Музеум?». Оказалось, что ранее он нигде не был зарегистрирован. Поэтому вскоре музей был официально передан в ведомство военно-учебных заведений, что узаконило его принадлежность Неплюевскому военному училищу¹³⁵. Согласно новому положению о музее, специально разработанному в столице, обязанности его смотрителя должен был выполнять один из учителей, так что Ф. К. Зан получил предписание сдать музейное имущество лично директору училища И. М. Маркову.

После этого В. А. Перовский решил устроить новый краеведческий музей, передав ему часть коллекций, находившихся в прежнем. Из архивных документов видно, что экспонаты были поделены так, чтобы в музее при училище остались те, которые можно было использовать при обучении воспитанников. Учитывалось мнение И. М. Маркова, который считал минералогическую коллекцию «необходимым пособием для основательного изучения минералогии Оренбургского края, по новому штату поставленной в число важнейших предметов преподавания». Нужен был училищу, по его мнению, и нумизматический кабинет, который «тоже может быть полезен при преподавании истории и статистики»¹³⁶.

В результате благодаря усилиям В. А. Перовского в Оренбурге возникли два музея. В одном, принадлежавшем Неплюевскому училищу, были представлены «только предметы, которые могут быть полезны в отношении к преподаваемым в училище наукам и могут быть хранимы и поддерживаемы без особенных издержек, каковы минералогическое и ботаническое собрания»¹³⁷. Второй, краеведческий музей широкого профиля, в создании которого решающую роль сыграл В. И. Даль, получил название «Музеума естественных произведений Оренбургского края» [44, с. 487–519].

В. А. Перовский держал Неплюевское военное училище под постоянным личным надзором и, как показано выше, сделал немало для устройства и укрепления этого важного для Оренбургского края учебного заведения. Архивные документы свидетельствуют, что он не только контролировал всю учебную и хозяйственную жизнь училища, но и вникал в мельчайшие ее подробности. Показательна, например, его переписка с директором по поводу училищного сада¹³⁸. В рапорте от 20 марта 1841 г. И. М. Марков, ссылаясь на положение, согласно которому каждое военное училище должно иметь сад «для прогулки и пользования свежим воздухом воспитанников», жаловался на недостаток средств для содержания сада при Неплюевском военном училище. Он писал, что необходимо – за счет суммы, «положенной на содержание чистоты в доме, тротуаров, бани и сада» – увеличить число служителей, приобрести еще одну лошадь «для снабжения всего училища

водою и поливки сада» и нанять «для успешного разведения его» на год или два знающего садовника.

Против последнего требования В. А. Перовский решительно воспротивился. «Считаю нужным отозваться, – писал он 29 апреля 1841 г., – что наем садовника на целый год я нахожу совершенно излишним, так как в зимние месяцы садовнику тому не предстояло бы никакого занятия; для распоряжения же необходимыми работами по училищному саду в летнее время можно за умеренную плату нанимать знающего человека ежемесячно». Свой ответ военный губернатор завершает своего рода выговором: «При сем случае долгом поставляю сообщить Вашему высокоблагородию желание мое, чтобы Вы обращали свою заботливость и деятельность преимущественно на усовершенствование тех предметов по части учебной и благоустройству училища, которые прямо могут споспешествовать удовлетворительнейшему достижению цели вверенного Вам заведения».

5. 1842–1851 ГОДЫ. В. А. ОБРУЧЕВ

В 1842 г. закончился первый период правления В. А. Перовского Оренбургским краем. Поздней осенью 1841 г. он уехал в Петербург, но оставался оренбургским военным губернатором до июня 1842 г. Затем он был уволен в «отпуск для поправления здоровья за границей», а на его должность был назначен генерал от инфантерии Владимир Афанасьевич Обручев (1793–1866). Ему предстояло управлять краем с 1842 по 1851 г.

Рис. 6. Владимир Афанасьевич Обручев

5.1. Преобразование Неплюевского военного училища в кадетский корпус

Ознакомившись с делами Неплюевского военного училища, В. А. Обручев заключил, что выпуск из этого «единственного в здешнем крае заведения, способного образовать молодых людей, которые бы с пользой могли быть употреблены на действительной службе»,

слишком мал и не удовлетворяет потребностей «в хороших чиновниках»¹³⁹. Желавших же поступить в Неплюевское училище было много, судя «по значительному числу кандидатов, простирающемуся ныне свыше 250-ти человек».

Уже в ноябре 1842 г. В. А. Обручев начал переписку по этому поводу, а в декабре представил в штаб военно-учебных заведений проект преобразования Неплюевского военного училища в кадетский корпус с значительным увеличением числа воспитанников¹⁴⁰. В марте 1843 г. проект был одобрен, но с условием, что «предстоящее преобразование будет состоять только в увеличении личного состава училища с прибавлением необходимых на то средств из собственных источников училища и Оренбургского края»¹⁴¹. Иными словами, учебное заведение сохраняло свою краевую специфику и тем отличалось от других российских кадетских корпусов. Новое «Положение», в котором оно переименовывалось в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, было утверждено в 1844 г.

Вместо прежних 80 в кадетском корпусе должно было обучаться 200 воспитанников. Вакансии распределялись следующим образом¹⁴²:

1) 40 казеннокоштных мест предоставлялось «детям за заслуги отцов, штаб- и обер-офицеров военных и гражданских, служащих в Оренбургском крае, преимущественно круглым сиротам»;

2) 30 казеннокоштных мест предназначалось детям киргизских султанов, старшин и биев;

3) 40 своекоштных (т.е. находившихся на собственном обеспечении) – «сыновьям жителей Оренбургского края неподатного состояния»;

4) 90 вакансий отдавалось «на иждивение казачьих войск», в том числе 30 – Оренбургскому войску, 30 – Уральскому и 30 – Башкиромещеряцкому.

Правила приема в Неплюевский кадетский корпус и права воспитанников, окончивших курс обучения, оставались прежними. Учебное заведение по-прежнему подразделялось на два отделения, теперь называвшихся эскадронами. Первый эскадрон принял программу бывшего европейского отделения, а второй – азиатского. Во втором эскадроне программа несколько изменилась. Здесь вводилось преподавание земледелия и лесного хозяйства, а также предполагалось обучать

воспитанников составлению землемерных планов, артиллерийской практике, правилам форпостной и лагерной службы.

В обоих эскадронах появился подготовительный класс. В каждом классе, как и раньше, обучение длилось два года, так что общий срок обучения стал восьмилетним.

Изменилось и штатное расписание. Вместо одной должности эскадронного командира были введены две, а кроме того, появились пять должностей эскадронных офицеров. Инспектору классов теперь полагался помощник. Число преподавателей не ограничивалось, но на их содержание выделялась определенная сумма, и жалование каждого определялось «по числу лекций и по личному достоинству с разрешения военного губернатора».

Библиотекарь теперь должен был выполнять и обязанности смотрителя музея. В лазарет, кроме двух лекарей (старшего и младшего), назначались два фельдшера (старший и младший) и зубной врач.

Финансирование учебного заведения, как и прежде, производилось из местных средств. Помимо процентов с собственного училищного капитала, существенную часть суммы на содержание кадетского корпуса по-прежнему составлял билетный сбор с киргиз.

В связи с увеличением числа воспитанников возник вопрос об их размещении. В. А. Обручев писал по этому поводу: «Для помещения корпуса, в настоящих зданиях которого 200 кадет жить не могут, представляется возможность обратиться на сей предмет в собственность корпуса дом, состоящий в ведомстве г. оренбургского губернатора, предназначенный для помещения чертежных отделений Генерального штаба»¹⁴³. В этом доме на главной улице Оренбурга (в настоящее время ул. Советская, 24) разместился 2-й эскадрон Неплюевского кадетского корпуса, а 1-й эскадрон остался в прежнем здании.

В «Положении об Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе» давалось описание обмундирования воспитанников – строевого и классного. Строевое обмундирование: «Куртка казачья темнозеленого сукна, эполеты желтые чешуйчатые, с желтою насечкою ОН. Шаровары казачьи с красными лампасами. Кушак светлосиний суконный. Шапка казачья с красным суконным напуском и с медным

кадетским гербом, репеек и помпон белые; ... перевязь белая, портупея из красной кожи».

Классное обмундирование имело следующий вид: «Куртка, как и строевая, но вместо эполет погоны светло-синие с желтою насечкою букв ОН. Шаровары без лампасов. Фуражная шапка темно-зеленая с красною по верхнему ребру выпушкою и красным околышком. Шинель серого цвета с погонами. Воротник на строевой и классной куртках и на шинели красный с темно-зеленым кантом по верху. Пуговицы медные с двуглавым орлом»¹⁴⁴.

**Рис. 7. Здание 2-го эскадрона
Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса**

Наряду с разработкой и осуществлением плана реорганизации Неплюевского училища В. А. Обручеву пришлось заниматься комплектованием его преподавательского состава. Осенью 1842 г. неожиданно умер «от лихорадки» недавно назначенный учитель истории и географии М. И. Дмитриевский¹⁴⁵. На его место тогда же был временно определен учитель оренбургского уездного училища, «преподаватель первого разряда» Рудковский¹⁴⁶. Через год, 26 ноября 1843 г. скончался один из старейших преподавателей училища старший учитель французского языка Д. Ф. Дандевиль¹⁴⁷.

После этого в декабре 1843 г. был объявлен конкурс на замещение освободившихся вакансий преподавателей. В ответ было получено несколько предложений, что говорит о том, что служба в Оренбургском Неплюевском училище многим казалась привлекательной. Преподавать французский язык выразили желание: учитель Нижегородской гимназии Монфорт, отставной учитель Иосиф Лежаль, нидерландский подданный генерал Бертрам и Санкт-Петербургский мещанин Ульян Курвоазье. Из них был выбран последний. В апреле 1844 г. начальник штаба военно-учебных заведений И. Я. Ростовцев сообщил В. А. Обручеву, что Курвоазье «был подвергнут испытанию в Учебном комитете и оказался для преподавания способным» После этого его отправили «прямо в Оренбургское Неплюевское военное училище для принятия его предварительно на испытание»¹⁴⁸.

На вакансию учителя истории и географии был определен закончивший факультет Московского университета с званием «действительного студента» Антон Коссович¹⁴⁹.

В 1845 г., когда преобразование Неплюевского училища в кадетский корпус уже произошло, была введена должность младшего учителя математики. В донесении к В. А. Обручеву от 28 августа инспектор классов А. Н. Дьяконов, замещавший тогда директора, объяснял это тем, что «с начатием нового курса увеличиваются нижние классы вновь поступающими и имеющими поступить воспитанниками, и потому служащему в Корпусе старшему учителю математики г. Федорову не достанет времени и сил преподавать во всех классах означенный предмет»¹⁵⁰. На новую должность был определен «уволненный от службы коллежский секретарь Кандалинский», который с 1843 г. уже преподавал в младших классах училища математику и «оказал достаточные сведения в том предмете и усердие..., а руководимые им ученики приобрели хорошие сведения»¹⁵¹.

7 марта 1846 г. в Неплюевский кадетский корпус был переведен из 3-й флотской дивизии лейтенант П. В. Митурич «с назначением на должность помощника инспектора классов с переименованием в штабс-капитаны»¹⁵². Он оставался преподавателем этого учебного заведения до выхода в отставку в 1867 г. и впоследствии стал историком Неплюевского кадетского корпуса.

Очередной выпуск воспитанников состоялся в 1843 г. Кроме кончивших полный курс обучения, на военную и гражданскую службу были определены некоторые ученики средних и нижних классов, «не получившие более надежды к продолжению курса по тупости способностей»¹⁵³.

Рис. 8. Виктор Дезидериевич Дандевиль

Среди наиболее успешных выпускников, которые производились в офицеры, первым значился Виктор Дандевиль, сын покойного Д. Ф. Дандевила. Он был назначен в конную артиллерию Оренбургского казачьего войска, но вскоре прикомандирован к своему учебному заведению. В архивном деле о преобразовании Неплюевского училища имеется справка о награждении 14 апреля 1846 г. «хорунжего артиллерии Дандевила» полугодовым жалованием «за труды при устройстве и образовании Неплюевского корпуса по новому положению»¹⁵⁴. Впоследствии В. Д. Дандевиль (1826–1907) окончил Академию Генерального штаба и сделал блестящую военную карьеру. Он служил в Оренбурге квартирмейстером Отдельного Оренбургского корпуса, а в 1862–1865 гг. был наказным атаманом Уральского казачьего войска [75, с. 236].

5.2. Эпидемия холеры 1848 г. Директор М. С. Шилов и обновление педагогического состава

Летом 1848 г. в Оренбурге опять вспыхнула эпидемия холеры, ставшая для жителей огромным бедствием [71]. Неплюевский кадетский корпус, как и войсковые части, был выведен за город и находился в лагере на горе Маяк. Поэтому среди воспитанников случаев заболевания удалось избежать. Но среди преподавателей потери были весьма значительны.

22 июня директор кадетского корпуса И. М. Марков сообщал военному губернатору «Учителя вверенного мне корпуса немецкого языка Иван Фенколь и коллежский секретарь Иоганн Блюменберг от появившейся в городе Оренбурге эпидемической болезни холеры 21 числа сего июня умерли»¹⁵⁵.

А 26 июня жертвой болезни стал сам И. М. Марков, заразившийся от солдата, которого он посылал в город [71, с. 8]. Заболел и инспектор классов А. Н. Дьяконов, но, к счастью, он выздоровел. На некоторое время учебное заведение осталось без руководства.

Об этом говорилось в рапорте, который 2 июля представил В. А. Обручеву командир 1-го эскадрона капитан Энгельке. Он писал: «По случаю смерти директора Оренбургского Неплюевского корпуса полковника Маркова и за болезнью помощника его инспектора классов коллежского советника Дьяконова члены комитета оно-го корпуса находятся в крайнем затруднении насчет продовольствия воспитанников и прочих исполнений, требуемых по заведению»¹⁵⁶. В. А. Обручев сразу же ответил, что «управлять хозяйственной частью и вообще текущими делами» он поручает самому П. Л. Энгельке, и сообщил об этом в Петербург.

Вскоре директором Неплюевского кадетского корпуса был назначен полковник Михаил Сергеевич Шилов, который прибыл в Оренбург только 3 октября 1848 г.¹⁵⁷

В результате эпидемии в Неплюевском кадетском корпусе недосчитались законоучителя и священника Ивана Григорьевича Соколова, сменившего в 1846 г. в этой должности С. М. Содальского, который занимал ее с 1825 г.

В списке умерших¹⁵⁸ значатся, кроме названных выше, также следующие учителя: математики в нижних классах – титулярный советник Кандалинский, истории во всех классах обоих эскадронов – действительный статский советник Коссович, географии во всех классах обоих эскадронов – титулярный советник Павловский, фехтования – титулярный советник Матони, рисования во всех классах обоих эскадронов – аудитор 13-го класса Сальников.

Пришлось срочно искать им замену, хотя бы временную¹⁵⁹. Немецкий язык в верхних классах взялся преподавать прикомандированный к корпусу штабс-капитан Ромбах, а в нижних – учитель Рейхенбах. Учитель французского языка Курвоазье, преподававший этот предмет в старших классах, стал вести его и в нижних. Преподавание математики в нижних классах вместо Кандалинского было поручено прикомандированному к корпусу штабс-капитану Мертваго. Для преподавания истории во всех классах в 1-м эскадроне пригласили учителя Оренбургского уездного училища коллежского секретаря Классовского, а во 2-м эскадроне – окончившего Казанский университет со степенью кандидата Тукумбетева. Обучать воспитанников фехтованию стал помощник учителя гимнастики Иванов, а рисованию – архитектор кадетского корпуса свободный художник Цыков.

Чтобы заполнить имеющиеся учительские вакансии, В. А. Обручев обратился в штаб военно-учебных заведений, указав на опасность «остановки в преподавании». В своем ответе начальник штаба Я. И. Ростовцев, упомянув, что будут приняты «меры по отысканию в Петербурге преподавателей, согласных на отправление в Оренбург», указал, что «гораздо более можно надеяться найти желающих в ближайших к Оренбургу губернских городах, где есть гимназии или другие учебные учреждения, а также из числа окончивших курс в университетах Харьковском или Казанском»¹⁶⁰.

Последовала оживленная переписка, и были рассмотрены заявления нескольких кандидатов. В результате учителем немецкого языка во всех классах был назначен учитель Белостокской гимназии Давыдов. Занять должности учителей математики и географии, как сообщал в сентябре попечитель Казанского университета, выразили желание «окончившие курс наук на казенном содержании со званием

кандидата Василий Магницкий и действительный студент Николай Эпафродитов»¹⁶¹. На место учителя математики претендовал также еще один кандидат Казанского университета Егор Панов, но, узнав, какое жалование он будет получать, счел его недостаточным и попросил вернуть ему документы¹⁶².

Между тем В. Магницкий и Н. Эпафродитов – «назначенные к определению на учительские должности в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус воспитанники Казанского университета» – не торопились с отъездом из Казани и задержались до лета 1849 г. Причиной, как объяснил попечитель университета, послужила у Магницкого «жесточкая нервическая лихорадка, которой он одержим», а у Эпафродитова – необходимость «приготовления географии как предмета, изучение которого он, на основании правил, окончил в 4-м классе гимназии, и потому требовавшего некоторого времени для повторения»¹⁶³. В июне 1849 г. оба получили распоряжение немедленно отправиться в Оренбург.

В должности преподавателя истории был утвержден уже работавший временно титулярный регистратор Классовский, но только после прочтения «пробной лекции на темы, присланные от штаба военно-учебных заведений»¹⁶⁴.

Законоучителем и священником Неплюевского кадетского корпуса стал протоиерей Петр Алексеевич Сахаров, прибывший 23 декабря 1848 г. из г. Ардатова Симбирской губернии¹⁶⁵.

Вопрос о подборе новых преподавателей для Неплюевского кадетского корпуса стоял очень остро. Об этом, например, заявил директор М. С. Шилов инспектировавшему корпус в 1850 г. генерал-лейтенанту Шлиппенбаху. Он сказал, что «по отдаленности края корпусное начальство не может избирать учителей по своему личному усмотрению и по необходимости должно прибегать к газетным объявлениям или обращаться к университетам о вызове желающих занять вакантные места, отчего и были случаи, что являлись преподаватели, более вредные, чем полезные для заведения». При этом он имел в виду «определенных на испытания в 1841 г. по предмету истории и географии губернского секретаря Дмитревского и в 1845 г. по тому же предмету не имеющего чина Коссовича, которые уже умерли, первый 10 августа 1842 г., а последний – 2 июля 1848 г.»¹⁶⁶.

В 1849 г. состоялся очередной выпуск Неплюевского кадетского корпуса. Всего было выпущено 16 воспитанников, завершивших курс обучения, из них 11 – из первого эскадрона и 5 – из второго. Как обычно, при назначении на военную и гражданскую службу учитывались успехи кадета в учебе и его сословное происхождение¹⁶⁷.

5.3. Метеорологические наблюдения в Неплюевском кадетском корпусе: М. С. Аничков

К лету 1849 г. относится переписка военного губернатора с начальником штаба военно-учебных заведений Я. И. Ростовцевым по поводу метеорологических наблюдений, которые в Неплюевском кадетском корпусе производил эскадронный офицер поручик А. М. Аничков.

Эти наблюдения он начал в 1844 г. по собственному почину и при поддержке директора И. М. Маркова. Полученные результаты были представлены в Главную физическую обсерваторию Академии наук в Петербурге и вызвали интерес у известного метеоролога академика А. Г. Купфера. По его инициативе в 1845 г. для А. М. Аничкова был выписан из Механического заведения Академии наук полный комплект необходимых метеорологических инструментов, так что «с мая месяца 1848 г. наблюдения производились этими инструментами по системе, принятой Купфером, и согласно во всем с его инструкциями»¹⁶⁸. Показатели с приборов снимались только три раза в день (в 10 часов утра, в 2 часа по-полудни и в 10 часов вечера), так как на большее у А. М. Аничкова времени не хватало из-за загруженности служебными обязанностями.

В письме к В. А. Обручеву от 23 мая 1849 г. Я. И. Ростовцев сообщал, что академик Купфер ходатайствует о содействии поручику Аничкову в метеорологических наблюдениях и просит освободить его от должности эскадронного офицера¹⁶⁹. Эта просьба была передана исполняющему обязанности директора Неплюевского кадетского корпуса полковнику Шилову, который в рапорте военному губернатору от 16 августа 1849 г. ответил: «Так как Неплюевский корпус помещается в двух отдельных домах не в близком расстоянии один от другого, почему состоящим при нем пяти эскадронным офицерам ... достается на дежурство каждому чрез двое суток, а в случае болезни

одного из них – чрез каждые сутки. В летнее же время, когда кадеты ... с 15 июня по 15 августа бывают в лагере, главнейшая обязанность эскадронных офицеров состоит в преподавании воспитанникам практических и артиллерийских занятий и правил форпостной и лагерной службы. Кроме того, воспитанников занимают более в лагерное время гимнастическими упражнениями при надзоре эскадронных офицеров. И потому при видимом недостатке офицеров я не полагаю возможным уволить поручика Аничкова от обязанностей эскадронного офицера, от дежурства наравне с прочими и от нахождения при лагере с воспитанниками»¹⁷⁰.

В. А. Обручев, сообщая об этом Я. И. Ростовцеву, счел нужным добавить, что «в лагерное время поручик Аничков, занимает отдельный барак с воспитанниками и может, независимо от занятий с ними, свободно и беспрепятственно делать метеорологические наблюдения»¹⁷¹.

Эта деятельность А. М. Аничкова, продолжавшаяся до его ухода в отставку 1866 г., получила высокую оценку ученых [55].

5.4. Неплюевский кадетский корпус в 1849 г.:

Отчет В. А. Обручева

Чтобы составить общее представление об Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе в это время, следует обратиться к отчету военного губернатора об осмотре учебного заведения, проведенного им в 1849 г.¹⁷² Отчету предпослан рапорт В. А. Обручева начальнику военно-учебных заведений, в котором он сообщал о «совершенной исправности и постоянном улучшении корпуса во всех отношениях» и приписывал это «постоянной заботливости и неутомимой попечительности» полковника Шилова, недавно назначенного исправляющим должность директора. На этом основании он ходатайствовал об утверждении Шилова в должности директора Неплюевского кадетского корпуса.

Отчет состоит из следующих разделов:

- 1) образование нравственное;
- 2) образование умственное;
- 3) содержание физическое;
- 4) учения фронтовые.

Прежде всего, В. А. Обручев убедился в том, что корпусное начальство и преподаватели действуют «единодушно, беспристрастно и с твердым знанием целей и средств к образованию» и «не упускают случаев к возбуждению в кадетах деятельности и соревнования к образованию нравственному и умственному».

Ознакомившись с аттестационными делами воспитанников с момента их поступления в корпус, он отметил «улучшение нравственности и уменьшения проступков, каковые хотя и были, но весьма редко». Эти проступки состояли в непослушании, шалостях, «свойственных юношескому возрасту и природной живости характера», и незнании уроков. Взыскания за проступки всегда были «сообразны вине», причем телесные наказания «допускались крайне редко». Самым большим наказанием были «карцер и отчуждение от игр с товарищами».

В нравственном образовании велика роль «законоучителей православного и магометанского вероисповеданий», которые воспитывают в кадетах религиозные чувства. Они оба сумели «приобрести уважение, непринужденное внимание и любовь к наставникам». Посетив службы в Троицкой церкви и в обеденном зале, В. А. Обручев отметил, что хор воспитанников поет «внятно, согласно и довольно приятно» и что «корпус имеет в своем причетнике хорошего регента».

Разговаривая с воспитанниками, военный губернатор увидел в них «достаточную развязность, свободное, но пристойное обхождение и доброе выражение лица», что, по его мнению, говорит об успехах нравственного образования.

Переходя к умственному образованию, В. А. Обручев останавливается на различиях в программе обучения в европейском и азиатском отделениях. В первом из них она соответствует программе, принятой во всех кадетских корпусах, «за исключением меньшей обширности военных наук и введения курсов земледелия и лесоводства».

В азиатском отделении европейские языки заменены арабским, персидским и татарским, математика ограничивается арифметикой и геометрией, а военные науки не проходятся. Подчеркивается, что «преподавание прочих предметов производится по тем же программам, как и в европейском отделении с некоторым только сокращением в объеме наук».

Военный губернатор установил, что «вообще преподавание в обоих отделениях производится в точности и в назначенные часы», что «экзаменационные списки и классные журналы ведутся в исправности» и «тетради воспитанников опрятны и в порядке».

Большое внимание он обратил на преподавание рисования и черчения, успехи которого оценил как «очень удовлетворительные». Так как «особо устроенного класса для рисования» в корпусе нет из-за недостатка помещения, то воспитанники занимаются в столовой, которая, как отмечено особо, представляет собой «светлую и для всего удобную залу». Рисованию кадетов обучали по методике петербургского художника А. П. Сапожникова (1795–1855), который с 1844 по 1853 г. был наставником-наблюдателем черчения и рисования в военно-учебных заведениях.

Необходимыми моделями и руководствами, по мнению В. А. Обручева, кадеты были вполне обеспечены. Он отметил, что «лучшие работы воспитанников отправлены в Санкт-Петербург на публичный экзамен и не возвращены еще г. Сапожниковым».

Как «очень хорошие» оценены успехи воспитанников в каллиграфии и письме, обучение которым «производится по методе американской, или Карстера».

Далее в отчете следуют замечания В. А. Обручева о библиотеке и учебных кабинетах, принадлежащих музею: они признаны «удовлетворяющими всем требованиям программ и руководств». В библиотеке «все книги, начальством одобренные, помещены в каталоги», а запрещенных книг «не имеется».

Наконец, В. А. Обручев переходит к преподавательскому составу и учебному процессу. Он пишет: «В приискании учителей корпусное начальство имеет большое затруднение. Малое содержание, суровый оренбургский климат, отдаленность мест, имеющих высшие учебные заведения, и больших городов не оставляют никакого сомнения, что человек с основательными познаниями не изберет Оренбургского края для места своего служения, и к этому может его понудить одна необходимость». Тем не менее, – продолжает он, – «присутствуя на лекциях и производя публичные испытания ..., я удостоверился, что преподаватели хорошо излагают свои лекции, не упуская из вида

внимания слушающих, употребляют выражения, доступные пониманию воспитанников».

Положительно оценивает В. А. Обручев и успехи учащихся, отмечая, что большинство воспитанников отвечало на задаваемые им вопросы «с уверенностью в своем знании, просто и выразительно».

В азиатском отделении хорошо преподаются арабский, персидский и татарский языки, так как учителями являются лучшие выпускники этого отделения. Доказательством успешности их работы служит то, что «выпускаемые из азиатского отделения прямо поступают в толмачи и переводчики восточных языков в пограничных управлениях».

Возвращаясь к вопросу об укомплектованности корпуса достойными преподавателями, В. А. Обручев признает, что некоторые «учительские кафедры заняты лицами, не состоящими на прямой службе корпуса». Он называет учителя черчения и каллиграфии поручика Заборского, служащего в 9-м Оренбургском линейном батальоне, старшего учителя истории Классовского, являющегося преподавателем Оренбургского уездного училища, и младшего учителя русского языка Сартланова, недавно окончившего Казанский университет. Хотя они не утверждены, но, по его словам, «обязанности свои по корпусу выполняют точно и усердно».

Отмечая, что «преподавание разделяется на три курса: приготовительный – два года, общий – четыре и специальный – два года», В. А. Обручев обращает внимание на пригготовительный класс, введенный в 1844 г. Он пишет «Устройство приуготовительного класса приносит большую пользу и необходимо, ибо по положению корпуса дети принимаются без всякого предварительного образования». Он имеет в виду, что в корпус поступают «дети чиновников Оренбургского края, Оренбургского и Уральского казачьих войск и почетных ордынцев», причем «многие не только читать и писать, но даже не понимают языка русского». «Без приуготовительного класса, – говорится в отчете, – им вовсе невозможно было бы следовать за лекциями учителей». Введение этого класса себя оправдало, и, как показывает проверка, «успехи малолетних воспитанников вполне удовлетворительны: им без принуждения мало-помалу умели сообщить достаточно познаний в преподаваемых предметах; ответы их были детски просты, но очень убедительны».

Следующий раздел отчета, названный «Содержание физическое», интересен тем, что в нем приведены сведения о подробностях быта воспитанников Неплюевского кадетского корпуса.

Вначале речь идет о помещениях и мебелировке жилых комнат. Мы узнаем, что в 1-м эскадроне «размещение недостаточно просторно: нет помещения для шкафов между кроватями», а во 2-м не столь тесно, так что «шкафы между кроватями поставлены». В комнатах «столы, стулья, кафедры и скамейки дубовые по образцу Дворянского полка и таковые же шкафы». Все здания кадетского корпуса «освещаются весьма хорошими лампами в достаточном числе; ночные же лампы заменены ночниками – железными, с водой и свечами».

Подробно описаны спальные комнаты: «Кровати железные на четыре роста от 2 аршин 4 вершков до 2 аршин 12 вершков. Постели содержатся всегда в опрятности. Тюфяки из верблюжьей шерсти довольно мягки. Одеял: одно летнее и два зимних, из которых одно для лагеря из верблюжьего сукна, другое белое байковое. Сверх сего имеются пододеяльники. Постельное белье хорошее и чистое. Подушка одна, из рубленых перьев с двойным чехлом». Далее в отчете говорится, что «воспитанники имеют всегда довольный вид, веселы, неприужденны и почтительны в обращении; цвет лиц здоровый, в движениях бодрый». Вполне удовлетворителен и их внешний вид, одеты они опрятно, платье, белье и обувь сшиты по мерке и выглядят хорошо.

Дано следующее описание одежды воспитанников: «Белье, как постельное, так и носильное, находится в порядке, хорошего холста и по шести перемен на комплект; переменяется еженедельно два раза... Сапоги шьются по заказу вольными сапожниками; каждый воспитанник имеет одну пару на ногах и другую запасную, те и другие нужной формы, гладкого товара, надлежаще сшиты. Парадные и классные куртки, шаровары, шапки и вся амуниция сшиты сообразно с образцами и из хороших материалов. Ружья на три роста со штыками Тульского завода – хорошие. Вообще, вся амуниция щеголевата, и вид в полном одеянии воинствен без излишних украшений».

Не менее подробно сказано и о питании воспитанников: «Пища питательна, свежих припасов, вся вообще хорошо изготовлена, в достаточном количестве, жирных и неудобоваримых блюд не бывает.

Столовая и кухонная прислуга в опрятности и должном порядке. Буфет по расположению удобен и снабжен всем нужным. Кухня и кухонная посуда содержатся в надлежащем порядке, последняя хорошо вылужена. Каждый воспитанник имеет весь столовый прибор особый, полный и с его номером».

Добавлено, что «вода для питания содержится в опрятных деревянных, крашенных масляной краской сосудах с кранами», а «воздух, как в дортуарах, так и в классах, всегда чист и сохраняет умеренную температуру».

Из дальнейшего видно, что в кадетском корпусе большое внимание уделялось гигиене воспитанников. В опрятности содержались отхожие места, описанные в деталях, исправно соблюдались банные дни. «В баню, – говорится в отчете, – воспитанники ходят зимой раз в неделю, но как баня находится только при первом эскадроне, то для привода воспитанников второго эскадрона избирают тихое и не холодное время. В баню водят по средам, после утренних упражнений, при отдельных офицерах. Летом кадеты ежедневно водятся со своими офицерами и учителем плавания в купальню, устроенную на реке Урал».

Жизнь в кадетском корпусе подчинялась строгому распорядку, что в отчете отмечено особо: «При вставании, молитве, завтраке, обеде и ужине во всей силе соблюдается установленный порядок... Время воспитанников на отдохновение, движение, повторение уроков и занятия целого дня назначается на основании общих правил, установленных по сему предмету для военных заведений. Воспитанники прогуливаются ежедневно на свежем воздухе».

Важное место в жизни кадет занимали «занятия вне классов и упражнения в гимнастике, танцовании, фехтовании и верховой езде». «Гимнастическим упражнениям – говорится в отчете, – воспитанники обучены хорошо, танцуют очень хорошо. Верховой езде обучаются только воспитанники специальных классов. Они имеют посадку хорошую, обучены езде шагом и рысью с поворотами и некоторые в галоп. Лошади верховые в полном порядке, хорошем теле и выезжены удовлетворительно».

По отчету военного губернатора можно составить ясное представление и о медицинской части Неплюевского кадетского корпуса. Он

пишет: «Строение лазарета весьма удобно – состоит из шести комнат. Из них три собственно для больных: две для внутренних и одна для наружных болезней. Белье для больных переменяется по мере необходимости, вообще же не менее двух раз в неделю. Корпус имеет двух медиков, очень хороших. Старший с отличными познаниями. Оба усердны и попечительны. Лазарет посещается ими несколько раз в день (по неимению в корпусе квартир). Сверх того дежурный фельдшер и дневной и ночной служители имеют неотлучно надзор над больными. Лекарства отпускаются своевременно, но собственной аптеки корпус не имеет, а получают лекарства из вольной. Пища отпускается по назначению медиков прилично роду болезни».

В. А. Обручев сообщает, что за последний год было значительное число (209) больных, «но ни одного не умерло». Самыми частыми болезнями были перемежающаяся лихорадка (малярия) и простуда. В отчете подчеркивается, что «оспа прививается всем без изъятия воспитанникам при вступлении в корпус, равно и детям нижних чинов, в корпусе служащих». В заключение указаны и недостатки: «Лазарет снабжен всем нужным, но полного лекарского инструмента из медицинского департамента выслано не было. Аптеки и лаборатории корпус не имеет».

В последнем разделе отчета, где речь идет о «фронтowych учениях», В. А. Обручев отмечает, что «одионочная выправка в обоих эскадронах хороша, исключая немногих слабых по фронту в новопоступивших нынешнею весною после выпуска окончивших курс воспитанников».

5.5. Из «Записок» Н. Г. Залесова

Картину жизни Неплюевского кадетского корпуса, данную в официальном отчете В. А. Обручева, могут дополнить и оживить воспоминания генерала Н. Г. Залесова (1828–1895), который воспитывался в корпусе с 1841 по 1848 г. [22]. В них отражены впечатление подростка, столкнувшегося с суровыми порядками военного училища.

Н. Г. Залесов пишет: «Наступила новая эра жизни. Меня, 13-летнего юношу, привели в корпус вечером часов в 6 вечера в сентябре месяце; в тот же вечер мне, как новенькому, успели надавать щелчков, вымазали платье, насыпали песку в карманы и за галстук, дали какое-то прозвище, и я, таким образом, был посвящен в кадеты.

Рис. 9. Николай Гаврилович Залесов

Я не буду подробно описывать тогдашние кадетские порядки, они достаточно известны. Нас кормили плохо, держали в холодных комнатах, бессовестно воруя дрова, учили всему и ничему, т.е. вершушками, налегали всеми мерами на фронт, исправно секли по субботам и выпускали в офицеры на основании прав происхождения и познаний во фронте, не обращая почти никакого внимания на умственные способности...

День наш распределялся так: в 6 часов вставали и пили по стакану горячего сбитня с куском пшеничного хлеба, от 8 до 11 часов классы, от 11 до $1\frac{1}{2}$ фронтные ученья, гимнастика и прогулка во дворе, несмотря ни на какую погоду, в половине второго обед из трех блюд: щи, жареное и каша; от 3 до 6 классы, полчаса отдыха и от половины седьмого до 9 приготовление уроков; в 9 ужин из двух блюд, в $9\frac{1}{2}$ спать. По субботам после утренних часов была баня, затем приносили отпускной список от инспектора с отметкой, кто сколько уроков не знал в неделю; незаписанных отпускали по домам, а записанных подвергали наказанию: не знавших свыше 4–5 уроков сажали в карцер, а записанных свыше 6 уроков, по большей части из младших

классов, отводили наверх, в умывальную, где Энгельке с удовольствием знатока этого дела наказывал их розгами, всегда приносимыми с ледника».

Очень критичен Н. Г. Залесов в описании начальников и воспитателей. «Директором училища, – пишет он, – был тогда один из образованнейших людей в России, подполковник Марков, но он был так ленив, что весь день не выходил из халата, и к нам не заглядывал. Инспектор был статский Дьяконов, человек умный, но грубый до последней степени, он иначе не говорил с кадетами, как сопровождая свою речь словами, «ну, ты, лошадь, дурак, скотина» и др.

Для поддержания фронта великий князь Михаил Павлович распорядился прислать в роли ротного командира Павловского корпуса поручика Энгельке. Страшно толстый, небольшого роста человек, с добрым по существу сердцем, он напускал на себя страшную строгость. День и ночь он кричал на нас без умолку, обладая довольно сильным голосом. У него не было даже другого разговора, как крик; наказывал он за самую малость и когда только появлялся в училище, наступала гробовая тишина и всё безмолвно тряслось от страха

Офицеры были взяты из Оренбургского линейного батальона, их было три: подпоручик Бибииков – грубый мужик, отличавшийся замечательною глупостью, Фигнер – внук знаменитого партизана – добрый человек и отъявленный пьяница и кутила, приходивший на дежурство постоянно с подбитой физиономией, и Аничков, более других образованный, но не говоривший и десяти слов в день и более пригодный по характеру смотреть за девчонками, чем за кадетами».

Н. Г. Залесов затрагивает и вопрос об обучении кадетов и о правах выпускников. Он вспоминает: «Училище помещалось в двухэтажном, мрачном, вонючем доме напротив церкви св. Троицы и делилось на два отделения, азиатское для киргизов, башкир и проч. и европейского. Программы и права отделений были различны. Полный курс продолжался 6 лет и делился на 3 класса по 2 года в каждом... По правилам корпуса отличные воспитанники из потомственных дворян направлялись офицерами в казачью артиллерию Оренбургского войска, которая нам заменяла гвардию. Кроме хорошего производства (там нет чинов подпоручика и штабс-капитана), в артиллерии

сравнительно с другими войсками корпуса было и общество офицеров лучше и мундир наряднее, а главное – обращение начальников с подчиненными офицерами было гораздо благообразнее и носило характер товарищества».

Оренбургские линейные батальоны, куда назначалось большинство выпускников, Н. Г. Залесов характеризует как «помойную яму», куда из столичных кадетских корпусов «выпускали только отъявленных лентяев». Эти батальоны, по его словам, «составляли 22-ю пехотную дивизию и, несмотря на армейское положение, в глазах высшего начальства и высшего общества стояли на одной ноге с батальонами гарнизонными, пользуясь наравне с последними значительным пренебрежением».

Вспоминает Н. Г. Залесов и о преподавателях: «Учителя, по тому времени, были порядочные благодаря близости Казанского университета; появлялись, правда, и между ними пьянчуги или недоучившиеся студенты, но это было изредка. Законоучителем был 70-летний старец, протоиерей Петропавловского военного собора Содальский; он всегда дремал в классе. Французский учитель Дандевиль и немецкий Фенколь были взяты из гувернеров у местных помещиков».

«Несмотря на тяжелое тогда положение кадет, – продолжает Н. Г. Залесов, – я с грустью расставался с стенами нашего мрачного корпуса, а также с большинством учителей. Среди мрака и темноты, царствовавших тогда в военно-учебных заведениях, все-таки много светлых отрядных минут было прожито мною в эти шесть лет с добрыми товарищами и с такими наставниками как Федоров – математик, добряк Рейхенбах, дежурный офицер Ромбах и другие».

Н. Г. Залесов закончил корпус с отличными успехами. Он надеялся получить назначение в конную артиллерию, но, не будучи потомственным дворянином, был определен прапорщиком в 3-й Оренбургский линейный батальон. Однако через два года он выдержал экзамен в военную академию, закончив которую сделал блестящую карьеру. В 1856 г. он был назначен в Отдельный Оренбургский корпус и оставался в Оренбурге до 1870 г., занимая высокие военные должности, вплоть до начальника штаба Оренбургского военного округа.

6. 1851—1857 ГОДЫ. В. А. ПЕРОВСКИЙ: ВТОРОЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКИМ КРАЕМ

6.1. Первые распоряжения В. А. Перовского

В марте 1851 г. В. А. Обручев был отозван в столицу, а в Оренбург вернулся В. А. Перовский, теперь в должности Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. Он застал Неплюевский кадетский корпус в тяжелом финансовом положении, так как при его предшественнике в результате неумелого хозяйствования резко сократился киргизский билетный сбор – основной источник дохода учебного заведения. В это время корпус, как говорится в архивном документе, «не получая от Пограничной комиссии положенных капиталов 15 тысяч, вошел в долги поставщикам и подрядчикам, которые, оставаясь без удовлетворения более года, вынуждены были наконец подать жалобу начальнику главного штаба по управлению военно-учебных заведений»¹⁷³. Этот кризис разрешился благодаря усилиям В. А. Перовского.

Сразу по приезде в Оренбург ему пришлось заняться вопросом о «недостаточности годовых доходов на прикрытие текущих корпусных издержек». В письме Я. И. Ростовцеву от 27 ноября 1851 г. он сообщал о причинах затруднений, которые ему удалось выяснить на месте, и мерах, принятых для их устранения¹⁷⁴. Он напоминал, что по правилам, принятым в 1844 г., из билетного сбора на годовые расходы корпуса было предназначено 15 тысяч рублей, а остальное причислялось к его основному капиталу. Однако с 1846 г. билетный сбор начал заметно уменьшаться, так что в последующие годы не покрывал даже сметных расходов корпуса. Положение усугублялось тем, что по ходатайству В. А. Обручева было решено из того же билетного сбора с 1848 г. выделять ежегодно 1 тысячу рублей на нужды Оренбургского девичьего училища. Из-за этого, по словам В. А. Перовского, «в счетах корпуса произошла сбивчивость, запутанность и наконец, встретились затруднения в удовлетворении даже самых необходимых расходов». По его распоряжению долги корпуса были возмещены.

Обращаясь к причинам уменьшения билетного сбора, В. А. Перовский нашел, что это происходит из-за «допущенных беспорядков и недостатка надзора за точным и своевременным поступлением за билеты денег». Он принял меры по устранению причин беспорядка и выразил надежду, что «в будущее время установится более правильное поступление билетного сбора».

Вскоре положение стало улучшаться. Уже летом 1852 г. инспектировавший Неплюевский корпус генерал-лейтенант Клюпфель сообщил, что «сумма на содержание корпуса, назначенная по смете из билетного киргизского сбора, получалась до сего времени, как видно из дел корпуса, не сполна. Ныне сбор денег, вследствие распоряжений Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, значительно увеличился и посему корпус вместо 11 149 руб. 81 коп. получил по настоящее время 14 610 руб. 26 коп., из коих денег за уплатою прежних долгов корпус имеет в наличности 793 руб. 87 коп.¹⁷⁵».

Впоследствии в своем отчете за время правления Оренбургским краем, составленном в 1857 г.¹⁷⁶, В. А. Перовский показал, что если в 1834 г. поступления от билетного сбора составляли 10 тысяч рублей, то в 1854 г. они составляли 40 тысяч. К финансированию Неплюевского кадетского корпуса он привлек также жертвователей, в том числе золотопромышленников, хозяйствовавших на казачьих и тептярских землях. Из этого источника в 1857 г. был получен капитал в 26 636 рублей серебром. Кроме того, корпус владел в это время также капиталом в 32 643 рублей серебром, составленным из пожертвований дворян Оренбургской губернии. На проценты с него содержалось восемь пансионеров.

6.2. Поправки к «Положению о Неплюевском кадетском корпусе»

При преобразовании Неплюевского военного училища в Неплюевский кадетский корпус «Положение» об этом учебном заведении было принято лишь временно. Документ дорабатывался, и по приезде в Оренбург В. А. Перовский вскоре получил проект «Положения», в который ему следовало внести, «по соображениям на месте», изменения и дополнения¹⁷⁷. При этом предлагалось иметь в виду, что два

кадетских корпуса – Оренбургский и Сибирский – имели «специальное назначение»: они были учреждены «единственно для местных потребностей Сибири и Оренбургского края»¹⁷⁸.

Работа над новым «Положением» велась тщательно и заняла немало времени. Только 17 ноября 1853 г. В. А. Перовский представил в Штаб военно-учебных заведений свои предложения¹⁷⁹. По примеру Сибирского корпуса все кадеты, независимо от их сословного происхождения, уравнивались в правах, так что при определении на службу при выпуске они были «поставлены единственно в зависимость от степени благонаравия и успехов каждого в науках».

Другое существенное изменение заключалось во введении для 1-го эскадрона обязательного изучения восточных языков вместо немецкого и французского. В. А. Перовский писал: «По характеру населения Оренбургского края и по соседству оною с среднеазиатскими областями местное управление, как военное, так и гражданское, постоянно нуждается в чиновниках, знающих восточные языки. Вследствие чего преподавание сих последних предполагается ввести в обоих отделениях корпуса, т.е. европейском и азиатском; французский и немецкий языки, знание коих по положению края не составляет для выпускаемых из корпуса воспитанников существенной необходимости, и которые обучающиеся в корпусе изучить основательно не могут, исключить вовсе из числа преподаваемых предметов».

Жалованье служащим корпуса и учителям значительно повышалось. В. А. Перовский считал, что «по отдаленности Оренбурга, только при надлежащем обеспечении приличным содержанием можно привлечь к службе в корпусе благонадежных наставников и преподавателей».

По мнению В. А. Перовского, число воспитанников Неплюевского кадетского корпуса следовало увеличить до 260. Этого требовала «возрастающая между жителями края в казенном заведении для воспитания юношества потребность, выражающаяся поступлением множества прошений о помещении малолетних в корпус даже на собственный счет, в чем, однако, за неимением вакансий приходится часто отказывать». В связи с этим ставился вопрос о «возведении для корпуса одного общего здания».

Эти предложения были приняты. В то же время происходило согласование программы обучения с программами, существовавшими в других кадетских корпусах России, причем учитывались «потребности службы в Оренбургском крае». Было решено, что большинство предметов «беспрепятственно и с успехом могут быть преподаваемы по общим для всех корпусов программам»¹⁸⁰. К этим предметам были отнесены закон Божий, русский язык и словесность, математика, физика, естественная история, история всеобщая и русская, военная топография, рисование и черчение. Военные же науки (тактика, артиллерия, фортификация), а также география, минералогия, законоведение и восточные языки следовало преподавать по программам, специально разработанным для Неплюевского кадетского корпуса, «сообразно с местными условиями этого заведения». Как сообщал Я. И. Ростовцев В. А. Перовскому в письме от 8 марта 1853 г., программу по минералогии было решено предварительно представить для рассмотрения в главное инженерное училище, а по восточным языкам – «одному из ученых ориенталистов Санкт-Петербурга»¹⁸¹.

Особое внимание обращалось на программу по географии. Я. И. Ростовцев писал, что «утвержденная для Сибирского кадетского корпуса программа географии тем отличается от общей по этому предмету программы для военно-учебных заведений, что в ней страны Азии, лежащие по соседству с Сибирью, излагаются с большею подробностью». В. А. Перовский, рассмотрев эту программу, заключил, что к ней необходимо сделать «некоторые лишь добавления». «Я нахожу, – писал он, – эту программу удовлетворяющей в полной мере потребности Неплюевского кадетского корпуса, но признал бы со своей стороны полезным заменить первую и вторую статьи программы для 5-го класса ... статьями, составленными мной, в которых Сибирь и Американские владения, а также степи между западными оконечностями Алтая и северным подножием Кавказа излагаются с большей подробностью, что для воспитанников Неплюевского корпуса, предназначенных для службы в Оренбургском крае, совершенно необходимо»¹⁸².

Следует добавить, что вскоре программа обучения в Неплюевском кадетском корпусе опять была несколько изменена. В приказе

В. А. Перовского говорилось: «С 15 сентября 1855 г. преподавание земледелия, лесоводства, ботаники и зоологии прекратить, а вместо них ввести тактику, законоведение и чтение естественной истории»¹⁸³. Курс естественной истории включал в себя сведения по ботанике, зоологии и минералогии.

6.3. Проект постройки нового здания

Второе – после финансового – «затруднение» в делах Неплюевского кадетского корпуса, с которым столкнулся В. А. Перовский в 1851 г., касалось «неудобства корпусного размещения». Он выяснил, что В. А. Обручев, предложив преобразовать военное училище в кадетский корпус со значительным увеличением числа воспитанников, рассчитывал, что они свободно разместятся в прежнем здании и в доме на главной улице, предназначавшемся для чертежного отделения Главного штаба. При этом, как писал В. А. Перовский Я. И. Ростовцеву, «приспособление к корпусным потребностям здания, выстроенного мною совсем для иной цели, ограничилось образованием дортуаров посредством выломки всех поперечных стен, что, конечно, не прибавило прочности строению»¹⁸⁴. Для расширения прежнего помещения предполагалось «приобрести покупкою дом чиновника Иванова, состоящий в смежности с домом, корпусу принадлежащем», но денег для этого не оказалось. Из-за обнаружившихся неудобств В. А. Обручев решил возвести двухэтажную пристройку к старому зданию, но в связи с отсутствием средств обратился с ходатайством о предоставлении ему нужной суммы из государственного казначейства.

Ознакомившись с положением дел, В. А. Перовский заключил: «В том виде как ныне корпус существует в двух отдельных зданиях, каждое из оных должно бы иметь лазарет, баню, помещение для служителей и прочее. Однако «устройство необходимых принадлежностей» в здании 2-го эскадрона «решительно не представляется возможным по неимению там места». Поэтому приходится в зимнее время «перевозить больных и водить воспитанников в баню на полуверстовое расстояние, что сопряжено с опасностью для здоровья воспитанников»¹⁸⁵.

Не все было в порядке и в двух служебных помещениях при здании 1-го эскадрона. В одном из этих деревянных строений находились баня, прачечная, музей и квартира эскадронного командира, в другом – лазарет. В. А. Перовский пишет, что их «расположение так неудобно и с такой опасностью на случай пожара, что необходимость заставляет прибегнуть к перестройке этих зданий». Он замечает, что это потребует очень больших средств, но не устранил «ни одного из неудобств в помещении 2-го эскадрона».

Из всего этого В. А. Перовский сделал общий вывод, что «рано или поздно, но, без сомнения, нужно будет приступить к соединению двух половин Неплюевского кадетского корпуса», то есть построить одно общее здание, что позволит сократить расходы на учебное заведение и поставит его в положение прочих кадетских корпусов. Построить это здание он предложил рядом с домом, занимаемым 1-м эскадронам, для чего было необходимо «скупить соседние дома и места». Это нужно «не только для возведения собственно корпусного здания и для устройства разных служб и прочих принадлежностей, – писал Перовский – но также для расширения двора, где воспитанники должны обучаться фронту и будут иметь место для прогулок в свободное время»¹⁸⁶. Предполагалось, что «вновь проектированные здания будут возводиться по частям, чтобы не стеснять настоящего помещения 1-го эскадрона». К переделке занимаемого им ныне дома и строений следовало «приступить не ранее, как по окончании нового здания и по переводе в оное воспитанников 1-го эскадрона». Только после необходимой «переделки» оба эскадрона могли быть объединены.

В. А. Перовский сразу же приступил к осуществлению своих планов. Прилежащие к старому зданию участки были скуплены, и офицеры Оренбургского инженерного округа получили задание составить планы новых строений для Неплюевского корпуса. Из ведомостей, имеющихся в архивном деле, видно, что в 1856 г. были готовы планы главного трехэтажного здания с галереями и подвалом, а также двух двухэтажных флигелей: одного для канцелярии, другого – для бани и прачечной. В них же предусматривались квартиры для служебного персонала. В планах фигурировали также манеж, гауптвахта, конюшни, кузница и прочие служебные помещения¹⁸⁷.

Все эти планы, смета и другие документы были представлены в Управление военно-учебных заведений, где после долгой переписки были в 1860 г. утверждены, но «по разным обстоятельствам» строительство было отложено¹⁸⁸.

6.4. Повседневная жизнь корпуса

Сразу по приезде в Оренбург В. А. Перовский должен был заняться выпуском кадетов. Так, 28 июня 1851 г. М. С. Шилов сообщал генерал-губернатору, что у назначенных к выпуску отобраны «сведения, в какой род службы они желают поступить и реверс от желающих служить в кавалерии о возможности содержать себя»¹⁸⁹. При распределении на службу, как всегда, учитывались успехи выпускников: отличников назначали в конную артиллерию Оренбургского казачьего войска, учившихся хорошо – в Оренбургские линейные батальоны и, в зависимости от происхождения, – в казачьи войска или в Киргизскую Орду; слабых же определяли в военную службу нижними чинами. Были указаны критерии оценки знаний воспитанников и представлены списки выпускников. Оказалось, что среди них есть не достигшие 18 лет, которые должны были еще оставаться в корпусе. Но директор, учитывая их успехи, просил ходатайствовать об их выпуске «по примеру прежних лет». Документы были внимательно рассмотрены и отправлены в Петербург.

Только 1 октября 1851 г. военный министр оповестил В. А. Перовского, что – по ходатайству главного начальника военно-учебных заведений, которым в это время был цесаревич (будущий император Александр II) – император Николай I «повелеть соизволил: Поименованных в прилагаемом при сем списке 37 воспитанников Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, выпустить из заведения, 32-х – офицерами в части войск, в списке противу каждого означенные, пятерых – унтер-офицерами, с правом на производство в офицеры, четырех из них через 6 месяцев и одного через год»¹⁹⁰.

Одновременно производилось замещение освободившихся мест новыми воспитанниками. Они набирались из кандидатов, список которых составлялся и строго контролировался генерал-губернатором.

Каждое прошение внимательно рассматривалось, причем преимущество давалось сиротам, детям служивших в Оренбургском крае офицеров.

В связи с приемом новичков в 1851 г. В. А. Перовский писал директору: «По случаю выпуска в настоящем году из Неплюевского кадетского корпуса окончивших курс воспитанников и исключения некоторых по безуспешности в науках открывается 51 вакансия, а именно: казеннокоштных – 11, пансионерских – 4, для детей чиновников Оренбургского войска – 9, башкиро-мещеряцкого войска – 8, для детей киргизов Зауральской Орды – 7, Внутренней Орды – 6. Поэтому я предлагаю Вашему превосходительству принять на эти вакансии в корпус из числа кандидатов следующих». Далее в документе приводится список имен, в котором имеются поправки, сделанные рукой генерал-губернатора В. А. Перовского¹⁹¹.

В. А. Перовский вникал во все подробности повседневной жизни Неплюевского корпуса. Еженедельно он получал от директора рапорт о состоянии учебного заведения, включавший «ведомость о числе воспитанников, их прибытии и убытии», «Расписание блюд для обеда и ужина воспитанников» и «Ведомость об учителях, не бывших в классе в течение прошедшей недели». Ему сообщались сведения об экзаменах, о выступлении воспитанников в июне «из г. Оренбурга в лагерь, на Маячной горе расположенный» и о возвращении из него в сентябре. Представлялись отчеты о лазарете, о состоянии больных и подробно, если случилось, – о причинах смертельного исхода болезни.

В еженедельных рапортах точно указывались все перемены в числе воспитанников. Сообщалось о прибытии новых, отъездах в отпуск и т.п. Например, в отчете за время с 17 по 24 февраля 1852 г. отмечено прибытие двух новых воспитанников: «По Высочайшему повелению, изъявленному в приказе Главного начальника военно-учебных заведений от 31 минувшего генваря поступили на казенное содержание в число воспитанников корпуса в 1-й эскадрон сыновья умершего генерал-майора Середы: Николай I и Николай II»¹⁹².

Речь шла о сыновьях многолетнего сотрудника В. А. Перовского Акима Ивановича Середы (1791–1851), который с 1843 г. был вятским губернатором, а в 1851 г. вернулся в Оренбург в должности

командующего Башкиро-мещеряцким войском. После его скоропостижной смерти 21 октября 1851 г. его сыновья, носившие одно имя, учились в Неплюевском кадетском корпусе. Николай I стал видным военным деятелем, а Николай 2-й – оренбургским городским головой. Из дальнейших недельных отчетов директора видно, что Середа I и Середа II находились в числе немногих, кто был «с разрешения Оренбургского и Самарского генерал-губернатора уволен в отпуск для пользования кумысом и свидания с родственниками на каникулярное время¹⁹³». В конце июля воспитанники, находившиеся в отпуске «в корпус прибыли¹⁹⁴». В 1854 г. из семидневной «Ведомости о состоянии больных в лазарете Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса с 10 по 17 октября» мы узнаем, что Середа II страдал «перемежающейся лихорадкой»¹⁹⁵.

В августе 1854 г. осмотр Неплюевского кадетского корпуса проводил инспектор военно-учебных заведений генерал-лейтенант Розен. В своем отчете¹⁹⁶ он отметил, что «по причине холеры, свирепствующей в настоящее время в городе Оренбурге довольно сильно», кадеты по решению В. А. Перовского были оставлены в лагере «пока стоит погода хорошая».

Состояние Неплюевского корпуса барон Розен нашел вполне удовлетворительным – как в отношении нравственного воспитания, умственного образования, фронтального учения, содержания физического, так и в хозяйственном управлении. По его словам, «воспитатели вполне понимают цель своего назначения и стараются внушить детям, получившим разнообразное начало по разности веры, языка и обычаям, их долг. Проступки воспитанников были большей частью такие, которые свойственны тому возрасту. Редко нужно было прибегать к мерам строгим, а можно ограничиваться часто одними выговорами. Поощрения, одобренные эскадронными командирами и воспитательным комитетом, состоят в прибавлении балла по поведению, в написании фамилии отличного ученика на красную доску, в благодарности в приказе по корпусу от директора»¹⁹⁷.

На экзаменах, которые инспектор провел 15 и 16 августа, ученики показали «удовлетворительные познания по всем предметам». Особенно он отметил воспитанников 2-го эскадрона. «Азиатцы, – писал

барон Розен, – с большим старанием и успехом занимаются русским языком. Языки французский и немецкий слабее прочих предметов; есть, однако, такие воспитанники, которые пишут довольно хорошо, переводят легкие предложения без большого труда с иностранного на русский язык, грамматический анализ делают и имеют произношение довольно правильное, что тем более замечательно похвально, что наибольшая часть воспитанников до поступления в корпус не слыхала даже и звуков французского или немецкого языков»¹⁹⁸.

О внимании В. А. Перовского к нуждам Неплюевского кадетского корпуса свидетельствует архивное дело «О доставлении из Алтайского горного округа минералов для музея»¹⁹⁹, датированное 1852–1853 гг. Из дела видно, что в октябре 1852 г. он обратился с такой просьбой к главному начальнику Алтайских горных заводов В. А. Бекману, который сразу же ответил, что поручил «собрать по возможности полную коллекцию приличного формата и вместе с каталогом препроводить прямо к Вам в Оренбург». В марте 1853 г. было получено сообщение, что первая часть коллекции с каталогом, содержащим 166 названий, уже отправлена, а «остальные минералы будут представляться с каждой почтой». При этом было упомянуто, что «расходов со стороны заводов на составление коллекции никаких не последовало». В. А. Перовский ответил В. А. Бекману 5 мая 1853 г. письмом с выражением искренней благодарности.

6.5. Преподаватели

В Неплюевском кадетском корпусе очень внимательно велось наблюдение за пропуском уроков учителями. Указывалось количество пропущенных часов и причина отсутствия. При этом отмечалось, что «Воспитанники сих классов занимались повторением пройденного материала и приготовлением следующих уроков под надзором и руководством инспектора классов и его помощника»²⁰⁰. Причиной отсутствия учителей обычно была болезнь, иногда служебные поручения или семейные обстоятельства. В редких случаях, когда причина оказывалась неуважительной, следовало взыскание. Так, 14 ноября 1851 г. «учителю математики кандидату Казанского университета Магницкому за непосещение 10 ноября лекций и неведение

о сем инспектора классов директором корпуса сделано замечание». Эта запись была внесена в «Дневник Неплюевского корпуса»²⁰¹.

Состав учителей в это время в основном оставался прежним. Русскую словесность преподавал Грязнов, математику – Федоров и Магницкий, географию – Эпифродитов, историю – Классовский, естественную историю – Рейхенбах, танцы – Дотти. Учителем татарского языка был Костромитинов, учителями арабского и персидского – Куляшев и Бекчурин, немецкого – Давыдов, французского – Курвоазье.

В октябре 1853 г. умер учитель Классовский, после чего к преподаванию истории был допущен Эпифродитов, а географии – помощник инспектора Митурич. В 1854 г. историю и географию в 1-м эскадроне преподавал также эскадронный офицер Аничков²⁰².

Значительные изменения произошли в 1854 г. В августе в недельном отчете директора сообщалось о серьезной болезни инспектора классов А. Н. Дьяконова, жаловавшегося, как сказано в документе, «на грудную жабу и боли в левом боку»²⁰³. Вскоре, 26 сентября последовал приказ о том, что он «согласно просьбе его уволен от службы по болезни с мундиром». Инспектором классов был назначен его помощник капитан Митурич, а на его место – эскадронный офицер Аничков²⁰⁴.

Следует заметить, что А. М. Аничков продолжал производить систематические метеорологические наблюдения²⁰⁵, и их результаты получили высокую оценку Главной физической обсерватории. По ее ходатайству 10 октября 1855 г. он получил награду от императора – бриллиантовый перстень в 140 рублей серебром²⁰⁶.

Между тем в составе преподавателей Неплюевского корпуса происходили дальнейшие перемены, и вопрос о замещении вакантных должностей вызывал беспокойство. Это видно из переписки 1857 г. с управлением военно-учебных заведений. Она началась письмом Я. И. Ростовцева от 27 марта, в котором он сообщал В. А. Перовскому о командировании в Оренбург статского советника В. Н. Семенова, чтобы выяснить, «в какой степени метода преподавания в Неплюевском кадетском корпусе применена к преподаванию, принятому во всех других военно-учебных заведениях»²⁰⁷. Обнаружив недостаток квалифицированных учителей, В. Н. Семенов вызвался по возвращении в Петербург оказать помощь.

В конце декабря он оповестил, «что приискал для Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса учителя французского языка – иностранца Жанколя и архитектора – неклассного художника Мацулевича», которые сразу же отправились в Оренбург. В письме к новому Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору А. А. Катенину, сменившему к этому времени В. А. Перовского, он охарактеризовал обоих: «Г. Жанколя – молодой человек, хотя несколько неуклюжий, но получивший, сколько я мог заметить, солидное образование и одаренный сверх того крепкой грудью (что для учителя общественного заведения – вовсе не лишнее), архитектор Мацулевич – вполне порядочный молодой человек, достаточно знающий свое дело»²⁰⁸.

Здесь же, имея в виду предстоящий уход на пенсию учителя русского языка «старика» Грязнова, он писал: «Для русского языка я также приискал вам отличного преподавателя – г. Лебедева, которому Вы можете смело поручить обучение Ваших детей. Он не схоластик-рутинист, но настоящий филолог, вполне знакомый с новейшими исследованиями о нашем языке и с требованиями современной педагогики. В этом я имел случай лично удостовериться, ибо не раз присутствовал на его лекциях». Вскоре, действительно, как записано в «Дневнике Неплюевского корпуса», старший учитель коллежский советник Грязнов был уволен от службы по прошению с мундиром, а на его место учителем русского языка «переведен столоначальник комиссариата департамента военного министерства коллежский советник Лебедев»²⁰⁹. Он преподавал в Неплюевском кадетском корпусе до ухода на пенсию в 1873 г.

По-видимому, неважно обстояло дело и с преподаванием математики. В 1855 г. из корпуса ушел старший учитель Федоров²¹⁰, а в мае 1857 г. – Магницкий, который был, как следует из записи в «Дневнике Неплюевского корпуса», переведен на службу в полевую провиантскую комиссию Отдельного Оренбургского корпуса²¹¹.

Любопытно, что в 1854 г. Магницкий подавал В. А. Перовскому прошение о разрешении ему открыть школу для образования девиц²¹². Представив план этого учебного заведения, он просил генерал-губернатора «сообщить о том г. попечителю Казанского

учебного округа для дальнейшего зависящего от него распоряжения». «Не лишним считаю также доложить, — писал он, — что я имею в виду со временем из этой школы учредить пансион, в котором девушки, кроме приобретения знаний в предметах, будут приучаться и к хозяйству». Однако попечитель ответил В. А. Перовскому, что «министерство народного просвещения признает неудобным поручать лицу мужского пола содержание женского учебного заведения». При этом он добавил: «Но если б представилась возможность предоставить содержание означенной школы жене г. Магницкого, то я готов содействовать этому». Продолжения это дело не имело.

Говоря об участии В. А. Перовского в делах Неплюевского кадетского корпуса, следует добавить, что на его иждивении находилось несколько кадетов-пансионеров, а также пансионерок Николаевского девичьего института. Об этой стороне его деятельности свидетельствует архивное дело²¹³ объемом в 335 листов, в котором собраны такие же документы о пансионерах и пансионерках, содержащихся на средства А. А. Катенина, сменившего В. А. Перовского в должности Оренбургского и Самарского военного губернатора летом 1857 г.

Тяжело в это время болевший и просивший об отставке В. А. Перовский приветствовал назначение генерал-адъютанта Катенина, так как считал, что его преемник сумеет принести пользу Оренбургскому краю, с которым, по его словам, он сам «душевно сроднился».

7. 1857–1860 ГОДЫ. А. А. КАТЕНИН

7.1. Новые поправки к «Положению о Неплюевском кадетском корпусе»

Александр Андреевич Катенин (1800–1860) правил Оренбургским краем недолго: 20 июня 1860 г. он скоропостижно скончался. Но и за это время он успел сделать немало, особенно в отношениях со среднеазиатскими ханствами [75]. При нем в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе опять были произведены некоторые преобразования.

Рис. 10. Александр Андреевич Катенин

Делами Неплюевского корпуса А. А. Катенин занялся сразу по приезде в Оренбург летом 1857 г., так как в это время постановку учебного дела в корпусе проверял присланный из столицы статский советник В. Н. Семенов. В результате был разработан проект изменений действующего устава корпуса, который А. А. Катенин представил в Главный штаб военно-учебных заведений²¹⁴. По словам А. А. Катенина, эти «существенные изменения в составе корпуса и его учебном курсе» были необходимы, «дабы приблизить

его по возможности к прочим военно-учебным заведениям Империи и создать истинный рассадник просвещения в крае, где по всем отраслям военного и гражданского управления постоянно нуждаются в деятельных и образованных исполнителях предначертаний и распоряжений правительства»²¹⁵.

В проекте учитывалось недовольство дворян Оренбургской и особенно Самарской губерний, вызванное введением в 1-м эскадроне Неплюевского кадетского корпуса обязательного изучения трех восточных языков – татарского, арабского и персидского. Они считали, что их детей лишают тех прав, которыми пользуются дворяне, закончившие другие кадетские корпуса: после выпуска и производства в офицеры их направляют на действительную службу на линию в степь или в башкирские кантоны, «где в удалении от общества, не находя для себя никакого умственного занятия, забывая все, чему учились, они поневоле коснеют в праздности»²¹⁶.

Согласно новому проекту разделение Неплюевского кадетского корпуса на два эскадрона, европейский и азиатский, сохранялось, но было определено, что в 1-й эскадрон будут приниматься только дети потомственных дворян, «нуждающиеся в образовании более обширном и более согласованном с образованием, которое дворянство получает в прочих губернских корпусах»²¹⁷. Во 2-й эскадрон смогут поступать дети «азиатцев», личных дворян, чиновников, не принадлежащих к родовому дворянству офицеров Оренбургского и Уральского казачьих войск, а также духовенства, почетных граждан и купцов. Здесь «объем учебного курса менее обширен, нежели в 1-м эскадроне и более соответствует будущему назначению учеников из этих сословий»²¹⁸. При этом имелось в виду, что «не возбраняется поступать в азиатский эскадрон тем из детей потомственных дворян, которые пожелают посвятить себя изучению восточных языков».

Менялся порядок приема воспитанников: если раньше они принимались по старшинству зачисления в кандидаты, то теперь, как в других кадетских корпусах, – согласно званию и заслугам родителей. В 1-й эскадрон принимались дети от 10 до 12 лет «с теми знаниями, кои установлены для поступающих в прочие корпуса». Для поступающих во 2-й эскадрон было решено «оставить ныне существующий порядок, т.е. принимать их без экзамена, от 10 до 14 лет».

В 1-м эскадроне, так как он уравнивался с другими кадетскими корпусами, вводился принятый в них учебный курс. Из программы исключались арабский и персидский языки, минералогия, зато вводился французский язык. Таким образом, воспитанники должны были изучать два языка – французский и татарский, причем обязательным был только один из них.

Исключение из программы 1-го эскадрона арабского и персидского языков мотивировалось тем, что, как показал четырехлетний опыт, они здесь «идут слабо». Причина казалась очевидной: «Неестественно, чтобы кадеты этого эскадрона, при большем противу азиатского эскадрона числе предметов и при более обширных программах могли оказывать одинаковые с ними успехи в изучении трех совершенно чуждых им языков, сходных между собой только по азбуке, но совершенно различных по духу и грамматическим формам»²¹⁹.

По окончании курса обучения «отличнейшим» воспитанникам 1-го эскадрона предоставлялось право поступить в 3-й специальный класс Константиновского кадетского корпуса.

Учебная программа 2-го эскадрона оставалась прежней, но из нее исключились минералогия, а также арабский язык – как «крайне трудный к изучению и малопригодный воспитанникам в будущем назначении их». Минералогия признавалась предметом, «в одинаковой мере бесполезным как для 1-го, так и для 2-го эскадрона, ибо едва ли воспитанникам оных придется когда-либо применять к делу свои слишком поверхностные минералогические познания»²²⁰. Вместо минералогии вводилась естественная история – как «наука, благотельно действующая на умственное развитие детей». В программе 2-го эскадрона появилась еще гражданская архитектура – «предмет, коего изучение воспитанниками Башкирского и прочих казачьих войск доставит со временем сим войскам собственных архитекторов, в которых они крайне нуждаются»²²¹.

Для воспитанников 2-го эскадрона была сделана важная оговорка, касавшаяся «особенно даровитых» из них: было признано справедливым «по усмотрению корпусного начальства и с разрешения главного начальника края переводить их в виде отличия в 1-й эскадрон». По поводу этого пункта А. А. Катенину пришлось вести переписку с Я. И. Ростовцевым, настаивая на необходимости и убеждая в полезности этого исключения из правил. «Ваше превосходительство, –

писал он, – предвидите в этом большие затруднения сколько потому, что тут смешиваются дворянское сословие с недворянским (что противно общему положению кадетских корпусов, с которыми сравнивается 1-й эскадрон), столько же и потому, что при различии учебного курса в эскадронах переход из одного в другой, по мнению Вашему, едва ли будет возможен»²²². Возражая ему, А. А. Катенин доказывал, что речь идет лишь о трех-четыре самых даровитых воспитанниках 2-го эскадрона, но для всех остальных «это право будет служить поощрением к успеху». Что касается разницы в учебных программах двух эскадронов, то переводящиеся воспитанники смогут пополнить свои знания, так как «пробудут в корпусе лишних два года, противу бывших своих товарищей 2-го эскадрона».

Очень важным оказалось нововведение, касающееся преподавателей Неплюевского корпуса и уравнивающее их в правах с преподавателями других кадетских корпусов. В новом положении сказано: «Для отстранения затруднений, встречаемых начальством корпуса в привлечении хороших и опытных преподавателей, полагается справедливым распространить на учителей корпуса те же права, которые предоставлены в отношении сроков на пенсии и прибавочного за каждые пять лет жалования»²²³.

Новое положение о Неплюевском кадетском корпусе вступило в силу уже в 1857 г.: 27 ноября последовало разрешение «начать новый курс немедленно, по новому предположению»²²⁴. Однако официально оно было утверждено 30 января 1858 г.²²⁵

В связи с изменением учебного курса и упразднением преподавания арабского и персидского языков в 1-м эскадроне преподаватели этих языков С. Кукляшев и М. Бекчурин остались за штатом. Но по предписанию А. А. Катенина они были оставлены при Неплюевском корпусе «для практических занятий с кадетами восточными языками». Это было сделано «в виде опыта еще на два с половиной года, с целью дать им средство дослужить определенный для пенсии срок». Как отметил А. А. Катенин, мера эта была вызвана единственно его желанием «указать чинам Неплюевского корпуса, что добросовестная служба их всегда найдет со стороны правительства полное сочувствие к обеспечению их будущего положения»²²⁶. Однако и после указанного срока эти преподаватели оставались при своем учебном заведении.

8. 1860—1864 ГОДЫ. А. П. БЕЗАК

Кардинальная реформа Неплюевского кадетского корпуса началась при следующем Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе – Александре Павловиче Безаке (1800–1869). Его правление, продолжавшееся с осени 1860 по 1864 г., совпало с началом «эпохи великих реформ» Александра II, которые затронули все области общественной жизни, включая военное образование. В 1863 г. было упразднено особое ведомство военно-учебных заведений, управление которыми перешло в военное министерство, а в 1864 г. началось преобразование кадетских корпусов в военные гимназии, завершившееся в 1867 г.

В Оренбурге перемены наступили гораздо раньше. Об этом свидетельствует составленная в 1865 г. «Записка о главных изменениях, которым подвергались Оренбургское Неплюевское военное училище и Оренбургский Неплюевский кадетский корпус от основания до настоящего времени»²²⁷. Хотя текст архивного дела анонимен, нет сомнения, что автором «Записки» был инспектор классов Неплюевского корпуса П. В. Митурич, так как она полностью воспроизводится в его очерке истории корпуса, опубликованном в 1870 г. [52]. «Записка» показывает, что А. П. Безак вполне разделял мнение комитета, учрежденного в Петербурге для преобразования военно-учебных заведений, о том, что «военное воспитание с детских лет в замкнутых заведениях вредно и что необходимо преобразование устройства общих классов кадетских корпусов».

При ознакомлении с Неплюевским корпусом новый военный губернатор нашел, что это учебное заведение особенно нуждается в реорганизации. Прежде всего, по его мнению, следовало ликвидировать 2-й эскадрон, так как его учебный курс «не превосходит курса уездного училища, а обучение восточным языкам не приносит пользы». Такой вывод следовал из того, что переводчиками становятся очень немногие, большинство же «поступает в войска Оренбургского края офицерами без всякого военного образования, где, не имея практики для своей специальности, забывают мало-помалу все то, что с таким трудом было приобретено в корпусе»²²⁸.

Рис. 11. Александр Павлович Безак

Кроме того, как считал А. П. Безак, Оренбургский край испытывал острую нужду в чиновниках с хорошим гимназическим образованием, тогда как гимназии были только в губернских городах Уфе и Самаре, а выпуск из 1-го эскадрона Неплюевского корпуса был очень невелик.

Поэтому в своем отчете об управлении Оренбургским краем за 1862 г. А. П. Безак заявил о «необходимости преобразования Неплюевского кадетского корпуса на новых началах», на что последовала резолюция императора: «желаю, чтоб генерал-губернатор представил свои соображения»²²⁹.

В результате в Оренбурге был образован специальный комитет для разработки проекта реорганизации Неплюевского кадетского корпуса. В него вошел, например, выпускник корпуса генерал Н. Г. Залесов, чьи воспоминания приведены выше. В своей работе комитет должен был «принять к соображению местные обстоятельства здешнего края, населенного военным и гражданским сословием, а также и то, что значительная часть его жителей находится еще на низкой степени умственного развития».

Проект был представлен к 1 января 1863 г. В нем предлагалось разделить Неплюевский кадетский корпус на два учебных заведения: Неплюевское училище и юнкерскую школу. Неплюевское училище должно было состоять из двух отделений: младшего, включающего первые 6 классов, и старшего, объединяющего 7-й и 8-й классы. Программа обучения в младшем отделении совпадала с программой классической гимназии.

Закончив удовлетворительно курс младшего отделения, воспитанник должен был решить, выбирает он в дальнейшем военную или гражданскую службу. В первом случае он поступал в двухгодичную юнкерскую школу, учрежденную «для доставления теоретического и практического специального военного образования молодым людям, желающим поступить на службу в войска Отдельного Оренбургского корпуса с правом на офицерский чин». Выбравшие же гражданскую службу оставались в училище и, окончив 8-й класс, получали те же права, что и выпускники гимназий, т.е. могли поступать в университет.

В Неплюевское училище должны были приниматься «дети всех состояний без различия званий и вероисповедания» по правилам, установленным для кадетских корпусов, т.е. без поблажек, которые делались для поступающих во 2-й эскадрон. Предполагалось также увеличить число воспитанников, допустив к обучению приходящих учеников.

Поскольку в это время общая реформа военно-учебных заведений еще только начиналась, в министерстве, получив оренбургский проект, решили дать ему ход, но только «в виде опыта», сроком на два года. Министерская комиссия, созданная для преобразования кадетских корпусов, выразила желание «содействовать возможно скорейшему развитию Оренбургского кадетского корпуса на началах, более удовлетворяющих местным потребностям»²³⁰. При этом отмечалось, что изменения, произведенные в Неплюевском кадетском корпусе, могли бы служить «началом предположенного преобразования» всех военно-учебных заведений.

На деле эти изменения свелись к тому, что высшие классы обоих эскадронов объединились в одном помещении, а средние и низшие – в другом. Для воспитанников старших классов устанавливались «более строгие условия действительной службы». Учебная программа средних и нижних классов оставалась прежней, установленной для 1-го и 2-го эскадронов.

Прием новых воспитанников теперь стал проводиться по общим правилам, установленным для кадетских корпусов. Из них часть принималась на вакантные места казённых и частных пансионеров и стипендиатов, а остальные становились проходящими учениками. Некоторые жили у родителей, а «дети казаков и инородцев – в отведенных для них помещениях, на попечении своих обществ и под надзором войсковых начальств». Обучение вновь поступивших велось по программе 1-го эскадрона, т.е. гимназической.

В том же 1853 г., как сказано в «Записке», все эти изменения «были приведены в исполнение и в то же время, по случаю выпуска воспитанников из корпуса, открыты были на новых началах два параллельных подготовительных класса с годичным курсом». В 1864 г. состоялся второй прием, в 1865 г. – третий. Таким образом, появились четыре новых класса, помещавшиеся в здании бывшего 2-го эскадрона и насчитывавшие 60 кадетов и 12 проходящих учеников. В нижнем этаже здания 1-го эскадрона размещались два старших класса, а во втором – два средних. В них в 1865 г. учился 91 кадет. Поскольку в 1865 г. правительственного решения о реформировании кадетских корпусов еще не было, «переходное состояние» Неплюевского корпуса продлили еще на один год.

В рассматриваемый период примечательным событием в жизни Неплюевского кадетского корпуса явился приезд из Петербурга нового преподавателя – Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864), известного поэта, литературного и театрального критика [63, 64]. Хотя его пребывание в Оренбурге было недолгим (с 9 июня 1861 по 5 июня 1862 г.), он оставил о себе яркие воспоминания. Особое впечатление на горожан произвели четыре публичные

лекции о Пушкине, прочитанные им в зале Благородного собрания в пользу благотворительного общества.

А. А. Григорьев преподавал русский язык во 2-м эскадроне Неплюевского корпуса и работал с большим увлечением. Как вспоминал один из бывших кадетов, «он мало занимался с ними по программе, а большей частью читал им классические сочинения русских авторов, уроки спрашивал очень редко, делая всегда хорошие отметки даже тем, которых и не спрашивал» [13]. В своих письмах А. А. Григорьев с похвалой отзывался о директоре корпуса М. С. Шилове и инспекторе классов П. В. Митуриче, а своего «ближайшего товарища» Лебедева оценил как «отличнейшего учителя русского языка и словесности».

После отъезда А. А. Григорьева в 1862 г. на должность учителя истории, географии и русского языка был назначен выпускник филологического факультета Петербургского университета Павел Николаевич Распопов (1837–1893), который впоследствии стал видным педагогом и общественным деятелем Оренбурга.

9. 1864–1881 ГОДЫ. Н. А. КРЫЖАНОВСКИЙ

Между тем в жизни Оренбургского края происходили важные перемены. В 1862 г. по императорскому указу была упразднена – как «утратившая в настоящее время свое значение» – Оренбургская крепость, и срыт крепостной вал. В 1865 г. из Оренбургской губернии была выделена Уфимская, и Оренбург стал губернским городом. Появилась возможность открыть здесь гражданскую гимназию, что и произошло в 1868 г. при новом генерал-губернаторе Николае Андреевиче Крыжановском (1818–1888), вступившем в должность в начале 1865 г.

Рис. 12. Николай Андреевич Крыжановский

Н. А. Крыжановский завершил начатое преобразование Неплюевского кадетского корпуса. Рассмотрев проект А. П. Безака, он образовал для его доработки новую комиссию, и в конце 1865 г. она представила уточненный вариант. В нем предлагалось переименовать Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в военную гимназию и открыть при ней «военное училище для специального образования воспитанников, окончивших военную гимназию» [59, с. 215].

Предложение было принято, и 31 августа 1867 г., как отмечено в «Дневнике Неплюевского кадетского корпуса», вышел приказ о создании Неплюевской военной гимназии и 4-го Оренбургского военного училища. Училище было образовано на базе верхних классов европейского и азиатского эскадронов и размещено – «впредь до возведения нового здания» – на нижнем этаже бывшего здания 1-го эскадрона. В военную гимназию принимались представители всех сословий, а прием детей киргизских султанов, биев и старшин был прекращен. Им предоставлялось право получать образование в гражданских учебных заведениях [8, с. 11].

В 1871 г. 4-е Оренбургское военное училище закрылось, а военная гимназия сохраняла свой статус до 2 августа 1882 г., когда по указу Александра III все военные училища России вновь стали именоваться кадетскими корпусами. После преобразования кадетских корпусов в военные гимназии они перешли на единую программу обучения. Таким образом, своеобразие, которое отличало Оренбургский Неплюевский кадетский корпус с момента его возникновения, было окончательно утеряно.

В период преобразования Неплюевского кадетского корпуса произошли важные перемены в его руководстве. В декабре 1862 г. оставил должность директора генерал-майор М. С. Шилов, после чего его обязанности исполнял полковник П. Л. Энгельке. И только 9 апреля 1864 г. директором был назначен военный инженер полковник Павел Васильевич Домерщиков, который ранее был инспектором классов Павловского военного училища. Он прибыл в Оренбург 21 июля 1864 г.²³¹ и оставался директором в течение двенадцати лет.

В марте 1866 г. ушел в отставку помощник инспектора классов А. М. Аничков²³², а в июле 1867 г. – инспектор классов П. В. Митурич²³³. На его место был назначен капитан лейб-гвардии Гатчинского полка Феофил Матвеевич Самоцвет (1834–1906), бывший помощник инспектора классов 2-го Санкт-Петербургского кадетского корпуса²³⁴.

Несмотря на преобразования, учебная жизнь шла своим чередом. В штате Неплюевской гимназии значились преподаватели: русского языка Н. А. Медведев и С. И. Сыров, математики – В. Ф. Фомин и П. К. Павловский, французского языка – И. К. Жанколя

и И. И. Дескубес, татарского языка – М. М. Бекчурин. Об их успехах может свидетельствовать архивное дело «О результатах годичных испытаний в науках», которое содержит отчет, представленный в 1866 г. генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому²³⁵.

Из содержащегося в отчете рапорта полковника Пороговского, который был назначен присутствовать на годичных экзаменах по закону Божию, русскому языку и законоведению, мы узнаем, что большая часть воспитанников получила средние баллы выше годичных. Об экзамене по русскому языку Пороговский писал: «Письменные работы воспитанников свидетельствуют, что преподаватели Распопов и Лебедев, вполне понимая важность практического изучения языка, обратили на этот предмет особенное внимание. Некоторые воспитанники владеют пером с замечательным искусством». На экзаменах по математике, физике и химии присутствовал полковник Савин. В своем рапорте он выражал удовлетворение результатами экзамена по математике и с похвалой отзывался об учителях Фомине и Павловском, так как «успехи воспитанников в науках следует принять также и за результаты трудов преподавателей».

«В классах приготовительных европейского и азиатского отделений, – отмечает Савин, – обращено особое внимание на развитие математических соображений учеников и приобретение навыков производить действия над числами. В среднем и высшем классе европейского отделения воспитанники отвечали на вопросы не только со знанием предмета, но и с ясностью и последовательностью в изложении, свидетельствующими в желаемой степени об их развитости». В азиатском отделении, где математика преподавалась по облегченной программе, «воспитанники не отличаются даром слова и, как оказывается, с трудом усваивают отвлеченные математические истины; при всем том нельзя не видеть с их стороны большого усердия по приобретению познаний».

Важным событием для Неплюевской военной гимназии был переезд в новое, специально для нее предназначенное здание (в настоящее время это здание на Парковом проспекте принадлежит

медицинской академии). Его строительство, задуманное еще при В. А. Перовском, завершилось в 1872 г. Началось оно, по-видимому, в 1868 г., так как, судя по «Дневнику Неплюевского кадетского корпуса», в 1870 г. директор П. В. Домерщиков получил поощрение «за двухлетние безвозмездные труды по надзору за работами при устройстве здания Оренбургской военной гимназии»²³⁶.

Рис. 13. Здание Оренбургской Неплюевской военной гимназии (с 1882 г. Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса)

В 1876 г. произошла очередная смена руководства Неплюевской военной гимназии²³⁷: 18 марта от должности директора был уволен П. В. Домерщиков, а 12 апреля на его место назначен инспектор классов Ф. М. Самоцвет. Он оставался директором в течение 29 лет, до своей отставки в декабре 1905 г. Этот период в истории учебного заведения отмечен большими успехами. При Ф. М. Самоцвете оно в 1882 г. вновь стало Оренбургским Неплюевским кадетским корпусом, который приобрел репутацию одного из лучших в России.

Высокая оценка деятельности Ф. М. Самоцвета была дана главным начальником военно-учебных заведений великим князем К. К. Романовым, посетившим в 1905 г. Неплюевский кадетский корпус с всесторонней проверкой. В его приказе от 31 января 1906 г., в котором подробно изложены результаты этой проверки²³⁸,

в частности, говорится: «Должен помянуть с глубокой сердечной благодарностью бывшего директора корпуса маститого генерал-лейтенанта Феофила Матвеевича Самоцвета, старейшего и годами, и военно-учебной службой среди всех директоров кадетских корпусов, вследствие преклонного возраста покинувшего корпус, после 29-летнего управления им, вскоре после моего посещения. В этом благоустроенном корпусе его почтенным директором воспитательная и учебная стороны поставлены твердо, и в течение многих лет спокойная жизнь корпуса не нарушалась никакими из ряда выходящими случайностями».

Когда 27 ноября того же 1906 г. Ф. М. Самоцвет неожиданно скончался, в местной печати отмечалась видная просветительская роль, которую этот высокообразованный человек играл в общественной жизни Оренбурга. В особую заслугу ему ставилось то, что в учебно-воспитательной работе его стараниями «водворялись гуманные принципы 60-х годов Писарева и Ушинского» и «под его неуклонным и просвещенным наблюдением создался тот Неплюевский корпус, который оказал неоценимые услуги как Оренбургскому краю, так и всему отечеству, выпустивши и продолжая выпускать немало полезных деятелей не только на военной, но и на других аренах жизни» [12].

После ухода Ф. М. Самоцвета в отставку директором Неплюевского кадетского корпуса был назначен ротный командир Ярославского кадетского корпуса полковник И. О. Латур, произведенный «за отличия по службе» в генерал-майоры²³⁹. В 1908 г. он вернулся в Ярославский кадетский корпус в должности директора, а директором Неплюевского корпуса стал генерал-майор Н. А. Пузанов, бывший до этого инспектором классов Тифлисского кадетского корпуса²⁴⁰.

Инспектором классов в Неплюевском кадетском корпусе после Ф. М. Самоцвета в 1876 г. был назначен подполковник М. Е. Дерюгин, который в 1882 г. перешел в той же должности в Оренбургскую военную прогимназию. Это учебное заведение, преобразованное в 1887 г. во 2-й кадетский корпус, М. Е. Дерюгин возглавил в 1891 г.

С 1882 по 1890 г. инспектором классов в Неплюевском кадетском корпусе был полковник Н. П. Витторф, а после его ухода в отставку – переведенный из Воронежского Михайловского кадетского

корпуса подполковник Михаил Григорьевич Попруженко (1854–1917), который вошел в историю отечественной педагогической науки как видный методист-математик [6].

М. Г. Попруженко получил образование сначала в Петровско-Полтавской военной гимназии, а затем в Михайловском артиллерийском училище, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и за военные заслуги получил несколько орденов и чин штабс-капитана. Позже он поступил в Михайловскую артиллерийскую академию, окончив которую в 1881 г., перешел в военно-учебное ведомство. Он получил назначение в Воронежскую военную гимназию (позднее кадетский корпус), где сначала занял должность воспитателя, а затем преподавателя математики и космографии (предмета, включавшего описательную астрономию с приложением к картографированию).

В Оренбург М. Г. Попруженко прибыл 12 мая 1890 г.²⁴¹ и оставался до 1898 г. В Неплюевском кадетском корпусе, будучи инспектором классов, он одновременно преподавал математику и космографию. Как видно из записей в «Дневнике Неплюевского корпуса»²⁴², он часто замещал директора, когда Ф. М. Самоцвет отлучался по делам службы.

В июне 1898 г. М. Г. Попруженко был назначен директором Владимирского Киевского кадетского корпуса, а в 1905 г. перешел в Главное управление военно-учебных заведений. Он стал одним из видных деятелей развернувшегося в России движения за реформирование школьного математического образования и сближения его с наукой и жизнью.

После отъезда М. Г. Попруженко инспектором классов Неплюевского кадетского корпуса был назначен ротный командир Пажеского корпуса полковник Медведев²⁴³, которого в 1906 г. сменил в этой должности полковник Жуков, ранее инспектор классов Хабаровского кадетского корпуса²⁴⁴.

Среди преподавателей, которые прослужили в Неплюевском кадетском корпусе долгие годы, следует назвать Ивана Александровича Остроумова. В «Дневнике Неплюевского кадетского корпуса» 16 марта 1872 г. сделана запись: «Определенный Высочайшим приказом в Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию исполняющий должность штатного преподавателя кандидат Московского

университета Остроумов сего числа прибыл в заведение»²⁴⁵. Он преподавал в корпусе математику и физику до своей отставки в 1915 г.²⁴⁶

Более 30 лет работал в Неплюевском кадетском корпусе преподаватель французского языка Петр Иванович Гра. Как значится в его документах, он происходил «из французских поданных, но принял русское гражданство»²⁴⁷. Обучался он во Франции, в Марвежельской коллегии, а затем выдержал полный экзамен при Казанском университете и поступил в Неплюевскую военную гимназию частным преподавателем французского языка 8 ноября 1871 г.²⁴⁸ В «Дневнике Неплюевского кадетского корпуса» в записи от 6 сентября 1875 г. отмечено, что «Высочайшим приказом 3 августа французский подданный Гра переведен на службу в Неплюевскую гимназию штатным преподавателем»²⁴⁹. По записям в «Дневнике» можно проследить его долгую служебную карьеру. В 1909 г. в чине статского советника он ушел в отставку²⁵⁰, но в 1913–1915 гг. опять числился в списке преподавателей.

С 1902 г. преподавал в корпусе французский язык и его сын Арман Петрович Гра (1872–1922), ставший известным краеведом, сотрудником Оренбургской ученой архивной комиссии [62].

Много лет работал в Неплюевском кадетском корпусе и преподаватель немецкого языка Евгений Карлович Вейгелин. Он окончил в 1874 г. физико-математический факультет Дерптского университета, а затем, выдержав испытания на звание учителя немецкого языка, преподавал в Новгородской гимназии, откуда в 1876 г. был переведен в Неплюевский кадетский корпус²⁵¹. В списке преподавателей он числился вплоть до 1907–1908 учебного года.

Следует отметить высокий уровень преподавания рисования в Неплюевском кадетском корпусе в конце XIX – начале XX в. В 1899 г. учителем этого предмета был приглашен «академист Императорской Академии художеств» художник Михаил Касперский²⁵². Он работал до 22 августа 1901 г., когда был уволен в отставку по состоянию здоровья²⁵³.

В 1907 г. преподавать рисование в Неплюевском кадетском корпусе начал известный художник Лукиан Васильевич Попов (1873–1914), который в 1912 г. получил звание академика живописи [7]. В «Дневнике Неплюевского корпуса» отмечено, что Л. В. Попову, помимо

рисования, были поручены «воскресные занятия по живописи»²⁵⁴. В записи, датированной 11 сентября 1910 г., отмечено, что «Высочайшим приказом по военному ведомству от 22 августа приватный преподаватель Л. В. Попов определен исполняющим должность нештатного преподавателя в корпусе с 10 марта сего года»²⁵⁵. В декабре того же года он был награжден орденом Станислава 3-й степени²⁵⁶. Судя по записям в «Дневнике», Л. В. Попов оставался преподавателем Неплюевского кадетского корпуса вплоть до своей скоропостижной смерти 20 мая 1914 г.

За свою долгую историю Неплюевский кадетский корпус выпустил из своих стен много образованных молодых людей, которые до 80-х гг. XIX в. в большинстве своем оставались на военной и гражданской службе в Оренбургском крае. Однако и в конце XIX – начале XX в. в Оренбурге их числилось немало. Они гордились званием неплюевца и поддерживали между собой дружеские связи. Это выразилось в организации регулярных товарищеских встреч неплюевцев, приуроченных к очередной годовщине Неплюевского корпуса и потому обычно происходивших в январе. Постановление о ежегодных встречах было принято в 1882 г. во время торжественного обеда в честь ушедшего в отставку генерал-лейтенанта П. Л. Энгельке²⁵⁷.

На первом товарищеском собрании, состоявшемся 16 февраля 1886 г., присутствовало 57 человек и почетные гости – директор Неплюевского корпуса Ф. М. Самоцвет и П. Л. Энгельке. Было произнесено много торжественных речей и отправлены поздравительные телеграммы «некоторым отсутствующим неплюевцам из числа тех, кем может гордиться Неплюевский корпус: генералам Залесову (выпуск 1847 г.), Дандевиллю (выпуск 1843 г.) и др.». В 1877 г. встречи состоялись не только в Оренбурге, но и в Петербурге, где на обеде присутствовало 18 неплюевцев и два бывших директора – М. С. Шилов и П. В. Домерщиков.

До 1891 г. торжественные обеды неплюевцев происходили ежегодно. Одним из организаторов собраний в дальнейшем стал сотник (позднее есаул) оренбургского казачьего войска Сергей Никанорович Севастьянов (1863–1907), выпускник 1882 г. Он был одним из деятельных оренбургских краеведов того времени,

активным членом Оренбургской ученой архивной комиссии. автором многочисленных газетных и журнальных публикаций по истории края, прежде всего связанных с историей оренбургского казачества [26, с. 218–220]. Он стал первым историком Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса.

В 1891 г. С. Н. Севастьянов писал: «Уже несколько лет как ежегодно собираются на товарищеский обед в Оренбурге питомцы бывшего Неплюевского военного училища, потом кадетского корпуса, потом военной гимназии и ныне существующего корпуса. Число участников братской трапезы за время существования ее (1886–1891) никогда не было менее 30 человек [69].

Интересные сведения о собраниях неплюевцев в последующие годы содержатся в документах из личного фонда С. Н. Севастьянова в Государственном архиве Оренбургской области²⁵⁸. Выясняется, что «в печальный, по холерной эпидемии, 1892 г. обычного обеда не было, но взамен того 17 неплюевцев внесли по подписке 32 руб. в пользу пострадавших от неурожая 1891 г. учащихся и учащихся в сельских школах Оренбургской губернии»²⁵⁹.

Следующая встреча состоялась в 1893 г., а затем их не было до 15 января 1897 г., когда на товарищеский обед собралось 42 человека. Как отмечает С. Н. Севастьянов, присутствующие сфотографировались и собрали 22 руб. «на учреждаемую стипендию в корпусе». Кроме того, он прочитал свою работу «Историческая заметка о деятельности Оренбургского военного губернатора князя Волконского как инициатора в деле создания в Оренбурге памятника И. И. Неплюеву – Неплюевского корпуса», которая в том же году была опубликована» [70].

Товарищеские обеды устраивались в 1898, 1900, 1901, 1907 гг. С. Н. Севастьянов пишет, что 16 января 1900 г., «ввиду исполнившегося 75-летия учреждения Корпуса, по инициативе полковника В. П. Сахарова (выпуск 1862 г.) постановлено было приступить к подготовительным работам по учреждению в Оренбурге Общества взаимопомощи неплюевцев». Избранный комитет разработал проект устава общества, который был представлен и утвержден на обеде 15 января 1901 г. Открытие Общества взаимопомощи неплюевцев состоялось 3 ноября 1902 г.

В 1908 г. директор Неплюевского кадетского корпуса Н. А. Пузанов выступил с инициативой написания истории учебного заведения. В результате в 1913 г. была издана брошюра «Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса [31], основанная в основном на сведениях, опубликованных ранее П. В. Митуричем [52, 53] и С. Н. Севастьяновым [70]. В ней перечислены наиболее заметные для корпуса события, происшедшие со времени его открытия. Приведены фамилии выпускников корпуса, которые «первыми окончили военные училища и военные академии». Их фамилии были запечатлены на серых мраморных досках у входа в здание корпуса. Названы также имена тех, кто «с частью занимал и занимает высокие посты в государстве», в том числе командира Гвардейского корпуса, члена Военного Совета, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Виктора Дезидеровича Дандевиля.

В заключение приводится список выпускников Неплюевского кадетского корпуса, погибших в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Особо отмечено, что эта памятка является «преддверием к более полной, обстоятельной истории нашего заведения ввиду приближающегося (в 1925 году) торжественного празднования столетия со дня основания» [31, с. 12]. Однако никаких материалов к этой «обстоятельной истории» в печати никогда не появлялось.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Григорий Федорович Генс

Первый директор Неплюевского военного училища Григорий Федорович Генс (1787–1845) принадлежит к числу наиболее ярких личностей оренбургской истории. Это характеристика, которую дали в конце XIX – начале XX в. исследователи, часто опиравшиеся на воспоминания современников Г. Ф. Генса [20, 60, 72, 101], вполне подтвердилась при изучении архивных документов [27, 45, 47, 48].

Многогранная деятельность Г. Ф. Генса в Оренбурге, продолжавшаяся 38 лет, отражена в формулярном списке, который был составлен в конце его служебной карьеры, в 1843 г.²⁶⁰ В этом документе значится, что председатель Оренбургской Пограничной комиссии и попечитель Оренбургского Неплюевского военного училища генерал-майор Генс, происходящий из дворян и принадлежащий к лютеранскому вероисповеданию, вступил на службу по окончании Инженерного корпуса в чине юнкера 20 ноября 1806 г. Вскоре, 3 июля 1807 г., когда ему «от роду было 20 лет», он был произведен в подпоручики и тогда же «командирован из Санкт-Петербурга в Оренбург». Это определило его дальнейшую судьбу: в Оренбурге Г. Ф. Генс остался навсегда.

Рис. 14. Григорий Федорович Генс

Молодого военного инженера на новом месте сразу оценили по достоинству. Он был исполнителен, энергичен и имел хорошее образование: как видно из его собственной записи, он знал «русскую грамоту, арифметику, геометрию, алгебру, фортификацию, атаку и оборону крепостей»²⁶¹. Оренбургский военный губернатор Г. С. Волконский вскоре привлек Г. Ф. Генса к участию в военном предприятии – экспедиции, которая в 1814–1815 гг. провела разведку свинцового месторождения, открытого в киргизской степи, в верховьях реки Каратургай [47]. Он состоял тогда в должности адъютанта командира Оренбургского инженерного корпуса. В формулярном списке Г. Ф. Генса указано, что с 1 мая по 1 сентября 1814 г. он совершил поход «вверх по Оренбургской линии до Звериноголовской крепости для осмотра инженерных команд и в Киргизскую степь к отысканию находящегося в 700 верстах от границы по реке Тургаю свинцового рудника». Во время этого трудного похода он выполнял топографические работы и вел путевой журнал, который содержит важные сведения о неизведанных до той поры землях [47, с. 250-252].

Поисковые исследования 1814 г. дали хороший результат. Это побудило Г. С. Волконского отправить к месторождению свинца новую экспедицию. Чтобы получить на нее разрешение, в Петербург в феврале 1815 г. был командирован Г. Ф. Генс вместе с горным инженером И. Ф. Германом.

По возвращении из столицы Г. Ф. Генс 15 мая отправился «в крепость Звериноголовскую и оттуда в Киргизскую степь с военною экспедициею для дальнейшего свидетельствования найденной свинцовой горы и прочих рудников, открыты киргизами, и оттоль 21 сентября возвратился в Оренбург».

В том же 1815 г. Г. Ф. Генс получил чин штабс-капитана, а 1 декабря 1817 г. – капитана. В эти годы он активно проявил себя как превосходный инженер-строитель, заботящийся о благоустройстве Оренбурга. В этом отношении показателен архивный документ, который содержит его рапорт от 14 июля 1817 г. новому военному губернатору П. К. Эссену с просьбой поддержать его в намерении построить завод для производства черепицы²⁶². Г. Ф. Генс пишет: «Крыши на большей части казенных и частных домов в Оренбурге

покрываются сосновыми досками, лубком и частью драницами. Не-выгода таковых крыш состоит в непрочности, в истреблении леса, опасности пожаров и – при дощатых – в дороговизне. Для избежания сих неудобств достаточные люди покрывают дома свои листовым железом, но и сим способом уменьшается только опасность от пожаров, издержки же весьма увеличиваются... и редко они простоят более двадцати пяти лет. Удобнейший и выгоднейший материал для крыш по здешнему месту есть черепица, которая прочна, требует для обожжения немного дров, отвращает почти совершенно опасность от пожара, и крыши, ею покрытые, обходятся дешевле железных и деревянных». Подробно описав преимущества этого материала, Г. Ф. Генс сетует, что в Оренбурге «не достает завода, на котором выделялась бы черепица».

«Желая, сколько возможно, содействовать общей пользе, – продолжает Г. Ф. Генс, – я охотно завел бы такой завод, если бы достаток мой позволял отделить потребное число денег на построение сарая и обжигательной печи, на заготовление глины и наем работников». Он просит военного губернатора ссудить ему из казенных средств для этой цели «на два года без платежа процентов 2500 рублей ассигнациями». Просьба Г. Ф. Генса была удовлетворена. Деньги, выданные ему 18 июля 1817 г., он возвратил 30 ноября 1818 г.²⁶³

В 1818 г. Г. Ф. Генсу был поручен ремонт дома, принадлежащего Оренбургской пограничной комиссии, который занимал один из штаб-офицеров отдельного Оренбургского корпуса полковник Стеллих²⁶⁴. Военный губернатор предписал выдать под расписку «исчисленные по смете деньги 863 рубля на употребление по означенному предмету», но прибавил: «Я нужным счел предложить инженер-капитану Генсу, чтоб об употреблении сих денег дал в свое время надлежащий отчет Комиссии, а равно и остаток, если оный от попечительности его произойдет, представил в оную же».

Исполняя все поручения начальства старательно и добросовестно, Г. Ф. Генс был совершенно бескорыстен. Как подчеркивал его первый биограф П. Л. Юдин, «имея полную возможность нажиться на поручаемых ему инженерных работах, он, как высококачественный человек, в отличие от чиновных людей своего времени, в продолжение

38-летней службы не приобрел ничего; наоборот, всегда старался сберечь казенную копейку» [101, с. 368]. Это подтверждает запись в формулярном списке Г. Ф. Генса о том, что в 1820 г. «за отличную деятельность и сбережение в пользу казны более 7000 руб. при построении тюремного замка в Оренбурге» он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

16 января 1820 г. Г. Ф. Генс был назначен начальником инженерной команды Отдельного Оренбургского корпуса. В это время в городе началась подготовка к отправлению первого официального русского посольства в Бухару. Император Александр I отправлял его в ответ на неоднократные приглашения бухарского хана, который через своих посланцев выражал желание укрепить таким образом дружественные отношения между обоими государствами. Возглавить посольство было поручено влиятельному чиновнику внешнеполитического ведомства А. Ф. Негри, почему оно известно в литературе как «миссия Негри». Она отбыла из Оренбурга в октябре 1820 г. и возвратилась в мае 1821 г.

Так как миссии Негри предстояло посетить страну, совершенно неизвестную европейцам, перед ней были поставлены, кроме дипломатических, важные научные задачи: ей предписывалось собрать «по возможности верные сведения о земле сей»²⁶⁵. Поэтому в состав посольства вошли люди, способные выполнить такое поручение. Прежде всего это были геодезисты, которым предстояло дать картографическое описание зауральских степей по пути в Бухару. Возглавлявшему их капитану Генерального штаба Е. К. Мейендорфу поручалось «собирать географические и статистические сведения для всестороннего описания Бухарского ханства» [50, с. 20].

В команду топографов по распоряжению Главного штаба²⁶⁶ первым был включен «инженерный капитан Генс», а кроме него – поручики А. К. Тимофеев и В. Д. Вольховский, соученик А. С. Пушкина по Царскосельскому лицейю. Однако отправиться в Бухару Г. Ф. Генсу не пришлось: военный губернатор П. К. Эссен подал рапорт о его незаменимости в Оренбурге, перечислив его многочисленные обязанности, и получил разрешение лично от генерал-инспектора по инженерной части не включать Г. Ф. Генса

в состав миссии²⁶⁷. Тем не менее ему пришлось серьезно заниматься связанными с ней вопросами.

Как начальник инженеров Отдельного Оренбургского корпуса Г. Ф. Генс нес ответственность за застройку города. Его подпись значится на всех сохранившихся в ГАОО «планах и фасадах домов», которые выдавались тогда желающим построить жилище в Оренбурге.

Следует заметить, что и впоследствии, занимая другие должности, Г. Ф. Генс продолжал интересоваться вопросами строительства в городе. Так, выдающийся русский геолог Г. П. Гельмерсен (1803–1885), описывая в 1841 г. Оренбург, заметил: «Среди каменных домов есть несколько, стены которых отлиты из гипса. Гипс ведь имеется в окрестностях Оренбурга, например, в Илецкой Защите, в громадных количествах, и поэтому вообще дешев. Генерал Генс пришел к мысли применять его в строительстве, что хорошо удалось. Чтобы построить такой дом, для каждой стены возводятся две параллельные стенки, и затем пространство между ними заливается гипсом. Эти дома должны быть теплыми, сухими и долговечными» [102, с. 152–153].

24 февраля 1824 г. Г. Ф. Генс был произведен в подполковники и назначен директором готовившегося к открытию Неплюевского военного училища. Об этом назначении П. Л. Юдин пишет: «Большой опытности и осмотрительности требовала должность директора учебного заведения, не подготовленного, не устроенного, даже не сформированного и совершенно нового в полуазиатском и притом в отдаленном крае, где, особенно в то время, трудно было найти хороших помощников, надежных руководителей юношества, а главное – учителей с солидными познаниями по различным специальностям. Поэтому Григорию Федоровичу нужно было приложить много энергии и труда, чтобы поставить на прочную почву этот рассадник военного образования среди разнородных обитателей края и приохотить инородцев к науке и просвещению» [101, с. 368].

Занимаясь со всей серьезностью устройством Неплюевского училища и организацией учебного процесса, Г. Ф. Генс совмещал эту работу с выполнением прежних обязанностей начальника инженеров Отдельного Оренбургского корпуса. Но не прошло и года, как к ним прибавились новые.

1 января 1825 г. Г. Ф. Генс получил чин полковника, а 16 января был назначен председателем Оренбургской Пограничной комиссии – «с оставлением при прежних должностях». Новое назначение влекло за собой большую ответственность. Оренбургская Пограничная комиссия была учреждением, которое управляло входившим в состав Российской империи кочевым народом – киргиз-кайсаками, т.е. казахами. Она подчинялась пограничной канцелярии оренбургского военного губернатора, ведавшей международными отношениями с государствами Средней Азии, и министерству иностранных дел [46].

Круг обязанностей Г. Ф. Генса с этого времени резко расширился, и только огромное трудолюбие и интерес к делу помогли ему успешно справляться с возникавшими перед ним нелегкими задачами. В формулярном списке отмечено, что «в воздаяние отличной и усердной службы» в 1826 г. он был пожалован орденом Святой Анны 2-й степени, в 1829 – алмазными значками к этому ордену, а также «монаршею благодарностью»²⁶⁸.

В Неплюевском военном училище Г. Ф. Генс продолжал внимательно наблюдать за учебной воспитанников и вникал во все хозяйственные вопросы. Убедившись в необходимости внести изменения в программу обучения, он, как мы видели выше, разработал проект реформы Неплюевского училища, который был в 1831 г. поддержан военным губернатором П. П. Сухтеленом. В то же время Г. Ф. Генс непосредственно руководил строительством нового здания училища, которое было завершено в 1830 г. и отмечено очередной наградой. Как значится в формулярном списке Г. Ф. Генса, 2 февраля 1830 г. ему было объявлено «Высочайшее Его Императорского Величества благоволение за отличное исполнение возложенного на него монаршего поручения, которое состояло в постройке здания для помещения Неплюевского военного училища».

Однако к этому времени выяснилось, что наиболее важной с государственной точки зрения была деятельность Г. Ф. Генса как председателя Оренбургской Пограничной комиссии. Чтобы он мог на ней сосредоточиться, в 1830 г. его освободили от должности начальника инженеров, а в 1832 г. он стал попечителем Неплюевского училища,

передав обязанности директора К. Д. Артюхову. Но и в дальнейшем роль Г. Ф. Генса в жизни училища оставалась весьма значительной, так как финансирование учебного заведения осуществлялось через Оренбургскую Пограничную комиссию и контролировалось ее председателем.

Деятельность Г. Ф. Генса как председателя Оренбургской Пограничной комиссии продолжалась почти двадцать лет. Он заслужил репутацию разумного и справедливого администратора, сумевшего завоевать доверие и симпатию у подведомственных киргиз-кайсаков [20, 45, 47, 101]. Ему приходилось заниматься политическими и хозяйственными вопросами, возникавшими в их повседневной жизни. При этом он «всегда стремился улаживать дела, как бы важны и серьезные они ни были, миром, по народным обычаям» [20, с. 299].

Заслуги в служебных делах и личные качества Г. Ф. Генса высоко оценивались его непосредственными начальниками – оренбургскими военными губернаторами. Так, П. П. Сухтелен, который в 1832 г. поднял вопрос о присвоении ему генеральского чина, утверждал, что «полковник Генс завсегда предпочтет истинную пользу службе собственному честолюбию»²⁶⁹. Неизменной симпатией и доверием пользовался он и у В. А. Перовского, который нашел в нем надежного помощника в управлении Оренбургским краем и в отношениях с среднеазиатскими ханствами. В 1834 г. Г. Ф. Генс получил чин генерал-майора.

Политический опыт Г. Ф. Генса нашел признание и в Петербурге. В начале ноября 1835 г. В. А. Перовский получил от управляющего Азиатским департаментом министерства иностранных дел К. К. Родифиникина письмо следующего содержания: «Милостивый государь Василий Алексеевич! Встретилась необходимость иметь по многим делам, до киргизов касающимся, личное объяснение с председателем Оренбургской пограничной комиссии генерал-майором Генсом. Я покорнейше прошу Ваше превосходительство учинить зависящие от Вас распоряжения касательно его отправления, когда признаете оно возможным, приказав снабдить его прогонами до С.-Петербурга по чину»²⁷⁰. В середине января 1836 г. Г. Ф. Генс отбыл в командировку, получив от Пограничной комиссии ссуду в 6 тысяч рублей²⁷¹ (которые вернул год спустя²⁷²) и от военного губернатора – ряд поручений в министерство иностранных дел²⁷³.

В столице выяснилось, что ему предстоит аудиенция у императора. Впоследствии, ссылаясь на слова Г. Ф. Генса, его современники передавали, что Николай I попросил его «рассказать подробно всё, что делается в Оренбурге и соседних странах» и с глубоким вниманием, не прерывая, слушал его в течение часа [72].

Этот эпизод показывает, что Г. Ф. Генс пользовался репутацией глубокого знатока, как тогда говорили, «киргизской степи» и сложных международных обстоятельств, обусловивших необходимость военного похода против Хивы зимой 1839–1840 гг.

Действительно, на протяжении всех долгих лет своей службы в Оренбурге Г. Ф. Генс с любознательностью ученого-исследователя собирал сведения о Средней Азии, ее природе, о населяющих ее народах, об их занятиях, обычаях и т.д., а также о политике правителей среднеазиатских ханств. Известный географ Я. В. Ханыков, служивший в Оренбурге при В. А. Перовском вместе с Г. Ф. Генсом, писал, что еще в 1818 г. «он был употреблен для приведения в порядок архива Оренбургской Пограничной комиссии, что ознакомило его с имевшимися прежними данными о Средней Азии». В дальнейшем он неустанно пополнял эти сведения. Я. В. Ханыков вспоминал: «Будучи в непрерывных сношениях со всеми приезжавшими в Оренбург азиатцами, купцами и путешественниками, он не опускал ни одного случая обратиться это на пользу географии и, расспрашивая каждого, извлечь из него всевозможные сведения о знакомых ему странах; после чего эти показания либо просто записывались в дневник, либо излагались в виде особых записок» [97, с. 342–343].

Г. Ф. Генс имел случай проявить свои познания перед выдающимся немецким ученым и путешественником Александром Гумбольдтом (1769–1859), который, совершая в 1829 г. поездку по России, провел в Оренбурге пять дней – с 8 по 14 сентября [3]. Его спутник Г. Розе в своих воспоминаниях писал о Г. Ф. Генсе: «Он вызвал у нас всех и особенно у господина фон Гумбольдта большой интерес из-за своих познаний в географии и политическом положении Средней Азии, чем он много занимался по пристрастию и благодаря своему положению председателя Пограничной комиссии. Благодаря караванам, которые часто приходят в Оренбург из Бухары, Ташкента, Коканда

и киргизских степей, он собрал много сведений об этих и пограничных государствах, тем более ценных, что при большой недоступности этих государств для европейцев получить их прямым путем нельзя совсем или можно лишь с величайшими трудностями. Таким же образом он собрал большое количество маршрутов различных караванов, которые он сообщил господину фон Гумбольдту; и здесь, как и везде, он, благодаря долгому опыту и путем сравнения разных показаний, часто оказывавшихся намеренно искаженными, научился отделять неверные от истинных. Кроме того, он сообщил нам много сведений о естественных произведениях киргизских степей и некоторые из них мог предьявить живьем, так как в своих конюшнях держал киргизского козла с длинной и тонкой шерстью, превосходного туркменского жеребца и т.д. Поскольку генерал фон Генс прекрасно говорит по-немецки, наши беседы с ним были для нас приятны и поучительны» [104, с. 199–200].

А. Гумбольдт писал из Оренбурга министру финансов Е. Ф. Канкрину: «Прекрасные исследования и карты полковника Генса дали мне очень ясное представление о последних разветвлениях большого пояса до плато между Аральским морем и Каспийским через Джамбук-Карагай, Кара-Айгур и Мугоджары» [59, с. 85–86]. О том же он упоминал позднее в письме к С. С. Уварову: «В воспоминаниях я часто переносюсь в Оренбург, где у полковника Генса имеется целая сокровищница географических данных о Хиве, Самарканде, ... о Петропавловске и Усть-Каменогорске» [там же, с. 118]. Материалы, почерпнутые из этой сокровищницы, А. Гумбольдт использовал при написании своего замечательного труда «Центральная Азия» и при составлении карты Средней Азии [там же, с. 12].

Издававшиеся на немецком языке «Петербургские ведомости» поместили похвальный отзыв А. Гумбольдта о Г. Ф. Генсе, но тот, узнав об этом, счел отзыв «слишком лестным» и в одном из писем с присущей ему скромностью заметил: «Гумбольдт полагает, что Азия и все азиаты вообще мне столько же известны, как часть города с ее жителями, которую я обитаю» [48, с. 321].

Г. Ф. Генс, по-видимому, не осознавал всего научного значения собранных им материалов, но они были по достоинству оценены его

современниками. Уже в 1839 г. в Петербурге вышло подготовленное Г. П. Гельмерсеном немецкое издание «Сообщения о Хиве, Бухаре, Коканде и северо-западной части Китайского государства, собранные председателем Азиатской Пограничной комиссии в Оренбурге генерал-майором Генсом» [103]. Оно составило второй том серии опубликованных академиком К. М. Бэрром и Г. П. Гельмерсеном трудов о Российской империи и пограничных с ней стран Азии.

К запискам Г. Ф. Генса, оставшимся в основном неопубликованными, впоследствии проявлялось большое внимание как в ученых кругах, так и в министерстве иностранных дел [50; 97]. Непростую судьбу его рукописного наследия, часть которого находится в Государственном архиве Оренбургской области, проследил П. Е. Матвиевский [45, 48]. Особо им были отмечены сообщенные Г. Ф. Генсом сведения о русско-индийских связях в XVIII – начале XIX в.

Архивные документы свидетельствуют об успешном течении службы Г. Ф. Генса. В 1836 г. к нему по его требованию был определен адъютант, который помогал Пограничной комиссии в рассмотрении дел, связанных с военнослужащими пограничных отрядов²⁷⁴.

В августе 1839 г. В. А. Перовский направил канцлеру К. В. Нессельроде ходатайство об очередной высокой награде Г. Ф. Генсу. Он писал: «По уважении отлично усердной и полезной службы председателя Оренбургской Пограничной Комиссии генерал-майора Генса во внимание 20-летней неутомимой деятельности и трудам его по управлению Ордой и пограничными делами осмеливаюсь покорнейше просить Ваше сиятельство не оставить исходатайствовать ему в всемилостивейшего Государя Императора награждения орденом Святого Станислава 1-й степени»²⁷⁵.

Ходатайство было удовлетворено, и награждение состоялось 21 января 1840 г. Следующую награду – орден Святой Анны 1-й степени – Г. Ф. Генс получил 6 декабря 1840 г.

В эти годы семья Г. Ф. Генса, состоявшая из жены Авдотьи Матвеевны, сына Дмитрия, дочерей Софьи и Татьяны, испытывала большие материальные затруднения. Поэтому В. А. Перовский ходатайствовал перед правительством об оказании ему денежного пособия. В письме к К. В. Нессельроде от 9 марта 1839 г. он писал: «Г-н Генс

в последнее время вошел в значительные издержки, особенно по воспитанию сына, обучающегося в Дерптском университете, и, желая вывести его из затруднительного положения, в котором он находится, я обращаюсь к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою об исходатайствовании ему семи тысяч рублей ассигнациями»²⁷⁶. В ответном письме сообщалось «о новом опыте монаршего внимания к заслугам г-на Генса», которое выразилось в соизволении согласия на высказанную просьбу²⁷⁷.

Современники вспоминали Г. Ф. Генса как человека доброжелательного, пользовавшегося всеобщим уважением. Отмечалось его умение «привлекать к себе простой народ», что помогало при общении с киргизами, которые относились к нему с «неограниченным доверием». [101, с. 370].

Образованные люди Оренбурга высоко ценили Г. Ф. Генса за его обширные познания. Он был непререкаемым участником ученых «четвергов», организованных В. И. Далем, который писал: «Нас собралось теперь десять человек, мы собираемся по четвергам поочередно у двух, у меня и у генерала Генса, и каждый по очереди занимает остальным вечер своим предметом. Тут один говорит об истории, другой – о кайсаках и башкирах, третий – о сравнительной анатомии, четвертый – о Бородинском сражении, пятый – о расколах и пр., и пр.» [44. с. 193–197].

Очень характерна для Г. Ф. Генса огромная роль, которую он сыграл в биографии замечательного художника Алексея Филипповича Чернышева (1824–1863). Об этом писал П. Л. Юдин: «Алексей Чернышев был сыном швейцара, служившего при Неплюевском военном училище во время директорства Григория Федоровича. Семья у отца была большая, еле-еле существовала на то жалованье, которое получал старик по своей должности, так что, когда на свет Божий появился Алексей, все необходимые расходы по этому случаю были произведены Генсом на свой счет. Супруга Григория Федоровича, Авдотья Матвеевна, была его приемницей от купели. Затем Алексей поступил в семью директора и воспитывался там наравне с детьми последнего, под руководством гувернера» [101, с. 372]. Обнаружив в воспитаннике способности к рисованию, Г. Ф. Генс постарался отправить

его в Петербург, в Академию художеств. Его поддержал В. А. Перовский, с помощью которого судьба молодого человека была устроена, и он получил необходимый документ – «билет на беспрепятственное проживание в Санкт-Петербурге для изучения живописи в Императорской Академии художеств»²⁷⁸. А. Чернышевым выполнены сохранившиеся портреты Г. Ф. Генса.

Вскоре после отъезда из Оренбурга В. А. Перовского здоровье Г. Ф. Генса пошатнулось. Судя по воспоминаниям современников, которые привел С. Н. Севастьянов [72, с. 160–161], последний раз он проявил себя как устроитель столетнего юбилея Оренбурга, торжественно отмеченного в 1843 г. В апреле 1844 г. военный губернатор В. А. Обручев оповестил К. В. Нессельроде, что «генерал-майор Генс, будучи одержим с давнего времени болезнью, совершенно расстроившей его здоровье до такой степени, что нет никакой надежды на излечение»²⁷⁹, и просил о назначении нового председателя Оренбургской Пограничной комиссии. В результате по указу императора от 3 мая 1844 г.²⁸⁰ Г. Ф. Генс был уволен в отставку, но «в награду отличной и полезной службы его» произведен в тайные советники «с оставлением в ведомстве министерства иностранных дел и с сохранением всех получаемых им окладов».

Еще одним знаком признания заслуг Г. Ф. Генса было выделение ему пособия в 1 тысячу рублей серебром, когда его решили отправить для лечения на Кавказские минеральные воды²⁸¹. Сопроводжать его должен был сын Дмитрий, окончивший Дерптский университет и определенный осенью 1844 г. в чине губернаторского секретаря в Оренбургскую Пограничную комиссию. Однако эта поездка не состоялась. Как сказано в письме В. А. Обручева от 13 мая 1845 г., «тайный советник Генс, намеревавшийся с наступлением летнего пути отправиться для поправления своего расстроенного здоровья на Кавказские минеральные воды, на сих днях от возобновившихся сильных болезненных припадков умер»²⁸².

После смерти Г. Ф. Генса его вдова и дочери получили материальное обеспечение²⁸³, а Дмитрий Генс по поручению Русского Географического Общества серьезно занялся изучением рукописей отца. Об этом свидетельствует письмо М. Н. Мусина-Пушкина, отправленное

В. А. Обручеву 9 апреля 1847 г. В нем говорится: «Сын покойного генерал-майора Генса Дмитрий Григорьевич Генс, приступая к приведению в порядок записок родителя своего о Средней Азии и Оренбургском крае, изъявил готовность составлять из них статьи для Русского Географического общества и для сего желал бы пользоваться материалами, находящимися в Канцелярии Вашего высокопревосходительства и Оренбургской Пограничной комиссии. Посему Географическое общество поручило мне обратиться к Вам с покорнейшею просьбою о разрешении сего г. Генсу в полной уверенности, что Ваше Высокопревосходительство не откажете содействовать распространению полезных сведений об отдаленном и столь замечательном крае, находящемся в Вашем управлении»²⁸⁴.

Разрешение было получено и, судя по всему, Дмитрий Генс начал работу, но, к сожалению, летом 1848 г. во время эпидемии холеры он стал одной из ее жертв. Оставшиеся после Г. Ф. Генса рукописи его дочери передали в Азиатский департамент министерства иностранных дел, за что им было выплачено 800 рублей серебром. Впоследствии, в 1859 г., они были возвращены по просьбе Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А. А. Катенина и переданы в библиотеку при его канцелярии²⁸⁵.

Константин Демьянович Артюхов

Сменивший Г. Ф. Генса в 1832 г. в должности директора Неплюевского военного училища инженер-капитан Константин Демьянович Артюхов (1796–1841) был тогда одним из уважаемых старожилор Оренбурга. Не случайно, рекомендуя его на эту должность, военный губернатор П. П. Сухтелен заметил: «По убеждению моему, трудно будет приискать директора, более сего офицера достойного»²⁸⁶.

К. Д. Артюхов получил известность в литературе в связи с тем, что его отметил А. С. Пушкин, посетивший город в 1833 г. Год этот для оренбуржцев был богат важными событиями. Весной к всеобщей горести скоропостижно скончался всеми почитаемый и любимый военный губернатор П. П. Сухтелен, правивший недолго, но успешный сделать много полезного для города и края. На его место был

назначен мало кому здесь известный В. А. Перовский, молодой генерал, отличившийся в войнах и близкий к императорскому двору. Его ожидали настороженно и с опаской.

В. А. Перовский прибыл летом со своей столичной «командой». В нее входил новоиспеченный чиновник особых поручений В. И. Даль, в прошлом – морской офицер, затем военный врач, ставший к тому времени известным писателем. Новоприбывшим предстояло как можно скорее войти в курс дела и сблизиться с местными сослуживцами, среди которых им встретилось немало образованных военных и штатских чиновников, прослуживших в пограничном Оренбурге много лет и хорошо разбиравшихся в сложных вопросах управления краем.

Вступив в должность, В. А. Перовский сразу совершил ознакомительную поездку «для обозрения некоторых частей губернии», а В. И. Даль был с той же целью командирован в земли уральского казачьего войска. По возвращении они были крайне обрадованы: 18 сентября – «нежданный и нечаянный» – приехал А. С. Пушкин и остановился в загородном губернаторском доме у своего старого знакомого Перовского, с которым был «на ты». В. И. Даль, как известно из его воспоминаний, постоянно сопровождал А. С. Пушкина в Оренбурге и ездил с ним в «историческую Бердинскую станицу» [14, с. 260].

Таким образом, А. С. Пушкин общался в Оренбурге прежде всего со своими столичными приятелями – В. А. Перовским и В. И. Далем. Но во время поездки здесь у него появились и новые знакомые. О том, кто из них произвел на него наибольшее впечатление, Пушкин дал понять, переслав в 1835 г. через Перовского свой только что вышедший из печати труд, «Историю Пугачевского бунта», наказному атаману уральского казачьего войска В. О. Покотилову и директору Неплюевского военного училища инженер-капитану К. Д. Артюхову.

С К. Д. Артюховым Пушкин познакомился в день приезда. В. И. Даль рассказывает, как с дороги «свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собеседнику, где в предбаннике расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина» [14, с. 265–266].

Гость, по словам В. И. Даля, «тешился этими картинами, когда веселый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошел, упрямивая Пушкина ради первого знакомства откусывать пива или меду». В последовавшей затем дружеской беседе Артюхов красочно и забавно описывал охоту на вальдшнепов. Эту беседу Пушкин вспомнил в записке к Перовскому, передавая с ним свою книгу «тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем» [65, с. 83].

К. Д. Артюхов вместе с В. И. Далем сопровождал А. С. Пушкина в Бёрды и присутствовал при его разговоре с казачкой Бунтовой. Этот эпизод со слов последней описала гостившая в Оренбурге девица Воронина, встретившаяся с Бунтовой через несколько дней. Казачка говорила, что робела, рассказывая незнакомому Пушкину о Пугачеве, но успокаивало присутствие Артюхова, по ее словам, «приятеля нашего», который наверняка «не захотел бы ввести нас в беду» [11, с. 660].

В. И. Даль, крепко сдружившийся с К. Д. Артюховым, не раз упоминал о нем с большой симпатией. В очерке «Охота на волков» он описан как «всеми любимый охотник, не унывавший никогда, нигде и ни при какой невзгоде и умевший смешить всех» [15, с. 114]. В другом очерке В. И. Даль сообщал, что Артюхов помогал ему в экспериментах, которые должны были подтвердить действенность гомеопатических методов лечения, и характеризует его как «человека здорового телом и душой» [16, с. 340]. Они оба принимали участие в Хивинском военном походе зимой 1839–1840 года. Подпись В. И. Даля значится под духовным завещанием К. Д. Артюхова²⁸⁷, составленном 28 апреля 1841 г. во время болезни, которую он получил в этом походе и от которой так и не оправился.

Биографию К. Д. Артюхова, остававшуюся ранее практически неизвестной, восстановил Р. В. Овчинников, исследователь жизни и творчества А. С. Пушкина. В его очерке [56] использованы как имеющиеся в литературе отрывочные и скудные сведения о К. Д. Артюхове, так и архивные документы, прежде всего формулярный список и духовное завещание.

По словам Р. В. Овчинникова, ему удалось «воссоздать жизненный путь и облик пушкинского знакомого по Оренбургу, глубокого знатока степного края неугомоимого собеседника, добряка и жизнелюбца

Константина Демьяновича Артюхова». Однако в Государственном архиве Оренбургской области имеется немало материалов, которые показывают этого незаурядного человека в ином свете – как высокообразованного военного картографа, одного из членов Оренбургской инженерной команды, чьими трудами в 1820–1825 гг. составлялась первая географическая карта Казахстана и Средней Азии.

В формулярном списке К. Д. Артюхова²⁸⁸, составленном в 1834 г., значит, что он происходит «из российских дворян Пензенской губернии, женат на дочери титулярного советника Неплюева, Елизавете Ивановне; детей нет». Их имущество – «за женой состоит в Оренбурге благоприобретенный деревянный дом». Образование К. Д. Артюхов получил в Петербурге, закончив в 1813 г. 2-й кадетский корпус, и был «командирован кондуктором 2-го класса в Оренбургскую инженерную команду. Он прибыл в Оренбург 18 сентября 1813 г., а в июне 1816 г. – « по предписанию высшего начальства» – был отправлен в столицу для продолжения образования в Главном инженерном училище. Это учебное заведение находилось под патронажем великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I), который в 1818 г. стал генерал-инспектором по инженерной части [33]. Выпускники получали хорошую профессиональную подготовку, что подтверждается утверждением К. Д. Артюхова, что он «знает: фортификацию, механику, физику, часть химии, начертательную геометрию, строительное искусство».

Закончив училище в декабре 1819 г., К. Д. Артюхов вернулся в Оренбург 19 февраля 1820 г. в чине полевого инженер-прапорщика.

Здесь в это время шла активная подготовка к отправлению в Бухару русской дипломатической миссии, которую возглавлял А. Ф. Негри. Включенная в нее группа военных топографов под руководством капитана Е. К. Мейендорфа должна была дать топографическое описание земель по пути следования миссии. Это требовалось для составления карты зауральских степей и Средней Азии, в то время совершенно не известных науке. Чтобы эта карта охватила возможно большую территорию, было решено отправить еще одну топографическую экспедицию в район, находящийся в стороне от маршрута бухарской миссии.

В работе этой второй экспедиции принял участие К. Д. Артюхов. Из посвященного ей объемистого архивного дела²⁸⁹ видно, что Е. К. Мейендорф, прибывший в Оренбург в сентябре 1820 г., предписал П. К. Эссену отправить следующей весной двух военных инженеров для «общего обозрения пространства между крепостями Орской и Троицкой, горою Свинцовою, рекою Тургаем». Каждый из ее участников, пройдя со своим отрядом примерно по 2400 верст, должен был представить материалы, которые дополняют данные, полученные миссией Негри. При этом Е. К. Мейендорф рассчитывал, что в экспедиции примет участие Г. Ф. Генс, познакомившийся с этим районом в 1815 г., но, узнав, что это невозможно, заключил: «Я желаю, чтобы командирован был инженер-поручик Артюхов, о способностях ко-его, деятельности и усердию к службе я слышал самые лестные отзывы»²⁹⁰. Вторым участником экспедиции по решению Эссена стал инженер-подпоручик К. М. Тафаев, также «известный по своим способностям с весьма хорошей стороны».

В выданной им подробной инструкции²⁹¹ говорилось, что они должны, во-первых, собрать топографические сведения об исследуемом пространстве, во-вторых, «узнать возможность его заселения» и, в-третьих, «заметить удобнейшие места для заведения крепостей, редутов и содержания кордонов в летнее время». Предстояло «с возможною подробностью описать горы, озера, болота, реки, ручьи, леса, кустарники и качества почвы земли относительно заведения хлебопашества». Особо подчеркивалось: «Вы имеете определить астрономическими наблюдениями долготу и широту устья реки Кобыря, Свинцовой горы – места самого важного в сей части степи, и по удобности нескольких других пунктов, могущих облегчить составление карты сей полосы»²⁹².

В формулярном списке К. Д. Артюхова записано, что 10 мая 1821 г. он «отправился из Орской крепости в киргизскую степь для военно-топографического обозрения части оной, заключающейся между Орской крепостью, урочищем Тюгушкин, Свинцовою горою и дорогою от сей горы к Троицкой крепости». При реке Кара-Тургае 17 июля членам экспедиции пришлось отражать военное нападение большого отряда кочевников, захвативших у них несколько лошадей

и верблюдов. Возвратилась экспедиция через четыре месяца: 1 сентября К. Д. Артюхов прибыл в Таналыкскую крепость, а 9 сентября – в Оренбург.

Архивные документы показывают, с какими большими трудностями было связано выполнение задания. Представляя отчет о результатах, полученных экспедицией, П. К. Эссен свидетельствовал «о неутомимых трудах» К. Д. Артюхова и К. М. Тафаева, о том, что «испытывая сильные жары минувшего лета, снося все тяготы, сопровождавшие путь их по пространствам киргиз-кайсацких степей, они благоразумно преодолевали множайшие препятствия, затруднявшие успех порученного им дела, и благополучно совершили оное»²⁹³.

К. Д. Артюхов в своем донесении²⁹⁴ сообщил, что они составили генеральную карту обследованного района и топографическую карту, состоящую из 123 листов, а также астрономическими методами определили географическую широту Свинцовой горы. Он очень подробно описал маршрут экспедиционных отрядов, который в силу сложных обстоятельств несколько отличался от предусмотренного инструкцией. Он писал: «Изыясненные обстоятельства воспрепятствовали нам исследовать реку Кара-Тургай, о которой, впрочем, мы старались собрать сведения от киргизцев, сколь можно вернее и подробнее».

В формулярном списке К. Д. Артюхова указано, что «за ревностную и отлично-усердную службу, в сей экспедиции оказанную», он был награжден 28 июня 1822 г. орденом Св. Анны 3 степени.

В 1823 г. К. Д. Артюхов стал участником военно-топографической экспедиции в зауральскую степь под командованием полковника Ф. Ф. Берга. Во время похода группой топографов была произведена съемка пространства между реками Уралом, Орью и Эмбой [67]. В эту группу, кроме К. Д. Артюхова, входили К. М. Тафаев, участник миссии Негри капитан А. К. Тимофеев, прапорщики Н. В. Балкашин и Г. С. Карелин, впоследствии известный натуралист и путешественник. Архивные документы²⁹⁵ рассказывают об обстоятельствах этого нелегкого похода.

В формулярном списке К. Д. Артюхова записано, что 10 мая 1823 г. он «был отряжен в Орскую крепость, а оттуда – в экспедицию по Высочайшему повелению в киргизскую степь под командованием

свиты Его Императорского Величества полковника Берга для военно-топографических съемок, преследования и усмирения мятежных киргизцев». Отмечено, что 8–11 июня 1823 г. он участвовал «в действительных сражениях в вершинах реки Эмбы», 18 июня прибыл в Уральск, а оттуда в Оренбург и что «за ревностную службу и отличные труды, в оной экспедиции понесенные, Всемилостивейше награжден орденом Святого Владимира 4 степени».

В 1826 г. К. Д. Артюхов был произведен в штабс-капитаны. Из формулярного списка выясняется, что, продолжая службу, К. Д. Артюхов 15 мая 1828 г. был «командирован в Казань на пороховой завод для составления проекта на исправление старых и возведение новых заводских строений». В Оренбург он вернулся – «по исправлении такового поручения» – 27 мая 1829 г.

18 июня 1832 г. К. Д. Артюхов, получивший в 1831 г. чин капитана, был утвержден директором Неплюевского военного училища и тогда же «был командирован в Москву для узнания порядка и устройства находящихся там учебных заведений» и «изъясненное поручение с 10 августа по 10 октября того же года исполнил с успехом».

Об этой поездке и начале своей деятельности на новом месте службы К. Д. Артюхов писал позднее в докладной записке военному губернатору В. А. Перовскому: «Прежде вступления моего в должность директора Неплюевского военного училища вследствие представления покойного графа Сухтелена и по согласию на оное Его Императорского Высочества Михаила Павловича я был командирован в Москву для узнания порядка и методы преподавания наук в военно-учебных заведениях. По прибытии в столицу я имел счастье лично представиться Его Императорскому Высочеству и получить от него дозволение обозреть вместе с директором Московского кадетского корпуса все части управления оного с тем, чтобы Неплюевское военное училище по мере возможности и при умножении средств довести до подобного благоустройства. Будучи с детства согриваем отеческими попечениями Монарха, получив воспитание в Главном училище инженеров, я, по возвращении из Москвы в Оренбург, с верноподданническою радостью вступил в отправление должности директора Неплюевского военного училища и имел обязанность

направить таланты вверенных моему попечению питомцев на пользу престолу и отечеству и благим ожиданиям отцов семейств, а нередко и сирой вдовицы, полагающих в детях своих все надежды будущего своего благополучия»²⁹⁶.

Директором Неплюевского военного училища К. Д. Артюхов был три с половиной года, и за это время он получил чин подполковника и был награжден «знаком отличия беспорочной службы за пятнадцать лет». В начале 1834 г. он подал прошение об увольнении от службы. В. А. Перовский, находившийся тогда в Петербурге, узнав об этом, назначил временно исполняющим должность директора своего адъютанта Н. М. Калустова²⁹⁷ и подыскал новую кандидатуру – подполковника И. М. Маркова, который был утвержден в этой должности 11 марта 1837 г.²⁹⁸

Свободным от службы К. Д. Артюхов оставался недолго. Он принял участие в Хивинском походе зимой 1839–1840 гг. в качестве волонтера и испытал все трудности, которые пережил отряд В. А. Перовского. О нем упоминал в своих «Письмах о Хивинском походе» В. И. Даль, подробно описавший события той зимы [17, с. 203].

В награду К. Д. Артюхов получил орден Святого Станислава 4-й степени²⁹⁹. По возвращении он долго болел и 28 апреля 1841 г. составил духовное завещание³⁰⁰, которое начиналось словами: «Я, нижеподписавшийся уволенный от службы инженер-полковник и кавалер Константин Демьянов сын Артюхов, будучи в полном уме и совершенной памяти, пишу сие завещание, чтобы по смерти моей учинено было по этому исполнению». Подписали завещание три свидетеля, одним из которых был В. И. Даль.

Основную часть недвижимого имущества составляло «благоприобретенное сельцо Артюхова Починки», находящееся в Стерлитамакском уезде Оренбургской губернии и «закрывающее в себе 156 ревизских мужеска пола душ, при коем земли 1400 десятин». Имелись и другие земельные владения, а также пай в золотопромышленной компании.

Жене своей, Елизавете Ивановне, за ее «всегдашнюю дружбу и истинно родственную любовь» Артюхов завещал в имении «барский дом со службами и мельницею о двух поставках мукомольных

с обдирным камнем». Кроме того, она, а также родная сестра Артюхова капитанша Ульяна Демьяновна Чулкова и его незамужняя племянница Анна Ивановна Миллер получили поровну по 500 десятин земли и по 50 крепостных крестьян. Племяннику, майору Дмитрию Васильевичу Дмитриеву, кроме земельного надела, был завещан пай в золотой промысел. Ему же Артюхов оставил «все русские книги и рисунки в портфелях», а немецкие книги – племяннице Анне Миллер.

Чтобы уплатить долги и урегулировать денежные дела, К. Д. Артюхов распорядился продать дом в Оренбурге. Из оставшихся после этого денег следовало отдать Преображенскому собору и военной Петропавловской церкви по 200 рублей и им же 100 рублей – для бедных, как сказано в завещании, «на поминовении покойных родителей моих, сестер, братьев и сродников».

Р. В. Овчинников считал, что точная дата смерти К. Д. Артюхова неизвестна. Но, как свидетельствовал в начале XX в. С. Н. Севастьянов [70, с. 52], ему удалось обнаружить на оренбургском городском кладбище надгробный памятник с надписью: «Под камнем сим покоится тело раба Божия инженер-полковника Артюхова. Скончался 16 декабря 1841 г.».

Пётр Иванович Демезон

В русском востоковедении XIX в. почетное место занимает П. И. Демезон (1807–1873), дипломат и ученый, признанный знаток Востока, многолетний директор Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел [29, с. 158–159]. Начало блестящей карьеры востоковеда-практика связано с Оренбургом, с Неплюевским военным училищем и с именами оренбургских губернаторов П. П. Сухтелена и В. А. Перовского.

Петр Иванович Демезон, уроженец города Шамбери в Пьемонте (тогда Сардинское королевство, сейчас область Италии), в молодости приехал в Россию и навсегда остался на русской службе. Как указано в его формулярном списке³⁰¹, он был определен «на казенный кошт» студентом Казанского университета, но учился в Петербурге. Восточным языкам он обучался у известного востоковеда Г. М. Влангали (1781–1834), директора Учебного отделения при Азиатском

департаменте министерства иностранных дел. Другие науки он изучал, слушая лекции в Петербургском университете, и стал учеником знаменитого академика Х. Д. Френа (1782–1851).

Рис. 15. Пётр Иванович Демезон

В 1829 г. П. И. Демезон прибыл в Казань, где сдал экзамен на степень кандидата восточной словесности и был зачислен преподавателем университета. Как казенный воспитанник он должен был прослужить здесь шесть лет. Но в 1831 г. П. И. Демезон был переведен в Оренбург на должность старшего преподавателя арабского и персидского языков Неплюевского военного училища и одновременно определен переводчиком в Оренбургскую Пограничную комиссию. Об этом в формулярном списке сказано лишь несколько слов с упоминанием об «обязательстве прослужить в ведомстве Оренбургского военного губернатора шестилетний срок, назначенный для казенных воспитанников». Обстоятельства его перевода объясняет архивное

дело, начатое 24 августа 1830 г. и озаглавленное «О приглашении в Оренбургский край, на службу, ориенталиста Демезона»³⁰².

Из документов этого дела мы видим, что П. П. Сухтелен, который намеревался провести в Неплюевском училище значительные реформы, надеялся повысить уровень преподавания восточных языков в «азиатском» отделении. Хороших профессионалов он хотел видеть и на должностях «драгоманов», т.е. переводчиков при своей канцелярии и при Оренбургской пограничной комиссии.

Архивное дело открывается письмом П. П. Сухтелена попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину от 25 августа 1830 г.³⁰³, в котором читаем: «Желая приобрести для Оренбургского края отличного ориенталиста и полагая, что г. де-Мезон, обучавшийся у г. Френа в С.-Петербурге, усовершенствовавшийся после того в Казани, желает служить в сем крае, я обращаюсь к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою, не благоугодно ли будет определить г. де-Мезону следующие условия, на каковые я тотчас могу его определить». Молодому востоковеду предлагалось состоять при Неплюевском военном училище для преподавания восточных языков и особенно «для надзора за методою обучения и прилежанием настоящих учителей, по каковому званию он может получать 1200 рублей в год жалования». Одновременно он должен был занять должность «драгомана» при канцелярии военного губернатора «с производством жалования если не свыше, но и не менее 1000 рублей». При желании он мог занять освобождающееся в скором времени место старшего переводчика при Оренбургской Пограничной комиссии с жалованием 1500 рублей.

Несколько ниже³⁰⁴ П. П. Сухтелен замечает, что такое лестное предложение он сделал, «известившись, что в Казанском университете находится кандидат восточной словесности Де Мезон, обучавшийся оной с отличным успехом». Другими словами, вопрос о приглашении Демезона в Оренбург решался с учетом его высокого профессионализма, который ему предстояло проявить как в практической работе при Пограничной комиссии, так и в преподавании восточных языков в Неплюевском училище, повысив уровень подготовки военных переводчиков.

В ответном письме от 25 сентября 1830 г.³⁰⁵ М. Н. Мусин-Пушкин уведомляет П. П. Сухтелена о том, что он направил министру народного просвещения представление «об увольнении Де Мезона вовсе из учебного ведомства» для его определения в Оренбург, а 12 ноября сообщает³⁰⁶, что согласие министра получено. При этом отмечается, что, переходя в ведомство Сухтелена, Демезон должен «прослужить там шестилетний, законом назначенный для казенных воспитанников срок».

21 января 1831 г. П. П. Сухтелен, подтвердив прежние условия, просит распорядиться «об отправке сюда г. кандидата Де Мезона»³⁰⁷. По получении этого письма М. Н. Мусин-Пушкин «предложил Совету Казанского университета отправить кандидата Де Мезона в Оренбург... для определения на службу», о чем сообщает в письме от 31 января 1831 г.³⁰⁸

Далее в деле фигурирует документ, подписанный ректором Казанского университета Николаем Ивановичем Лобачевским (1792–1856). Выдающийся русский математик, создатель неевклидовой геометрии, он занимал ректорскую должность в течение долгих лет и сыграл важную роль в организации высшего образования в России. Ему принадлежит также большая заслуга в превращении Казанского университета 30–50 гг. XIX в. в крупный востоковедческий центр, располагавший богатейшим собранием восточных книг и рукописей и готовивший превосходных специалистов.

21 февраля 1831 г. Н. И. Лобачевский, принимавший, видимо, немалое участие в судьбе Демезона, направил П. П. Сухтелену письмо следующего содержания³⁰⁹:

«Господину Оренбургскому военному генерал-губернатору.

По распоряжению высшего Училищного начальства кандидат восточной словесности Казанского университет Демезон назначен по разрешению господина министра народного просвещения к занятию двух должностей в ведении Вашего сиятельства.

Правление Казанского университета, удовлетворив г. Демезона заслуженным жалованием по 24 сего февраля, сообщив г. Казанскому гражданскому губернатору о выдаче г. Демезону подорожной

от Казани до Оренбурга на две лошади по казенной надобности, имеет честь уведомить о сем Ваше сиятельство, присовокупляя к тому, что нужные сведения для составления послужного списка г. Демезона будут вслед за ним доставлены.

*Ректор университета
Николай Лобачевский».*

При отъезде из Казани Демезон получил от М. Н. Мусина-Пушкина два письма для передачи П. П. Сухтелену – официальное и личное. В официальном, датированном 6 марта 1831 г.³¹⁰, Оренбургскому военному губернатору сообщалось о выдаче Демезону денег «на экипировку» и «на прогоны от Казани до Оренбурга», выплаченных «из сумм университета, на сей предмет положенных, ... заимообразно на счет Неплюевского училища», и просит возвратить их правлению Казанского университета.

Личное же письмо³¹¹ выдержано в совершенно ином стиле и свидетельствует о том, что в Казанском учебном округе к Демезону относились не формально и беспокоились о дальнейшей судьбе талантливого востоковеда. М. Н. Мусин-Пушкин писал:

«Милостивый государь граф Павел Петрович!

Податель сего кандидат Казанского университета Демезон определен, согласно желанию Вашего сиятельства, в Неплюевское училище. Считаю моей обязанностью просить покорнейше Вас, милостивый государь, почтить сего молодого человека благосклонным Вашим покровительством. Я смею надеяться, что г. Демезон своим усердием и благородным поведением, конечно, оправдает мое о нем представительство».

Далее в архивном деле находится официальная переписка П. П. Сухтелена о переводе в Казанский университет денег, выданных там перед отъездом Демезону, и документы, которыми оформлялось его устройство в Оренбурге. Желая видеть его прежде всего в штате Оренбургской Пограничной комиссии, военный губернатор после освобождения вакансии переводчика направил 3 сентября

1831 г. в эту Комиссию письмо с предложением «зачислить кандидата Де-Мезона в штат ее на вакансию переводчика...». При этом предписывалось сохранить ему жалование по Неплюевскому училищу.

Аналогичное письмо было направлено в комитет Неплюевского училища, и в ответ директор училища Г. Ф. Генс 26 ноября 1831 г. представил П. П. Сухтелену рапорт, в котором, в частности, говорилось: «...Комитет Неплюевского военного училища, усматривая из сих бумаг, что г. Де-Мезон вызван Вашим сиятельством главнейше для преподавания наук в Неплюевском военном училище и находя необходимым, чтобы он состоял в зависимости Комитета, потому что занятия его по училищу сопряжены с точным соблюдением определенных на то часов, имеет честь покорнейше просить Ваше сиятельство, не благоугодно ли будет приказать, чтобы он считался определенным в звание старшего учителя при сем заведении, занимаясь при этом переводом бумаг по пограничному управлению»³¹².

Видимо, доводы Г. Ф. Генса убедили П. П. Сухтелена. Поскольку оказалось, что Демезон не имеет чина 9 класса, необходимого для зачисления на должность старшего учителя, 30 ноября он предписал Комитету Неплюевского военного училища: считать, что Демезон состоит в звании учителя персидского и арабского языков «со времени начала преподавания им сих языков». Об этом назначении П. П. Сухтелен сообщал Совету о военно-учебных заведениях в рапорте от 2 декабря 1831 г.³¹³

После окончательного определения основного места службы П. И. Демезона встал вопрос о составлении его послужного списка. В письме от 2 декабря 1831 г., адресованном правлению Казанского университета, П. П. Сухтелен просил прислать необходимые сведения.

В ответном письме из Казанского университета, подписанном 9 декабря 1831 г. Н. И. Лобачевским³¹⁴, значится:

«Господину Оренбургскому военному генерал-губернатору.

Правление Казанского университета, препровождая у сего свидетельство на степень кандидата восточной словесности находящегося на службе в ведомстве Вашего сиятельства Де-Мезону, имеет

честь объяснить, что других сведений, относящихся к службе Де-Мезона, в делах университета не находится, а также не видно и того, чтобы Де-Мезон присягал на верноподданность России.

*Ректор Университета
Николай Лобачевский».*

На письме – резолюция П. П. Сухтелена: *«Привести Де-Мезона к присяге на верность России и взять подписку по обыкновенной форме, не принадлежит ли он к какому-либо тайному обществу»*. Официальное распоряжение об этом комитету Неплюевского военного училища было сделано 22 декабря 1832 г. Одновременно направлялась просьба препроводить в Оренбургскую Пограничную комиссию копию свидетельства на степень кандидата восточной словесности.

Служба в Оренбурге принесла молодому востоковеду необычайный и неожиданный успех. Событие, круто изменившее его судьбу, произошло летом 1833 г., уже при В. А. Перовском, который 15 апреля был назначен исправляющим должность оренбургского военного губернатора и командира Отдельного Оренбургского корпуса после неожиданной кончины 20 марта П. П. Сухтелена.

В. А. Перовский считал необходимым оживить торговые отношения с Бухарой, сократившиеся после эпидемии холеры 1829–1831 гг., тем более что в это время в среднеазиатском регионе усилилась недружественная активность Англии, стремившейся вытеснить Россию с восточных рынков. Вскоре после назначения в Оренбург он решил отправить своего посланца в Бухару с заданием – выяснить положение дел в Средней Азии. Предложенную им кандидатуру ссыльного поляка портупей-поручика И. В. Виткевича в Петербурге отклонили и рекомендовали поручить дело опытному чиновнику. В поисках замены Перовский остановился на переводчике П. И. Демезоне. Архивное дело, содержащее материалы об этой важной дипломатической поездке³¹⁵, начинается письмом В. А. Перовского с подробными наставлениями посланнику. Он пишет: «Благоразумие Ваше должно служить Вам руководством в тех случаях, которые не могут быть предусмотрены, и, помня притом всегда долг службы и присяги, Вы, без сомнения, не уклонитесь никогда от обязанности Вашей».

В своих надеждах В. А. Перовский не обманулся. Отправившись 11 ноября 1833 г. в путь из Орска с торговым караваном, П. И. Демезон под именем татарского муллы Мирзы Джафара добрался в Бухару через сорок пять дней, оставался там до 23 мая следующего года и возвратился в Орск 6 июня 1834 г. Путешествие в Бухару, тогда запретную для европейцев, было сопряжено с большими опасностями. Оно потребовало от П. И. Демезона безупречного владения восточными языками, знания местных обычаев и нравов, а также большого личного мужества и выдержки. Но все дипломатические поручения он выполнил.

В. А. Перовский предписал ему выяснить отношение бухарского правительства к вопросу о безопасности караванной торговли с Россией. Он должен был уверить бухарцев, что «правительство наше желает сохранять доброе согласие с бухарским и потому склонно ко всяким распоряжениям, могущим утвердить связи торговые и дружеские сношения»³¹⁶. Вместе с тем следовало подчеркивать личный характер переданного с ним послания Перовского. Таким образом, миссия Демезона должна была стать и действительно стала первым шагом к обновлению официальных контактов России с Бухарским ханством.

Отчет о поездке, представленный П. И. Демезоном, – это не только документ, важный для внешней политики того времени, но и замечательный научный труд востоковеда, впервые описавшего Бухарское ханство. Его текст, сохранившийся в архиве Министерства иностранных дел, был опубликован только в 1983 г. [23].

В. А. Перовский по достоинству оценил подвиг П. И. Демезона. Архивные документы показывают, как напряженно он ждал его возвращения и сколько стараний приложил, чтобы исходатайствовать ему «за отличное выполнение возложенного на него поручения» орден св. Анны 3-й степени: по существовавшим правилам при малом чине Демезона об этом ордене «нельзя было и думать».

Награду – орден и три тысячи рублей – П. И. Демезон получил в феврале 1835 г. в Петербурге, куда сопровождал В. А. Перовского. На него обратили внимание в Министерстве иностранных дел. Уже тогда он был оставлен в столице «для употребления по делам службы», но на этот раз вскоре возвращен в Оренбург.

Любопытно, что, воспользовавшись его остановкой на обратном пути в Казани, с ним переправили изготовленный в механической мастерской Казанского университета по заказу В. А. Перовского барометр – для первых метеорологических наблюдений в Оренбурге³¹⁷.

По ходатайству В. А. Перовского в 1835 г. П. И. Демезон был переведен на службу в Министерство иностранных дел с оставлением при оренбургском военном губернаторе, а на следующий год окончательно переехал в Петербург, получив должность профессора турецкого и персидского языков в Учебном отделении при Азиатском департаменте.

Александр Никифорович Дьяконов

Многолетний инспектор классов Оренбургского Неплюевского военного училища, а затем кадетского корпуса Александр Никифорович Дьяконов родился в 1797 г. в купеческой семье и, по-видимому, получил хорошее образование. Из его формулярного списка, находящегося среди документов Государственного архива Оренбургской области³¹⁸ следует, что в 1820 г. он поступил на службу в Илецкое соляное правление в должности канцеляриста. Все возложенные на него обязанности «исправлял с особым усердием» и «по способностям к горной части» был произведен в унтер-шихтмейстеры 1-го класса, но в 1823 г. «за слабостью здоровья» от службы уволился.

Дальнейшая деятельность А. Н. Дьяконова связана с преподаванием. В формулярном списке говорится, что в 1828 г. он обратился в Московскую губернскую гимназию с просьбой о выдаче ему «на знание российской словесности, истории, географии и французского языка надлежащего свидетельства» Это свидетельство было им получено, так как «по учиненном ему испытании оказалось, что он знает российскую словесность от грамматики до красноречия, в истории и географии имеет хорошие сведения и знает французский язык по правилам грамматическим».

Преподавать А. Н. Дьяконов начал в январе 1829 г. в Вольском уездном училище, подведомственном Казанскому учебному округу. «Советом Казанского университета, – читаем в документе, – поручена ему должность учителя 1-го класса вместе с поручением

должности штатного смотрителя Вольского уездного училища, из которых последнюю отправлял без жалованья».

Следующая запись в формулярном списке А. Н. Дьяконова свидетельствует, что в 1832 г. в его жизни произошло значительное событие: он переехал в Оренбург и стал преподавателем Неплюевского военного училища. Связанные с этим обстоятельства выясняются благодаря обнаруженному в архиве прошению, которое А. Н. Дьяконов подал военному губернатору П. П. Сухтелену, узнав, что в Неплюевском училище освобождается должность инспектора классов. Из этого интересного документа мы получаем дополнительные сведения о биографии А. Н. Дьяконова.

Он пишет о себе в третьем лице: *«Находящийся в Саратовской губернии городе Вольске старший учитель в уездном училище уволенный из купеческого сословия Александр Дьяконов, думая оставить занимаемую им должность по чрезвычайно недостаточному жалованию, желает занять место в Оренбургском Неплюевском училище. Зная в совершенстве отечественный язык, кроме того, историю и географию, как русскую, так и всеобщую, древнюю и новую, арифметику, алгебру и геометрию, французский язык и много других предметов, Дьяконов имеет аттестат, выданный ему из Московской гимназии по экзамену.*

Сверх того, он известен в литературе по небольшим отрывкам, переводным или собственного сочинения, напечатанных в лучших русских журналах. Из литературных трудов его отмечается перевод книги «Таинства Элевзинские», поднесенный им сочинителю сей книги г. президенту академии наук; равно заслуживает внимания Статистическое описание края, им обитаемого, и множество опытов из истории, статистики и проч.

Большое семейство, состоящее из семи малолетних детей, и бедное состояние, ограничив действия его слишком тесным кругом, лишили возможности употребить деятельность свою с большею пользою для других и своего семейства, и как бы приковали его к одному месту, где он, кроме 225 рублей жалования, не имеет других способов поддерживать свое состояние. Оренбург, по близости от настоящего его пребывания, по дешевизне жизненных потребностей и по множеству там живущих,

нуждающихся в хороших учителях, представляет ему место, где он, занимая испрашиваемую должность, может вести безбедную жизнь, употребляя деятельность свою на пользу юношества.

Если Вашему сиятельству угодно будет уважить просьбу об определении г. Дьяконова к исправлению должности, то он не замедлит представить как аттестат, выданный ему из Московской гимназии, так и опыты его литературных трудов. Равно он поспешит ходатайствовать о своем увольнении от Казанского учебного округа, в ведомстве которого он состоит»³¹⁹.

П. П. Сухтелен, который был серьёзно озабочен уровнем преподавания в Неплюевском военном училище и стремился укрепить его штат квалифицированными учителями, одобрил кандидатуру Дьяконова. В январе 1832 г. начались хлопоты перед министерством народного просвещения о его переводе в военное ведомство. Они увенчались успехом и 7 июня 1832 г. военный губернатор сообщил комитету Неплюевского училища, что «определил инспектором классов и учителем исторических наук учителя Вольского уездного училища Дьяконова»³²⁰.

В Оренбурге А. Н. Дьяконов остался на всю жизнь. Через год после переезда он встретился здесь с прибывшим из столицы писателем и врачом В. И. Далем, который, отказавшись от медицинской карьеры, стал чиновником особых поручений при новом оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском. Вскоре между Далем и Дьяконовым завязались дружеские отношения, основанные на общности литературных и научных интересов. А. Н. Дьяконов стал деятельным членом созданного Далем кружка, который объединил образованных оренбуржцев, интересовавшихся литературой, историей и естественными науками, изучавших Оренбургский край, его природу, обычаи и фольклор. В собраниях этого кружка участвовал председатель Оренбургской Пограничной комиссии и попечитель Неплюевского военного училища Г. Ф. Генс, накопивший за долгие годы службы огромный запас сведений о казахских степях и о Средней Азии. В кружок входил М. И. Иванов, преподававший в Неплюевском училище татарский язык и одновременно служивший переводчиком в Оренбургской Пограничной комиссии. Членом кружка

стал Я. В. Ханьков, выпускник Царскосельского лицея, занявший в 1836 г., как и Даль, должность чиновника особых поручений при В. А. Перовском; он занимался географическим и статистическим описанием Оренбургского края и в дальнейшем прославился работами по картографии и экономической географии [97]. Позднее в кружок вошёл И. Ф. Бларамберг, военный топограф, руководивший картографическими работами в крае и зауральских степях.

В 1838 г. Даль сообщал в одном из писем сестре: *«Нас собралось теперь десять человек, мы собираемся по четвергам поочередно у двух, у меня и генерала Генса, и каждый по очереди занимает остальным вечер своим предметом. Тут один говорит об истории, другой о кайсаках, третий о сравнительной анатомии, четвёртый о Бородинском сражении, пятый о расколах и пр., и пр.»*³²¹.

О работе кружка он писал в 1841 г. М. П. Погодину: «Нашлось здесь человек двенадцать, которые предпочли карточным вечерам предложение моё: сходиться у меня раз в неделю и занимать каждому по очереди других. Это удалось гораздо лучше, чем можно было надеяться; вышло несколько статей таких дельных, умных, занимательных, что хоть бы их читать и не в Оренбурге. Например, философия истории, о происхождении кайсаков, о раскольниках, о новейших делах в Персии, о взаимном отношении аллопатии и гомеопатии и пр. Я читал статью о русском языке, потом физиологию и патологию глаза, потом повести и пр. Это оживляет, подстрекает, греет»³²². В. И. Даль собирался издать сборник докладов, прочитанных на «четвергах». Среди «замечательных и достойных печати» он называл четыре: «Генса – о происхождении кайсаков, Ханькова – о философии истории, Иванова – о мусульманских школах, Дьяконова – о расколах и в особенности об Иргизском монастыре»³²³.

Этими работами, в том числе статьёй Дьяконова, заинтересовался петербургский издатель А. А. Краевский. Даль писал ему: «Дьяконов преподаёт по пяти и шести часов в день, и человек сверх того хворый; много ли тут остаётся времени? Между тем я вытерблую у него статью о раскольниках, статью очень занимательную и любопытную»³²⁴.

Но сильнее всего В. И. Даля и А. Н. Дьяконова связывал общий интерес к русской словесности, любовь к живому русскому языку,

который не искажён, как язык литературный, искусственными словами и оборотами речи, построенными по чужому образцу. Дьяконову было близко убеждение Даля в том, что народный язык «силён, богат, краток и ясен, тогда как письменный язык наш, видимо, пошлеет, превращаясь в какую-то пресную размазню...»

В. И. Даль ещё в ранней юности начал собирать областные слова, пословицы и обороты, услышанные в простом бытовом разговоре, и, по его свидетельству, «записывал их без всякой иной цели и намерения, как для памяти, для изучения языка». Его коллекция значительно обогатилась во время турецкой войны 1828–1829 гг., которую Даль прошёл полевым хирургом. Со временем собранные Далем заметки разрослись настолько, что ему «пришлось призадуматься над ними и решить, хлам ли это, с которым надо развязаться, свалив его в первую сорную яму», или в нём «много крупниц, которые, по русскому поверью, бросать грешно». Однако он решил, что его запасы слов, не вошедшие ни в какие словари, представляют большую ценность и заслуживают того, чтобы посвятить себя обработке этих сокровищ.

Даль утверждал впоследствии, что пришёл к такому решению в Оренбурге, и что, сблизившись с инспектором классов Неплюевского военного училища А. Н. Дьяконовым, нашёл в нём искреннего единомышленника. Он первым поддержал идею создания «Толкового словаря живого великорусского языка» и оказал Далю «умное и дельное сочувствие».

О сотрудничестве Даля с А. Н. Дьяконовым упоминает в своих записках и дочь Даля Екатерина. «Отец дорожил им, – пишет она, – как хорошей летописью, называл его своим «русским учителем» и читал с ним «Киршу Данилова». Тут Дьяконов был как у себя дома и, объясняя отцу былины, утверждал, что они объясняются проще, чем пишут о них в книгах. Он сказал, что чистота песни, даже нередко самый смысл её, часто исчезают перед тем, кто принимается «мудрствовать над ней лукаво», что как просто выливается она из души человека, так же просто и должно ее принимать» [19].

В литературе данных об А. Н. Дьяконове почти не сохранилось. Из архивных документов видно, что жизнь этого незаурядного человека была нелёгкой. Обременённый большой семьёй (у него было три

сына и три дочери) и очень нездоровый, он не имел иных источников дохода, кроме скудного жалования, и постоянно испытывал материальные затруднения. Начатое в 1836 г. архивное дело «Об исходатайствовании соответствующего чина инспектору классов Оренбургского Неплюевского военного училища г. Дьяконову»³²⁵ свидетельствует о попытках помочь ему, которые предпринимали окружающие, – от начальника училища до военного губернатора. Большую роль при этом, вне всякого сомнения, играл В. И. Даль.

Дело начинается рапортом комитета Неплюевского училища за подписью директора К. Д. Артюхова, поданным военному губернатору В. А. Перовскому 10 августа 1836 г. В нём говорится: «Комитет честь имеет донести Вашему превосходительству, что инспектор классов Неплюевского училища, старший учитель истории Дьяконов прослужил в сем звании узаконенный четырехлетний срок. Свидетельствуя о его бесспорной, отлично-усердной службе, Комитет осмеливается всепокорнейше просить Ваше превосходительство удостоить Вашего ходатайства об утверждении Дьяконова в присвоенном его должности классе»³²⁶. Повышение в чине дало бы Дьяконову ощутимую прибавку к жалованию.

В. А. Перовский вступил в длительную переписку с управляющим военно-учебными заведениям Я. И. Ростовцевым, в ходе которой выяснилось, что по положению Дьяконов не мог быть утверждён не только в чине 6-го класса, о чём первоначально просил комитет, но и 8-го. Он имел право только на чин 9-го класса, т.е. титулярного советника. Переписка длилась три года, в течение которых Перовский обращался к начальству ещё дважды. Черновик последнего рапорта, датированный 9 января 1839 г., написан рукой В. И. Даля. Военный губернатор писал Ростовцеву: *«Милостивый государь Яков Иванович! В 1836 году я уже ходатайствовал об утверждении инспектора классов и старшего учителя истории Неплюевского военного училища Дьяконова о присвоенном месту его чине. В прошлом 1838 году... я снова относился к Вам, милостивый государь, по сему предмету, свидетельствуя, в то же время, отлично-усердную и ревностную службу г. Дьяконова. Не получив на последнее отношение ответа, между тем, считая долгом заботиться со своей стороны о поощрении и награждении*

по заслугам этого крайне полезного и неутомимого в трудах чиновника, я решаюсь снова просить Вас, милостивый государь, покорнейше, не отказать мне в ходатайстве своем об утверждении Дьяконова, занимающего издавна двойную должность инспектора и учителя истории, в присвоенном первом из званий чине»³²⁷.

В конце концов, в феврале 1839 г. А. Н. Дьяконов согласился на предложенный ему чин титулярного советника. А через четыре года он уже был коллежским ассесором.

Как свидетельствуют документы другого архивного дела («О выдаче инспектору классов Неплюевского училища г. Дьяконову 1500 руб. в единовременное пособие»)³²⁸, в 1838 г. В. А. Перовский, сочувствуя бедственному положению Дьяконова, выделил ему из средств, находившихся в распоряжении военного губернатора, единовременное денежное пособие «к незначительному окладу получаемого им жалованья». В приложенной к делу справке указано, что «инспектор классов Неплюевского училища г. Дьяконов получает по этой должности 400 руб. и за преподавание истории 720 руб. в год». Перовский сообщил ему в письме от 4 февраля 1838 г.: «Во внимание к отлично-усердной службе Вашей и зная, что при недостаточном состоянии Вы обременены большим семейством, препровождаю к Вам 1500 руб. в единовременное пособие, будучи совершенно уверен, что награда эта поощрит Вас к продолжению полезного служения Вашего».

Об отношении окружающих к А. Н. Дьяконову говорит и письмо В. А. Перовского, написанное во время Хивинского похода 8 марта 1840 г. в лагере при Темире и адресованное Н. В. Балкашину в Оренбург. «Если у Вас есть мои деньги, – пишет Перовский, – то прошу Вас дать 50 руб. Дьяконову, который должен быть в нужде. Скажите ему, что эти деньги оставил я у Вас для него перед отъездом из Оренбурга, а ему забыл сказать, чтобы адресовался к Вам, когда понадобится. Само собою разумеется, что это не должно быть гласно» [98].

Как преподаватель А. Н. Дьяконов пользовался большим авторитетом. Когда после введения в 1840 г. нового положения о Неплюевском военном училище оказалось, что инспектор классов должен иметь офицерский чин, В. А. Перовский добился оставления его,

штатского, в этой должности³²⁹. За время службы он не раз замещал директора учебного заведения.

В. И. Даль, переехавший в 1841 г. в Петербург, продолжал поддерживать А. Н. Дьяконова. Подтверждением может служить ещё одно архивное дело³³⁰, в котором идёт речь о поездке Дьяконова в столицу в 1844 г. по приглашению управляющего военно-учебными заведениями Я. И. Ростовцева. По-видимому, к этому приложил руку В. И. Даль: с указанным ведомством, которое находилось в ведении великого князя Михаила Павловича, он тесно сотрудничал, был назначен редактором и составителем руководств по естественной истории для военно-учебных заведений и написал для них учебники ботаники и зоологии [44].

26 апреля 1843 г. новый оренбургский военный губернатор В. А. Обручев получил от Я. И. Ростовцева письмо следующего содержания: «В военно-учебных заведениях, в Санкт-Петербурге находящихся, с апреля по июнь производятся годовичные испытания, на которых постановлено присутствовать инспекторам классов всех губернских корпусов. Его императорское Высочество, находя полезным, чтобы на означенных экзаменах присутствовал и инспектор классов Оренбургского Неплюевского военного училища коллежский ассесор Дьяконов, который ни разу ещё не был в Санкт-Петербурге и, следовательно, не имел случая ознакомиться с порядком дел в столичных корпусах, повелел мне иметь честь покорнейше просить Ваше превосходительство отправить коллежского ассесора Дьяконова немедленно в Санкт-Петербург». Сообщив Обручеву о «таковой воле Его Императорского Высочества», Ростовцев добавил: «Не изволите ли Вы признать возможным назначить коллежскому ассесору Дьяконову, по недостаточному его состоянию и отдаленности пути, пособие по усмотрению Вашего превосходительства из сумм, в распоряжении Вашем состоящих, независимо от следующих ему в оба пути прогонных денег, и о последующем не оставьте меня уведомить для доклада Его Высочеству»³³¹.

Ясно, что великий князь обратил внимание на рядового провинциального преподавателя лишь по рекомендации влиятельного и очень расположенного к Дьяконову лица. Вряд ли им мог быть кто-либо кроме В. И. Даля.

Препятствий к поездке Дьяконова у Обручева, конечно, не нашлось, но по объективным причинам она состоялась только через год. Местное начальство, выполняя полученное распоряжение, было подчеркнуто внимательно к инспектору классов и выделило ему достаточное денежное пособие. Большую поддержку А. Н. Дьяконову оказало Неплюевское училище. Комитет училища признал очень полезным отправить его в столицу «для наблюдения за методом преподавания наук, производства испытаний и вообще для собрания практических сведений, относящихся к его обязанности, также приисканию хороших учителей и открытию надежнейших источников к снабжению училища учебными пособиями». Кроме того, эта командировка рассматривалась как «особенная награда отлично-усердной службы г. Дьяконова, доставляющая ему возможность расширить свои познания, и, быть может, при пособии петербургских медиков получить облегчение от болезни, пять лет продолжающейся без надежды излечения в Оренбурге»³³².

За этой поездкой последовали другие командировки А. Н. Дьяконова в Петербург с той же целью. Он был отправлен в столицу 28 октября 1847 г.³³³ и 22 июня 1853 г.³³⁴ «для присутствия на экзаменах воспитанников губернских кадетских корпусов».

Заслуги А. Н. Дьяконова по службе в Неплюевском училище, позднее в Неплюевском кадетском корпусе в январе 1854 г. была отмечена орденом Святой Анны 2 степени с императорской короной³³⁵.

К этому времени здоровье его серьезно пошатнулось. В рапорте от 10 августа 1854 г. он сообщил директору, что «по случаю боли в груди и левом боку обязанности по службе исполнять не может»³³⁶, а 8 октября был «уволен, согласно просьбе его, за болезнью, от службы с мундиром»³³⁷.

В. И. Даль последний раз встретился с А. Н. Дьяконовым, когда вместе с семьёй летом 1859 г. посетил Оренбург. Описание этой встречи имеется в неопубликованном разделе записок Екатерины Даль, хранящемся в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге³³⁸. Дочь Даля пишет: «Дьяконов был ужасно рад отцу, позвал внука своего и велел ему помнить, что видел отца моего. Он попросил отца сказать что-нибудь внуку лично, чтобы помнил, что с ним говорил. Отец

поцеловал внука Дьяконова и сказал ему: «Спасибо тебе, что хочешь помнить мои слова. Так помни же, что надо всегда в жизни жить честью и не кривить душой. Ещё помни, что я считаю деда твоего своим учителем русского языка». Умер Александр Никифорович Дьяконов, видимо, вскоре после этой встречи, потому что в 1862 году в «Напутном слове» Даль говорит о нём как о покойном [39].

Мартиниан Иванович Иванов

Со времени своего основания в 1743 г. Оренбург, город-крепость на границе России с среднеазиатскими странами, стал центром практического востоковедения, служившего потребностям внешней политики и торговли в этом регионе. В то же время в Оренбурге развивался интерес и к научному востоковедению, связанному с изучением языков, истории, религии, философии народов Востока. Начало исследованиям в таком направлении положил В. Н. Татищев (1686–1750) во время пребывания начальником Оренбургской комиссии. Он был инициатором собирания восточных рукописей, создания русско-татарско-калмыцкого словаря, основания школы переводчиков.

Большое значение для развития востоковедения в Оренбурге имело открытие в 1825 г. Неплюевского военного училища – одного из первых учебных заведений этого типа, в программе которого важное место занимали восточные языки – татарский, персидский и арабский [30, с. 189]. Обучение длилось шесть лет в трех классах – нижнем, среднем и высшем. В нижнем проходили грамматику, в среднем – синтаксис и учились писать сочинения, а в высшем читали труды восточных авторов на языке оригинала.

Одним из первых выпускников Неплюевского военного училища, а затем его преподавателем был Мартиниан Иванович Иванов. В его формулярном списке, датированном 1833 г.³³⁹, указано, что ему 21 год (т.е. он родился в 1812 г.), что он является «воспитанником коллежского ассесора Глазова» и «недвижимого имущества не имеет». В училище он поступил в 1825 г. и учился превосходно. Об этом свидетельствует «Ведомость о состоянии Оренбургского Неплюевского военного училища за генварскую треть 1830 года»³⁴⁰, в которой М. Иванов значится первым из учеников старшего класса и где его

способности, прилежание и поведение определены высшей оценкой – как «очень хорошие». Так же оцениваются его успехи по татарскому, персидскому, арабскому, французскому и немецкому языкам.

Поэтому понятно, что в 1829 г., ещё не окончив училища, М. Иванов – как сказано в формулярном списке – по предписанию военного губернатора П. К. Эссена «находился переводчиком» при сыне афганского шаха Шахзаде Магомете Мустафе «во время следования его в Санкт-Петербург», причем был «за исполнение с успехом сего поручения Всемилостивейше награжден семидесятью пятью рублями серебром». В 1830 г. ему было предписано «исправлять должность учителя татарского языка при училище».

Курс обучения М. Иванов закончил 27 февраля 1831 г. и был оставлен в той же должности при училище³⁴¹. Вскоре, 10 марта 1832 г., он выдержал в Казанском университете «испытание в знании татарского и персидского языков», после чего получил «право быть учителем татарского языка в гимназиях и также обучать чтению, письму и грамматике персидского языка». На этом основании 22 марта 1832 г. он был утвержден учителем татарского языка в Неплюевском военном училище.

Через некоторое время, 20 сентября того же года, М. Иванов обратился к военному губернатору П. П. Сухтелену с просьбой использовать его также как переводчика³⁴². Он писал: «Чувствуя себя способным к большему занятию по восточным языкам, в знании коих я удостоен от Императорского Казанского университета надлежащим свидетельством, осмеливаюсь ныне предстать с покорнейшею просьбою: не благоугодно ли будет Вашему сиятельству сверх исправляемой теперь должности занять меня другою». Обширная переписка на татарском языке, которую вела канцелярия военного губернатора со среднеазиатскими ханствами, позволяла ему надеяться, что он при этом «не может быть бесполезен». «Весьма ограниченное мое состояние, – добавил М. Иванов, – которое состоит только в 500 рублях годового жалования (самый меньший оклад в сравнении с прочими учителями Неплюевского училища), лишает теперь меня некоторым образом средств с большею пользою заниматься восточными языками».

Далее в архивном деле следует запись: «1832 года сентября 26-го дня Оренбургский военный губернатор генерал-адъютант граф Сухтелен приказал, согласно изъявленному желанию учителем татарского языка Неплюевского военного училища Ивановым, употреблять его сверх постоянной должности для переводов при канцелярии своей, производя жалованье ему из остаточных сумм на триста рублей в год»³⁴³.

В архивных документах имеются сведения и о личной жизни М. Иванова: 17 августа 1833 г. он подал В. А. Перовскому рапорт: «Прикомандированный к канцелярии Вашего превосходительства для исправления должности переводчика учитель Неплюевского военного училища Иванов просит позволения вступить в брак с обер-офицерскою дочерью девицею Богородской, проживающей в Илецкой Защите»³⁴⁴. В 1841 г., как видно из формулярного списка, датированного этим годом³⁴⁵, в семье М. Иванова было уже трое детей – сын и две дочери.

М. И. Иванова отличали стремление к глубокому изучению восточных языков и интерес к востоковедению. Несомненно, он испытал на себе влияние П. И. Демезона, который до 1835 г. был учителем персидского и арабского языков в Неплюевском военном училище и переводчиком при Оренбургской пограничной комиссии.

М. И. Иванов вошел в круг оренбургской интеллигенции. Он стал одним из участников кружка, организованного В. И. Далем. На заседаниях этого кружка, происходивших по четвергам, обсуждались различные вопросы науки и литературы, преимущественно касавшиеся Оренбургского края. Среди сделанных на «четвергах» докладов В. И. Даль упоминал сообщение М. И. Иванова о медресе – учебных заведениях мусульманского Востока [44, с. 193–194].

О дружбе М. И. Иванова с В. И. Далем и об их научном сотрудничестве свидетельствует примечание к опубликованному Далем в 1835 г. русскому переводу татарской легенды «Жизнь Джингизхана» [18]. Здесь он, выражая благодарность Абдулле Давлетшину и Мартиниану Иванову, пишет: «Кажется, перевод верен и близок; впрочем, подлинник во многих отношениях сбивчив и неясен, да притом и словарь татарского у нас в России нет вовсе. Я ссылаюсь во

всем, что сделал, на муллу Абдуллу и на учителя татарского языка при Неплюевском военном училище г. Иванова, который со всегдашним радушием и готовностью нередко служил мне, так сказать, живым словарём».

Как следует из формулярного списка М. И. Иванова³⁴⁶, он успешно совмещал преподавательскую деятельность с работой переводчика при канцелярии военного губернатора. В 1835 г. он был произведен в титулярные советники.

М. И. Иванов участвовал в качестве переводчика в Хивинском походе зимой 1838–1839 гг. Встретившиеся при этом трудности он делил с В. И. Далем, который упоминал об этом в опубликованных в 1867 г. «Письмах из Хивинского похода» [17]. В формулярном списке М. И. Иванова сказано, что «в воздаяние ревностной службы и трудов, понесенных в экспедиции 1839 и 1840 годов в киргизской степи» он был пожалован орденом Святого Станислава 3 степени».

После похода М. И. Иванов выполнял важные поручения В. А. Перовского: он сопровождал в Петербург послов от среднеазиатских ханов. С 21 сентября по 23 апреля 1841 г. он был командирован к посольству эмира Бухарского, а вернувшись, вновь отправился в столицу, сопровождая посланцев Хивинского хана, и возвратился в Оренбург летом 1842 г.³⁴⁷

Несмотря на множество служебных обязанностей, М. И. Иванов находил возможность заниматься теоретическим востоковедением. Интерес к восточным языкам привел его к идее создания учебника татарского языка. О том, что уже в 1836 г. он написал «Татарскую грамматику» и работал над «Татарской хрестоматией» свидетельствует его письмо от 22 декабря 1836 г. В. И. Далю³⁴⁸, находившемуся вместе с В. А. Перовским в командировке в Петербурге. М. И. Иванов писал:

«Владимир Иванович! Милостивый государь!

Наконец, и нам, оренбуржцам, досталось писать в Питер, да только о чём писать в такую столицу? Это трудно разрешить. – Новость у нас теперь одна: вьюги да метелицы, Снег валит, мороз морозит, метелицы метут. И вот на-днях был двои сутки бурян при 20° холоду и забурения, в свою очередь, человек двадцати в окрестностях

Оренбурга. Но нам, обычным здесь, эти новости не в диковинку, да и Вам, чать, также» О некоторых оренбургских новостях Иванов, опасаясь цензуры, пишет по-татарски арабским шрифтом, а кроме того, жалуется Далю на свои служебные затруднения. Затем он переходит к «Татарской грамматике», рукопись которой высылает Перовскому для представления в цензурный комитет, и просит Даля о содействии. «Так или нет это обделано, Вы сами увидите, – пишет он, – только попрошу Вас покорнейше не оставить меня в этом своим покровительством».

Письмо заканчивается просьбой сообщить о его следующей книге, «Татарской хрестоматии» знаменитому востоковеду академику Х. Д. Френу: «Если будете иметь случай видеть г. Френа, покажите ему оглавление моей Хрестоматии, что скажет о ней». Это поручение послужило поводом для визита В. И. Даля к академику, после чего у них завязалась переписка и установились научные взаимоотношения [41].

Работа над «Татарской хрестоматией» была закончена в 1841 г. При её написании М. И. Иванов стремился содействовать распространению литературного татарского языка. Сочинение состоит из двух разделов. В первом приведены собранные автором образцы устного творчества татарского народа (пословицы, песни, загадки). Второй раздел содержит отрывки из классических произведений тюркоязычных писателей, в том числе великого поэта Востока Алишера Навои. Интересно, что М. И. Иванов включил в хрестоматию собственные переводы на татарский язык семнадцати басен И. А. Крылова и других русских писателей.

Относительно завершенной ранее «Татарской грамматики» выдающийся востоковед В. В. Григорьев писал, что она «представляет собой по существу сравнительную грамматику, в которой строй татарского языка сравнивается с таковым башкирского и казахского языков» [30, с. 263]. Обе книги М. И. Иванова были в 1841 г. представлены В. А. Перовским к печати. В ГАОО хранится «Дело об отправке в цензурный комитет хрестоматии на татарском языке, составленной преподавателем Неплюевского военного училища Ивановым»³⁴⁹, которое касается издания этих книг.

Дело начинается письмом военного губернатора от 10 января 1841 г. в цензурный комитет с просьбой рассмотреть рукопись

«Татарской хрестоматии» и вернуть ее с соответствующим заключением. Разрешение печатать рукопись, датированное 22 января, сопровождается рецензией профессора Мухлевского, который заключил, что «сочинение это, весьма интересное для восточной филологии», заслуживает публикации.

В. А. Перовский решил печатать обе книги М. И. Иванова одновременно в типографии Казанского университета. По этому поводу он писал 1 июня 1841 г. попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину: «В бытность мою в Казани я имел честь лично объясняться с Вашим превосходительством об отпечатании в типографии Казанского университета «Татарской хрестоматии», составленной титулярным советником Ивановым. Ныне, желая привести это в исполнение и сверх того отпечатать там же «Татарскую грамматику», честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство сообщить мне предварительно образцы мелкого татарского корпуса в прилагаемом формате». На ответном письме, в котором уточнялся вопрос о шрифте, он поставил резолюцию: «Отпечатать 1200 экземпляров», отметив, что на это издание выделяется 600 рублей серебром.

Началась деловая переписка – о цене бумаги, типографской работы и т.д. В Казань была сначала отправлена «Татарская хрестоматия», а «Татарскую грамматику» выслали позже. О готовности её рукописи к «дополнительной отсылке» говорится в письме М. И. Иванова от 17 сентября 1841 г., в котором он также просит у В. А. Перовского дозволения «украсить означенные книги» посвящением его имени.

В. А. Перовский в это время готовился оставить службу в Оренбурге и перед отъездом приводил в порядок начатые дела. В своём письме, написанном уже в Петербурге 26 января 1842 г.³⁵⁰, он отдал распоряжение о книгах, изданных его канцелярией, а именно об «Естественной истории Оренбургского края» Э. А. Эверсмана, напечатанной в Оренбурге, и печатавшихся в Казани книгах М. И. Иванова. О последних говорится: «По 200 экземпляров татарской грамматики и хрестоматии по отпечатании их выдать Неплюевскому училищу. По 800 экземпляров тех же книг предоставить в полное распоряжение сочинившего их титулярного советника Иванова». Оставшиеся экземпляры предписывалось «хранить в канцелярии на случай надобности».

Однако предприятие, начавшееся столь успешно, закончилось драматически: 24 августа 1842 г. в типографии Казанского университета случился страшный пожар, который уничтожил почти весь тираж книг М. И. Иванова. Сохранились считанные экземпляры, так что эти сочинения, получившие высокую оценку востоковедов, стали библиографической редкостью [30, с. 262–263].

Летом 1842 г., когда В. А. Перовский оставил должность оренбургского военного губернатора, М. И. Иванов подал директору Неплюевского училища М. И. Маркову прошение «об увольнении в отставку по расстроенному его здоровью»³⁵¹. При этом, как писал директор, было «известно, что он приискал уже себе место в частной службе и посему не может продолжать преподавание лекций в училище». В результате М. И. Иванов был «уволен в отставку с правом ношения мундира, старшим учителям присвоенного»³⁵².

В дальнейшем он, по-видимому, успешно занимался предпринимательством и его дела процветали. В 1852 г., как указано в «Списке дворян Оренбургской и Самарской губернии»³⁵³, Мартиниан Иванович Иванов владел в Стерлитамакском уезде 90 душами крепостных крестьян и 500 десятинами земли.

Представляет интерес архивный документ, датированный 10 октября 1855 г. и свидетельствующий о положении М. И. Иванова в это время. Это докладная записка, поданная им Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору В. А. Перовскому. В ней говорится: *«Войсковое правление Оренбургского казачьего войска испрашивает у Вашего сиятельства разрешения на сожжение архивных дел прежних лет. А как я занимаюсь отделкою оберточной бумаги, на которую с прибавкою тряпья можно употребить эти дела, то не благоугодно ли будет Вашему сиятельству разрешить Войсковому правлению продать их мне. Я могу дать копейку серебром за пуд. Коллежский ассессор Иванов»*³⁵⁴. Выяснив, что это не нарушает закона, В. А. Перовский разрешил продажу назначенных к уничтожению старых архивных дел М. И. Иванову «для употребления оных на принадлежащей ему бумажной фабрике»³⁵⁵.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

¹ Судя по ссылке С. Н. Севостьянова, это архивное дело, начатое в 1806 г. и законченное в 1817 г., содержало 716 листов. В настоящее время под тем же названием значится дело: ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2006. Оно начато в 1806 г., закончено в 1808 г. и содержит 71 лист.

² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 2006. Лл. 3-4.

Поскольку все использованные в работе материалы принадлежат ГАОО, в дальнейшем название архива опускается.

³ Ф. 6. Оп. 2. Д. 2006. Лл. 5-13.

⁴ Там же, л. 17.

⁵ Ф. 222. Оп. 1. Д. 2; Ф. 6. Оп. 10. Д. 2104.

⁶ Ф. 6. Оп. 7. Д. 279 а. Л. 2 об.

⁷ Ф. 6. Оп. 10. Д. 3314. Лл. 1-1об.

⁸ Там же, лл. 7-8.

⁹ Ф. 6. Оп. 7. Д. 279 а.

¹⁰ Там же, л. 53 об.

¹¹ Ф. 6. Оп. 10. Д. 3335.

¹² Ф. 6. Оп. 10. Д. 3314. Лл. 17-22.

¹³ Там же, лл. 23-24 об.

¹⁴ Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860. Л. 470.

¹⁵ Ф. 6. Оп. 7. Д. 279 а. Л. 143 а.

¹⁶ Ф. 6. Оп. 10. Д. 3314. Лл. 9-11.

¹⁷ Там же, лл. 35-36.

¹⁸ Там же, л. 53-53 об.

¹⁹ Ф. 6. Оп. 7. Д. 279 а. Лл. 143-144 об., 157-160.

²⁰ Там же, л. 148 об.

²¹ Там же, л. 188 об.

²² Там же, лл. 667-670.

²³ Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912. Лл. 1-2.

²⁴ Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в. Лл. 667-670.

²⁵ Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Лл. 192 об.-194.

²⁶ Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в.; д. 4053. Лл. 194 об.-195.

²⁷ Ф. 6. Оп. 7. Д. 279-а. Лл. 553, 576-577-об., 588.

²⁸ Ф. 6. Оп. 10. Д. 3335. Л. 19.

- 29 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912. Л. 24 об.
30 Там же, лл. 4 об., 5-11.
31 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3848. Лл. 30, 78-78 об.
32 Там же, л. 416.
33 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в. Лл. 378-380, 394-395, 434-434 об.
34 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3848. Л. 420.
35 Там же, л. 111.
36 Ф. 6. Оп. 10. Д. 366. Лл. 1-2.
37 Там же, лл. 3-16.
38 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в. Лл. 232-235.
39 Ф. 6. Оп. 10. Д. 279-а. Л. 496.
40 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в. Л. 145.
41 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3848. Л. 322.
42 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в. Лл. 460-463.
43 Там же, лл. 236, 239.
44 Там же, лл. 407-408.
45 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Лл. 187-189; Д. 4531. Лл. 20-34.
46 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в. Лл. 416-417 об.
47 Там же, лл. 422-423, 425, 465.
48 Там же, лл. 470-470 об., 497-497 об.
49 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912. Лл. 35-36 об.
50 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Лл. 175-180.
51 Ф. 6. Оп. 10. Д. 2318.
52 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3104.
53 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912. Л. 36 об.
54 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4052. Л. 137 об.
55 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Л. 210.
56 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в. Лл. 232-235.
57 Там же, лл. 20-20 об.
58 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912. Лл. 38-43 об.
59 Там же, л. 39 об.
60 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3848. Лл. 104-104 об., 116-117, 299.
61 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в. Лл. 617-617 об.
62 Там же, л. 620.
63 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912. Лл. 135 об.-163 об.
64 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3848. Лл. 493-494 об.
65 Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л.3.

-
- 66 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3850. Лл. 7-8 об.
- 67 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860-в. Лл. 721-721 об., 724
- 68 Ф. 6. Оп. 10. Д. 279-а. Лл. 373-373 об.
- 69 Там же, лл. 569-569 об., 672.
- 70 Там же, лл. 578-578 об.
- 71 Там же, лл. 588, 629, 649-652.
- 72 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3739.
- 73 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3848. Лл. 336-339, 341-345.
- 74 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3991. Лл. 7-7 об.
- 75 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3801.
- 76 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3848. Лл. 418 об.-421.
- 77 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3993-а.
- 78 Там же, лл. 4-5.
- 79 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912. Лл. 204-204 об.
- 80 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Лл. 7-10 об.
- 81 Там же, лл. 37-37 об.
- 82 Ф. 6. Оп. 7. Д. 778. Л. 6 об.
- 83 Ф. 6. Оп. 11. Д. 4052. Лл. 82-82 об.
- 84 Там же, лл. 87-87 об.
- 85 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4052. Лл. 137-141 об.
- 86 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Лл. 221-230.
- 87 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4052. Лл. 243 об.-246.
- 88 Там же, лл. 275-275 об.
- 89 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 207.
- 90 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4052. Л. 195.
- 91 Там же, лл. 16-17, 24-25, 102-102 об.
- 92 Там же, л. 121 об.
- 93 Там же, лл. 203-204, 236-236 об, 265-265 об.
- 94 Там же, лл. 304-305, 308-308 об.
- 95 Ф. 6. Оп. 10. Д. 2459. Лл. 260-260.
- 96 Ф. 6. Оп. 10. Д. 11082. Лл. 342-377.
- 97 Ф. 6. Оп. 4. Д. 10037. Лл. 30, 41-42, 88-88 об.
- 98 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4515.
- 99 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4629. Л. 1.
- 100 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4641. Л. 6.
- 101 Там же, лл. 14-15 .
- 102 Ф. 6. Оп. 5. Д. 11319. Л. 168 об.

- ¹⁰³ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5104. Л. 1.
¹⁰⁴ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5485. Л. 64.
¹⁰⁵ Ф. 6. Оп. 10. Д. 4798. Лл. 15-18.
¹⁰⁶ Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912. Лл. 238-288, 300-386, 460-510 и др.
¹⁰⁷ Там же, лл. 540-541.
¹⁰⁸ Там же, лл. 551-552.
¹⁰⁹ Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
¹¹⁰ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5104. Лл. 57-70.
¹¹¹ Там же, лл. 58-58 об.
¹¹² Там же, л. 91.
¹¹³ Там же, лл. 64 об.-65, 74.
¹¹⁴ Там же, лл. 87-87 об.
¹¹⁵ Там же, лл. 66 об.-67.
¹¹⁶ Там же, лл. 91 об.-92.
¹¹⁷ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5106/б. Лл. 11 об.-12.
¹¹⁸ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5104. Лл. 142-145 об.
¹¹⁹ Там же, лл. 143-143 об.
¹²⁰ Там же, лл. 177-178.
¹²¹ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5106/б. Лл. 9 – 9 об.
¹²² Ф. 6. Оп. 10. Д. 5104. Лл. 144 об. – 145.
¹²³ Там же, лл. 146 об.-147.
¹²⁴ Там же, лл. 236, 241-242.
¹²⁵ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5108/1. Лл. 43-43 об., 64-65 об.
¹²⁶ Ф. 6. Оп. 11. Д. 11615/5. Л. 182.
¹²⁷ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5241. Л. 170.
¹²⁸ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5041. Л. 470.
¹²⁹ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5108/1. Л. 30.
¹³⁰ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5293. Лл. 15-18, 22-23 об.
¹³¹ Ф. 6. Оп. 10. Д. 4606/б.
¹³² Там же, лл. 1-2.
¹³³ Там же, лл. 4-5.
¹³⁴ Ф. 6. Оп. 10. Д. 3850. Лл. 197 об.-198.
¹³⁵ Там же, лл. 223-223 об.
¹³⁶ Там же, лл. 237-237 об.
¹³⁷ Ф. 6. Оп. 11. Д. 5443. Лл. 1-1 об.
¹³⁸ Ф. 6. Оп. 10. Д. 5108/1. Лл. 27 -29 об.
¹³⁹ Ф. 6. Оп. 6. Д. 12979/12.

-
- 140 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5358.
141 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5515. Лл. 12 об. – 13.
142 Там же, лл. 9-9 об.
143 Там же, лл. 13-13 об.
144 Там же, лл. 3-3 об.
145 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5293. Лл. 23-23 об.
146 Там же, лл. 31-31 об.
147 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5383. Л. 35 об.
148 Там же, лл. 46, 54-55.
149 Там же, л. 104.
150 Там же, лл. 132-133.
151 Там же.
152 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 110.
153 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5459. Л. 1.
154 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5515. Л. 220.
155 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5975. Л. 1.
156 Там же, лл. 2-2 об.
157 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 123.
158 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5975. Лл. 10-11.
159 Там же.
160 Там же, л. 17.
161 Там же, лл. 35-35 об.
162 Там же, лл. 60-60 об.
163 Там же, лл. 117-118.
164 Там же, лл. 121-121 об., 137-137 об.
165 Там же, лл. 36-38.
166 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6377. Л. 2 об.
167 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6155. Л. 86.
168 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6667. Л. 3-3 об.
169 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6139. Л. 1-1 об.
170 Там же, лл. 5-6.
171 Там же, лл. 7-8.
172 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6149.
173 Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.-11.
174 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 9. Л. 17-22 об.
175 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 14. Л. 7.
176 Ф. 6. Оп. 6. Д. 13254/16. Лл. 75 об., 102.

- 177 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 6. Лл. 164-165 об.
178 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 11. Лл. 138 об.-139.
179 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 6. Лл. 200-201 об.
180 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 11. Л. 59.
181 Там же, л. 71 об.
182 Там же, лл. 192-192 об.
183 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 157.
184 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 9. Л. 20.
185 Там же, л. 21.
186 Там же, лл. 21 об.-22.
187 Там же, лл. 190-192.
188 Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
189 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6464. Лл. 1-3.
190 Там же, лл. 6-8 об.
191 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6650.
192 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6600. Л. 49.
193 Там же, л. 133.
194 Там же, л. 168.
195 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6955. Лл. 176-176 об.
196 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 22.
197 Там же, лл. 7 об.-8.
198 Там же, л. 10.
199 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6739.
200 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6600. Л. 91.
201 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 139.
202 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 11. Лл. 248-249.
203 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6955. Л. 158 об.
204 Там же, лл. 207-207 об.
205 Ф. 6. Оп. 10. Д. 6667. Лл. 3-3 об.
206 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 158.
207 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 30. Лл. 1-1 об.
208 Там же, л. 7.
209 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 170.
210 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 6. Лл. 333-333 об.
211 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 164.
212 Ф. 6. Оп. 6. Д. 13281.
213 Ф. 6. Оп. 10. Д. 7283.

-
- 214 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 28. Лл. 9-13 об.
- 215 Там же, лл. 7-7 об.
- 216 Ф. 6. Оп. 6. Д. 13341/10. Л. 205.
- 217 Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 12-12 об.
- 218 Там же, л. 12 об.; Ф. 6. Оп. 10. Д. 7420. л.2.
- 219 Ф. 6. Оп. 10. Д. 7420. Л. 2 об.
- 220 Там же.
- 221 Там же, л. 3.
- 222 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 28. Лл. 19- 21.
- 223 Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- 224 Ф. 6. Оп. 10/1. Д. 28. Лл. 47-47 об.
- 225 Там же, лл. 49-49 об.
- 226 Ф. 6. Оп. 6. Д. 13341/10. Л. 247-247 об.
- 227 Ф. 328. Оп. 1. Д. 1.
- 228 Там же, л. 17.
- 229 Там же.
- 230 Там же, л. 22 об.
- 231 Там же, л. 200.
- 232 Там же, л. 207.
- 233 Там же, л. 215.
- 234 Там же.
- 235 Ф. 6. Оп. 10. Д. 8131 а.
- 236 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 231.
- 237 Там же, л. 262.
- 238 Там же, лл. 598-600.
- 239 Там же, л. 598.
- 240 Там же, л. 625.
- 241 Там же, л. 396.
- 242 Там же, лл. 404, 412, 436, 439, 452, 474, 476, 480, 492.
- 243 Там же, л. 492.
- 244 Там же, л. 601.
- 245 Там же, л. 242.
- 246 Там же, л. 771.
- 247 Ф. 38. Оп. 2. Д. 3 Л. 260.
- 248 Там же.
- 249 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 260.
- 250 Там же, л. 651.

- 251 Ф. 38. Оп. 2. Д. 41. Лл. 5-8.
252 Там же, л. 389.
253 Там же, л. 346.
254 Там же, л. 620.
255 Там же, л. 668.
256 Там же, л. 680.
257 Там же.
258 Ф. 169.
259 Ф. 169. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
260 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5445. Лл. 10-19.
261 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Л. 167.
262 Ф. 6. Оп. 10. Д. 1655.
263 Ф. 6. Оп. 3. Д. 5826 а.
264 Ф. 6. Оп. 10. Д. 1883.
265 Ф. 6. Оп. 10. Д. 2291. Л. 78 об.
266 Там же, л. 24
267 Ф. 6. Оп. 10. Д. 2314. Лл. 102-106.
268 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3485.
269 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3926. Л. 1
270 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4392.
271 Там же, л. 3
272 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4569.
273 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4392. Л. 6.
274 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4534,4716.
275 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4904.
276 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4923.
277 Там же, л. 2.
278 Ф. 6. Оп. 6. Д. 11651. Л. 16.
279 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5516 а. Л. 1.
280 Там же, лл. 35-35 об.
281 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5587. Л. 6-6 об.
282 Там же, лл. 13-13 об.
283 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5659, 5934.
284 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5827. Лл. 1-1 об.
285 Там же, лл. 11-12, 20-21 об.
286 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3912. Л. 36 об.
287 Ф. 173. Оп. 5. Д. 9815. Л. 6.

-
- 288 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Лл. 175-180; Оп. 5 Д. 116/514. Лл. 1-8.
- 289 Ф. 6. Оп. 10. Д. 2291.
- 290 Там же, л. 13.
- 291 Там же, лл. 6 – 9.
- 292 Там же, л. 8.
- 293 Там же, л. 694.
- 294 Там же, лл. 678-680 об.
- 295 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3104.
- 296 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4052. Лл. 137-137 об.
- 297 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4629. Л.1.
- 298 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4641. Лл. 2-2 об.
- 299 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5141. Лл. 17 об, 61 об.
- 300 Ф. 173. Оп. 5. Д. 9815.
- 301 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Лл. 193 об. – 194.
- 302 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3666.
- 303 Там же, лл. 1-2.
- 304 Там же, л. 13.
- 305 Там же, л. 3.
- 306 Там же, л. 4.
- 307 Там же, л. 5.
- 308 Там же, л. 6.
- 309 Там же, л. 7.
- 310 Там же, л. 9.
- 311 Там же, л. 8.
- 312 Там же, лл. 16-17.
- 313 Там же, л. 20.
- 314 Там же, л. 21.
- 315 Ф. 6. Оп. 7. Д. 778.
- 316 Там же, л. 6.
- 317 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4350.
- 318 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Лл. 187-189.
- 319 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860 в. Лл. 416-417 об.
- 320 Там же, лл. 472-472 об.
- 321 Институт русского языка и литературы РАН (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. Д. 27416/ СХСVI d.10.
- 322 Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 231/II. Оп. 10. Д. 16.
- 323 Там же, Ф. 391.Д. 318. Л.5.

- 324 Там же, лл. 8-8 об.
325 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4531.
326 Там же, лл. 1-1 об.
327 Там же, лл. 36-36 об.
328 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4694.
329 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5104.
330 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5417.
331 Там же, лл. 1-1 об.
332 Там же, л. 2 об.
333 Ф. 328. Оп. 1. Д. 3. Л. 115.
334 Там же, л. 136.
335 Там же, л. 149.
336 Там же, л. 151.
337 Там же, л. 152; Ф. 6. Оп. 10. Д. 6955. Л. 207-208.
338 Институт русского языка и литературы РАН (Пушкинский Дом). Руко-
писный отдел. Ф. 205. Оп. 2. Д. 834. Л. 55.
339 Ф. 6. Оп. 10. Д. 4053. Лл. 194 об-196.
340 Ф. 6. Оп. 7. Д. 279 а. Лл. 667 об-668.
341 Ф. 6. Оп. 10. Д. 3860 в. Л. 147.
342 Ф. 6, оп. 5. Д. 10485, лл. 1-2 об.
343 Там же, л. 3.
344 Там же, л. 4.
345 Ф. 6, оп. 5. Д. 11615/5. Лл. 117-182.
346 Там же.
347 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5241. Л. 470.
348 Институт русского языка и литературы РАН (Пушкинский Дом). Руко-
писный отдел. Д. 27321.1/ СХС VI б. Лл. 5-9.
349 349 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5110/1.
350 Там же, л. 21.
351 Ф. 6. Оп. 10. Д. 5298. Лл. 15-16.
352 Там же, лл. 46-46 об.
353 Ф. 6. Оп. 8. Д. 42. Л. 13.
354 Ф. 6. Оп. 12. Д. 1215. Л. 1.
355 Там же, лл. 3-4 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алекторов А. Е. Очерк народного образования в Тургайской области. Летопись 1744-1898 гг. Оренбург, 1900.
2. Аносов А. А. Неплюевское военное училище и его роль в становлении естественнонаучного образования в Оренбургской губернии // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып. 2. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С. 71-83.
3. Анучин Д. Н. Александр фон Гумбольдт как путешественник и географ, в особенности как исследователь Азии //А. Гумбольдт. Центральная Азия. Пер. с фр. П. И. Бороздина. М., 1915. С. IX–CCLXII.
4. Белавин К. А. Оренбург. Географико-статистический очерк. Оренбург, 1891.
5. Болодурин В. С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735-1940 годы). Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2001.
6. Большен Е. М. Михаил Григорьевич Попруженко // Матем. в школе. 1958. № 5. С. 59-61.
7. Варламов С. А. Оренбургские художники. Оренбург, 1963.
8. Васильев А. В. Оренбургский Неплюевский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург, 1896.
9. Вертоусова Е. Г. «Доставить просвещенных чиновников». (История открытия военного училища в Оренбурге) // Вечерний Оренбург. 1995. № 44 (2 ноября).
10. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.3. Казань, 1897. С. 945-962.
11. Воронина В. З. Письма из Оренбурга 1833 года // Рус. архив. 1902. Кн. 2. № № 5-8. С. 643-660.

12. Гра А. П. Феофил Матвеевич Самоцвет. // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии (ОУАК). Вып. XIX. 1907. С. 81-84.
13. Гуляев Г. А. Старинные воспоминания // Оренбургский листок. 1902. № 48; 1903, № 2.
14. Даль В. И. Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т.2.
15. Даль В. И. Охота на волков // Владимир Иванович Даль. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2001. С. 112-125.
16. Даль В. И. Гомеопатия. Еще письмо к доктору Зейделю // Неизвестный Владимир Иванович Даль. Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002. С. 339-341.
17. Даль В. И. Письма о Хивинском походе // Владимир Иванович Даль. Документы. Письма. Воспоминания. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2008. С. 176-231.
18. Даль В. И. Жизнь Джингиз-хана. Татарская сказка. Перевод с татарского // Журнал «Сын Отечества». 1835. Т. 47. С. 195-230.
19. Даль Е. В. Воспоминания // Альманах «Гостинный двор». № 1-2. 1995.
20. Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренб. Отделения Русского Геогр. Общества. Вып. 15-17. Оренбург, 1900-1902.
21. Жуковский И. В. Краткое обозрение событий Оренб. края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. СПб. 1832.
22. Залесов Н. Г. Записки // Русская старина. 1903. С. 46-53.
23. Записки о Бухарском ханстве. Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича. Отв. ред. Н. А. Халфин. М.: Наука, 1983.
24. Зобов Ю. С. Историка Южного Урала. Вторая половина XIX – начало XX в. Оренбург: Издательство ОГПИ. 1991.
25. Зобов Ю. С. Градоначальник Оренбурга и краевед Николай Акимович Середа // Помнят степи певца Украины. Матер. науч.-практ. конф., посв. 185-й годовщине со дня рожд. Т. Г. Шевченко. Оренбург, 2000. С. 96-102.

-
26. Зобов Ю. С. Историки и исследователи Оренбургского края. Историко-биографические очерки. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007.
27. Зобов Ю. С. Деятельность Г.Ф. Генса в Оренбурге // Ю. С. Зобов. Историки и исследователи Оренбургского края. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 77-82.
28. Игнатъев Р. Г. Рескрипт императора Александра I на имя Оренбургского военного губернатора Бахметева об открытии в г. Оренбурге дворянского военного училища // Справочная книга Оренбургского края на 1871 г. Приложения. С. 1-5.
29. История отечественного востоковедения до середины XIX века. Под ред. Г. Ф. Кима и П. М. Шаститко. М.: Наука, 1990.
30. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е. Л.: Наука, 1982.
31. Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского корпуса. Оренбург, 1913.
32. Лобысевич Ф. И. Город Оренбург. Историко-статистический очерк. СПб. 1878.
33. Максимович М. С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища (1819-1869). СПб, 1869.
34. Матвиевская Г. П. Оренбург и отечественное востоковедение в первой половине XIX века // История и философия науки. Вып. 2. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 9-20.
35. Матвиевская Г. П. Первый музей Оренбурга // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып. 1. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 7-29.
36. Матвиевская Г. П. «Добрейший, умный и чрезвычайно забавный собеседник» // Вечерний Оренбург. 2003. № 23 (5 июня).
37. Матвиевская Г. П. Яков Владимирович Ханьков. М.: Наука, 2006.
38. Матвиевская Г. П. «В Оренбурге Вы явитесь к военному губернатору...» Бухарская миссия А.Ф. Негри 1820-1821 гг. // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып. 3. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 6-22.

39. Матвиевская Г. П. «Умное и дельное сочувствие». А.Н. Дьяконов – оренбургский друг и единомышленник В. И. Даля // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып. 4. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 60-72.

40. Матвиевская Г. П. О преподавании восточных языков в Оренбургском Неплюевском военном училище // Евразийское ожерелье. Альманах обществ. ин-та истории народов Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. С. 233-237.

41. Матвиевская Г. П. Письма В. И. Даля к академику Х. Д. Френу // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. 26. СПб., 2010. С. 127.

42. Матвиевская Г. П. Мартиниан Иванов – оренбургский востоковед XIX века // Евразийское ожерелье. Альманах обществ. ин-та истории народов Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. С. 45-53.

43. Матвиевская Г. П. «Помня всегда долг службы и присяги...» Оренбург – начало научной и дипломатической биографии П. И. Демезона // Россия в отечественных войнах. Матер. IV Всеросс. историко-краеведч. конф., посв. памяти проф. П. Е. Матвиевского. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 190-191.

44. Матвиевская Г. П., Зубова И. К. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. Оренбург: Оренб. кн. изд-во. 2007.

45. Матвиевский П. Е. Г.Ф. Генс и его записи о русско-индийских связях в XVIII – нач. XIX в. // Из истории Южного Урала и Зауралья XIX века. Челябинск: Юж.-Ур. изд-во, 1966. С. 49-69.

46. Матвиевский П. Е. Оренбургская Пограничная комиссия // П. Е. Матвиевский. Очерки истории Оренбургского края XVIII–XIX вв. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2005. С. 151-154.

47. Матвиевский П. Е. Экспедиция на Тургай 1814-1815 гг. // Там же, с. 243-264.

48. Матвиевский П. Е. Г.Ф. Генс и его записи о русско-индийских связях в XVIII – нач. XIX в. // Там же, с. 317-330.

-
49. Матов А. Григорий Федорович Генс // Тургайская газета. 1896. № 43.
50. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975.
51. Мирсайтова С. Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Ч. I-II. Екатеринбург: УралНаука, 2002.
52. Митурич П. В. Очерк истории Оренбургского Неплюевского военного училища и Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса от основания их до последних преобразований // Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 год. С. 193-216.
53. Митурич П. В. Пятидесятилетний юбилей Оренбургской Неплюевской гимназии // Оренб. губернские ведомости. 1875. № 1.
54. Модестов Н. Н. Фома Карлович Зан в Оренбурге // Труды ОУАК. Вып. 35. Оренбург, 1917.
55. Оводов А. И. О направлении и силе ветров в Оренбурге по наблюдениям 1848-1867 гг. // Записки Оренб. отд. Имп. РГО. Вып. 1. 1870. С. 271-300.
56. Овчинников Р. В. «... И тому охотнику» // Р. В. Овчинников. За пушкинской строкой. Челябинск: Юж.-Ур. изд-во, 1988. С. 69-85.
57. Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы. Письма. Воспоминания. Ред. Ю. Д. Гаранькин. Составители Е. Г. Вертоусова, Г. П. Матвиевская, А. Г. Прокофьева и др. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1999.
58. Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
59. Полное собрание законов. I. Т. 39. № 29770. С. 50-54.
60. Попов А. В. Рукописи Г.Ф. Генса // Труды ОУАК. Вып. XIX. 1909. С. 174-182.
61. Попов А. В. Холера 1829-1833 годов в Оренбургском крае // Труды ОУАК. Вып. XXI. 1910.

62. Попов А. В. Воспоминания об Армане Петровиче Гра // Труды Общества изучения Киргизского края. Вып. 3. Оренбург, 1922. С. 1-6.

63. Прокофьева А. Г. Оренбургский край в произведениях русских писателей. Учебное пособие по литературному краеведению. Ч. II. Оренбург, 1993. С. 60-64.

64. Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск: Юж.-Ур. изд-во, 1970. С. 263-273.

65. Пушкин А. С. Письма последних лет (1834-1837). Л.: Наука, 1969.

66. Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом. Оренбург, 1915; 2-е изд.: Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2000.

67. Савинова Т. Н. Для обозрения степей и отыскания рудников. Военные экспедиции 1820-1826 гг. по территории Оренбургского края и их научно-картографическая деятельность // Гостиный двор. № 28. Оренбург, 2009. С. 96-112.

68. Свиньин П. П. Картина Оренбурга и его окрестностей (Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» в 1824 году) // Отеч. записки. 1828. № 99. Июль. С. 4-36.

69. Севастьянов С. Н. Товарищеский ужин неплюевцев // Оренбургский листок. 1891. № 11.

70. Севастьянов С. Н. Князь Г. С. Волконский как инициатор памятника Неплюеву – Неплюевского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса // Труды Оренб. ученой архивной комиссии (Тр. ОУАК). Вып. III. 1897. С. 1-56.

71. Севастьянов С. Н. Из летописи холерной эпидемии в Оренбурге в 1848 году // Тр. ОУАК. Вып. III. 1897. С. 1-14.

72. Севастьянов С. Н. Григорий Федорович Генс // Тр. ОУАК. Вып. XIX. 1907. С. 158-161.

73. Семенов В. Г. Ну что грустили, мой юный кадет? // Газ. «Оренбургская неделя». 1993. 26 июля.

74. Семенов В. Г. Степной музей // Альманах «Гостинный двор». № 3. 1995. С. 92-95.

75. Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1999.

76. Скибин С. М. «На ком лежит твоя кровь?..» (К истории гибели Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса) // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Вып. 3. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 42-54.

77. Столпянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург. 1908.

78. Судоргина Т. В. Здания купален отличаются удобством (о кадетской купальне) // Вечерний Оренбург. 1995. № 29 (20 июня).

79. Судоргина Т. В. «История Неплюевского корпуса очень любопытна» // Оренбуржье. 1995. № 151 (30 июля).

80. Судоргина Т. В. В. А. Перовский и Неплюевское училище // Южный Урал. 1995. (21 ноября).

81. Судоргина Т. В. «В ответах не застенчивы. И вид имеют здоровый» // Оренбуржье. 1996. № 95-96 (24 мая).

82. Судоргина Т. В. «У России морская душа» // Оренбургское время. 1996. 3 июля.

83. Судоргина Т. В. «Августейший путешественник, гость желанный» // Оренбургское время. 1996. 9 июля.

84. Судоргина Т. В. Цесаревич остался доволен // Вечерний Оренбург. 1997. № 25 (19 июня).

85. Судоргина Т. В. Дар адмирала И. Ф. Крузенштерна // Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1999. С. 152-157.

86. Судоргина Т. В. «Побольше бы таких деятелей» // Вечерний Оренбург. 2000. № 38 (14 сентября).

87. Судоргина Т. В. Трубач дал сигнал к обеду // Оренбургская неделя. 2000. № 5 (26 января).

88. Судоргина Т. В. «Путешествуя для ознакомления с военно-учебными заведениями» // Вечерний Оренбург. 2000. 19 и 26 октября.
89. Судоргина Т. В. Весь Оренбург у кадет // Оренбургская неделя. 2003. 19 февраля.
90. Судоргина Т. В. «Прогулки способствовали удовольствию» // Вечерний Оренбург. 2003. № 33 (14 июля).
91. Судоргина Т. В. Училище, основанное благотворительным путем // Вечерний Оренбург. 2005, № 3 (20 января).
92. Судоргина Т. В. «Сей подарок дорогого стоит» // Вечерний Оренбург. 2006. № 38 (20 сентября).
93. Судоргина Т. В. В память дня открытия Неплюевского военного училища // Оренбургское время. 2006. № 7 (15 февраля).
94. Судоргина Т. В. Годичные испытания на плацу // Оренбургское время. 2008. 14 мая.
95. Судоргина Т. В. Кадеты ездят смело и ловко // Вечерний Оренбург. 2010. № 37 (15 сентября).
96. Судоргина Т. В. История кадетского корпуса очень любопытна // Оренбургский вестник «Единой России». 2000. № 14 (4 сентября).
97. Ханьков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства // Записки Имп. Русского Геогр. об-ва. 1851. Кн. V. С. 268-358.
98. Цыпляев П. И. Письма В. И. Перовского к Н. В. Балкашину // Труды Оренб. ученой архивной комиссии. Вып. 23. Оренбург, 1911. С. 162.
99. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
100. Шилов Н. Д. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в эпоху Николая I // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994.

101. Юдин П. Л. Григорий Федорович Генс, первый директор Оренбургского кадетского корпуса // Русская старина. 1899. № 8. С. 363-373.

102. Helmersen G. Reise nach dem Ural und der Kirgisensteppe, in der Jahren 1833 und 1835. St. Petersburg, 1841.

103. Nachrichten über Chiva, Buchara, Chokand und den nordwestlichen Teil des chinesischen Staates, gesammelt von den Präsident der asiatischen Granz-Commision in Orenburg General-Major Gens, bearbeitet von Gr. von Helmersen. Mit einer Karte. St. Petersburg, 1839/ (Beiträge zu? Kenntnis des Russischen Reiches und der angrenzenden ? änder Asiens. Zweiter Bändchen).

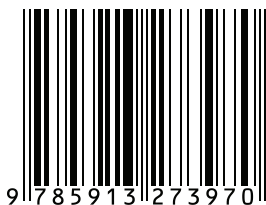
104. Rose G. Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Mure. Bd. II. Berlin, 1842.

Научное издание

Матвиевская Галина Павловна

**ОРЕНБУРГСКИЙ НЕПЛЮЕВСКИЙ
КАДЕТСКИЙ КОРПУС. ОЧЕРК ИСТОРИИ**

Монография

Компьютерный набор, корректура
и форматирование автора
Технический редактор Кулакова Г.А.
Подписано в печать 05.07.2016
Бумага офсетная.
Гарнитура PetersburgC
Формат 60×84 1/16
Печать трафаретная. Печ. л. 10,88.
Тираж 500 экз. Заказ № 026-16.

Отпечатано в типографии ИД «Академия Естествознания»,
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 3